

Наконец, неискушенному читателю остается неясным из речи Г. К. Орджоникидзе (при отсутствии других документов, которыми располагал оратор и которые существуют до сих пор), почему же из-за Карабахского вопроса в Закавказье творились ужасы и лилась кровь, если (как следует из книги) Карабах всегда вожделем одному—остаться в составе Азербайджана? Между тем в памяти человечества остался не только армянский геноцид в Турции 1915 г., но и аналогичные события, происходящие в мусульманской по преимуществу части Закавказья в 1905—1907 и 1918—1920 гг.

В этой связи издевкой выглядит утверждение авторов сборника о том, что дружба азербайджанцев и армян еще более укрепилась именно в конце десятих годов XX века. Ведь от армянской резни на территории нынешнего Советского Азербайджана 1918—20 гг. и до сумгантского геноцида 1988 года и последовавших за ним армянских погромов в Кировабаде, Баку, Шуше и других пунктах, поистине красной нитью проходит основной метод «решений» армянского вопроса в данном регионе.

Тут нельзя не упомянуть, что сборник открывается серией публикаций, взятых из газеты азербайджанских буржуазных националистов начала века «Азербайджан» — официального органа мусаватистского правительства. Конечно, в демократическом государстве, к которому мы стремимся, нельзя никому запрещать придерживаться тех ориентиров, которые ему больше нравятся. Однако удивляет и заставляет задуматься само трогательное единство при решении вопроса Нагорного Карабаха между сотрудниками Института истории партии при ЦК КП Азербайджана и теми, кто по логике должны быть их идейными и классовыми противниками.

Смехотворно утверждение авторов сборника и о том, что оставление НКАО в составе Азербайджана в начале двадцатых годов было справедливым, поскольку экономически Карабах был связан со всем остальным Азербайджаном. Но то же самое можно в равной степени отнести и ко всему Закавказью в целом, ибо одной из главных экономических основ означенного региона была в то время бакинская нефть. Не требовать же, в самом

деле, на этом основании включения Закавказья и сопредельных областей в состав Азербайджана!

Ф. ШЕЛОВ-КОВЕДЯЕВ,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института истории СССР АН
СССР.

г. Москва

«Коммунист», 11 октября
1989 года.

«ПОЧЕМУ СУМГАИТ?»

Статья под таким названием (в азербайджанской академической газете «ЭЛМ») интригует. В самом деле, какая-нибудь причинно-следственная связь между событием и местом его совершения? С такими чувствами взялся я за чтение этой довольно обширной статьи. И вот статья прочитана. Трудно передать словами шоковое состояние, в которое повергает она непредубежденного читателя, лишенного каких-либо «ситуационных» комплексов и пытающегося честно и беспристрастно разобраться в сложных процессах, проходящих как в самом Нагорном Карабахе, так и вокруг него.

Я много раз читал и слышал в разных интерпретациях термин «идеологическая диверсия». Но с непосредственным явлением, которое можно было бы так квалифицировать, жизнь меня не сталкивала. Пожалуй, статья З. Буниятова — это первый случай, когда я с полным основанием могу сказать: «Осторожно — идеологическая диверсия!» Я имею моральное право судить и выражать свое мнение по поводу статьи Буниятова, не опасаясь того, что он мне скажет: «Да кто ты такой? Пролетел бы ты такое в иные времена...» Напомню, что эти слова академик Буниятов соизволил адресовать академику Андрею Сахарову — совести русской интеллигенции, человеку, выстрадавшему поворот от «иных времен». Мое же моральное право скромней.

Около 40 лет активно работаю в одной из областей современной физики. За годы своей работы я отчетливо

понял, что хотя объект (или субъект), исследуемый учеными, может коренным образом различаться, но методология доказательности и моральные гуманитарные принципы науки — едины. Из сказанного следует, что я хочу говорить не о тех или иных деталях (пусть и весьма существенных для историка-профессионала) истории Армении, а обратить внимание на моральные нормативы и этику научного спора, о стилистике аргументации в духе З. Бунятова. Прежде всего поражает, что статья написана человеком, носящим звание академика. Это высочайшее научное звание уже само по себе многое предполагает и ко многому располагает. Конечно, «чины (как и звание) людьми даются, а люди могут обмануться». Это так, но все же...

Прочитав статью, я испытал обиду за поруганное научное достоинство и стыд за человека, позорящего, профанирующего ЭТО звание. Из статьи торчат уши предвзятости, злопыхательства, нетерпимости. Поэтому не будучи научным трудом в собственном смысле этого слова, она вряд ли заслуживает и серьезного научного разбора. Повторяюсь, что мы имеем дело с явлением ненаучного ряда. Это скорее всего самохарактеристика автора, раскрытие его антинаучной, антигуманной позиции. По жанру статья скорее подходит к анамнезу или, если угодно, к автопамфлету. Лично мне стыдно за то, что Бунятов и я проходим по одному цеху — цеху ученых. Ученый это не голько и не столько носитель глубоких конкретных знаний по выбранному им предмету, сколько личность с высочайшей нравственностью, порядочностью, человеколюбием, уважением к своей и к чужой культуре. Обобщенно мы все это называем интернационализмом. Не таков З. Бунятов, если воссоздавать его социальный портрет по его писаниям.

Походя чернит Бунятов ученых, одно имя которых, — гордость страны и символ перестройки. «Аганбегянствующие дашнаки...» (Это из статьи «Тунеядствующие «неформалы». «ЭЛМ» № 15). А в «ЭЛМ» № 19 нам достоверно сообщают, что «толстосумы из-за рубежа»... подкармливают Аганбегяна и его сообщников». По-видимому, «дашнаки Аганбегяна» — это его сообщники — сотрудники журнала «ЭКО», которые смело несли перестроенные идеи в экономику в самые мрачные времена

махрового зстоя. «ЭКО» был самым уважаемым и читаемым журналом интеллигенции (всякой), а не только экономистов. «ЭКО» был подлинным «лучом света в темном царстве», когда страна была повергнута в летаргию и мрак. Аганбегян — ученый божьей милостью, с мировым именем. А позорящий его З. Бунятов — широко известен в весьма узких кругах.

Еще одна недобросовестность, мимо которой я как участник Великой Отечественной войны просто не могу пройти.

Бунятов пишет: «Особенно ярко дружба между народами СССР проявила себя в годы войны. Гитлеровской пропаганде так и не удалось разобщить единство наших народов. Я с тревогой задаю себе вопрос — а что, если бы армяне затеяли эту свою возню в годы войны? Несомненно, фронт развалился бы в течение нескольких дней».

Кошунственные, несправедливые, обидные даже в своей постановке слова. Так вот, как очевидец свидетельствую. С армянскими солдатами, кстати, солдатами из тех самых мест, где прошло разрушительное землетрясение, с армянами из тифлисского Авлабара, с армянскими мальчиками из Армавира я прошел вместе весь Кавказ от Таганрога до предгорий Главного хребта. Так вот, там, где стояли армяне, фронту не грозил развал. Армянские солдаты были образцом мужества, терпения, умения организовать жизнь себе и всем окружающим в любых, самых невыносимых условиях, исключительно бескомпромиссной верности долгу. Это были верные друзья и благородные люди. Война, отступление, беды 1942 года разметали нас, но память об армянских и, кстати сказать, в той же мере и грузинских солдатах я храню всю жизнь. Мы ели с ними кашу из одного котелка, спали на снегу, под одной шинелью, мерзли с ними в одном окопе, пили воду из одной лужи. Поэтому, академик Бунятов, не смейте оскорблять честь и достоинство армянского солдата. Вы его не знаете. Они не «разваливали фронт», я не могу вспомнить случая, чтобы перебежчиком был армянин, на моей памяти не было ни одного армянина-самострела...

Я уже не говорю об огромном вкладе армянского народа в нашу Победу в Отечественной войне, в созда-

ние нашей Армии и Военно-Морского Флота. Имена армянских маршалов, генералов, флотоводцев, армянских военачальников нерасторжимы с историей нашей Великой Отечественной войны. Не следует забывать и это, академик З. Бунятов. Вообще, складывается впечатление, что вы «лучше владеете» фактами IV—V—VI... X—XII веков, но плохо знаете или неудачно интерпретируете факты XX века. Возможно ли такое? А что, если бы вдруг появился живой свидетель из X или XI веков? Выдержали бы ваши концепции его показания?

Так как же отвечает З. Бунятов на заявленный вопрос «почему Сумгаит?» Приведем слова автора: «... Крункковцы очень точно вычислили, где можно устроить дебош. Они нанесли свой гнусный удар по Сумгаиту. Почему Сумгаит? Потому что дашнакам вновь, в который раз, захотелось картину художника Верещагина «Апофеоз войны» переделать в современную фотографию с «армянскими черепами». Такова концепция «событий в Сумгаите» с позиции азербайджанского академика-историка.

Ну что можно сказать по поводу такого социально-исторического анализа? Прежде всего это — опять-таки не анализ, а анамнез. Модель «Апофеоза войны» Верещагина с армянскими черепами может прийти в голову только в параноидальном бреде. Ни Кафка, ни Сальвадор Дали в буйстве своей фантазии не придумали бы такой образ. По-видимому, видение горы, составляемой из «армянских черепов», не входило в число факторов, возбуждающих их творчество. Увы, сюрреализм Бунятова идет своим путем, развивается по своим, только ему присущим канибальским путем.

Итак, индивидуальные факторы, предопределившие выбор Сумгаита в качестве места для расправы азербайджанцев с армянами в знак протеста против «исторической несправедливости армян», обусловлен самими армянами, точнее, «крункковцами». Они сами выбрали Сумгаит в качестве лобного места для собственной казни. Такова логика историка Бунятова.

После установления и обоснования основного тезиса «почему Сумгаит?», академика вообще «развезло». Он «...отрицает наличие в Азербайджане 400 нелегальных мечетей: как об этом галдычит А. Оганесян» (до чего изящно формулирует свои мысли академик!).

А чего стоит такой исполненный человеколюбия историко-библейский пассаж: «Сорок лет пророк Моисей водил по пустыне сынов Израиля, чтобы они забыли о египетском плене, чтобы вымерли те, кто был в плену, и новое поколение ничего о рабстве не знало. Будем надеяться, что в случае с НКАО сорока лет не понадобится». Если это не обещание новых сумгаитов, если это не призыв к организованному геноциду носителей исторической памяти о том, что НКАО не всегда была «неотъемлемой частью Азербайджанской ССР», памяти о том, что история не всегда развивалась справа-налево, как хотелось бы Бунятову, — то что это? Я утверждаю, что академик З. Бунятов предлагает искусственно ампутировать народную память. Он предлагает заселить НКАО армянами-«манкуртами». Так будет удобней для торжества члеловеконенавистнических идей академика.

И, наконец, последнее. Оспаривая интервью М. Джунусова журналу «Смена» (№ 6, 1989 г.), называя это интервью безграмотным, Бунятов с негодованием восклицает: «И с каких это пор исламская религия стала претендовать на мировое господство? Чувшь какая-то! Перелистайте, доктор Джунусов, хотя бы «Словарь атеиста!».

В связи с этим заявлением у меня, как у читателя, два вопроса к академику.

Во-первых, объясните мне, что такое «исламский фундаментализм» и каковы его претензии? Меня также интересует, как вы, академик-историк, вероятно, официально примыкающий к марксистскому крылу исторической науки, защищаете, ограждаете (или, наоборот, приобщаете) многомиллионных жителей советского Востока, обобщенно понимаемых как «жителей Востока», от средневекового мусульманского ренессанса?

Во-вторых, вы серьезно считаете, что доктор Джунусов черпает свои суждения из «Словаря атеиста»? Это что, современный парафраз: прочитайте четвертую главу «Краткого курса ВКП(б)»?

Академик Бунятов, вы, вероятно, неоднократно рекомендовали своим ученикам, а может быть и коллегам, сверить свои мысли с «Кратким философским словарем» (редакция М. Розенталя и П. Юдина), этим кладезем марксистско-философской мысли, адаптированной до уровня «продолжателя дела Маркса, Энгельса, Ле-

нина...» (Цитирую по 4 изданию КФС, Госполитиздат, 1954 г.).

Да! Серьезно и глубоко вы аргументируете свои взгляды! Это мое мнение по той части вашей статьи, по которой я могу выразить свое суждение.

Что же в заключение? А вот что. Я всегда симпатизировал армянской точке зрения в сложной проблеме Нагорного Карабаха. Для этого были основания, сложившиеся из личных наблюдений отношения азербайджанцев к армянам задолго до эпохи «событий». Но к движению «Карабах» я относился без особого энтузиазма, по-видимому, не очень понимая его цели и воспринимая их сквозь призму доступной информации.

Сейчас, под непосредственным влиянием и воздействием вашей статьи, я прочно перехожу на позиции защитников движения «Карабах» от посягательства таких историков, как вы, академик З. Буниятов. Благодаря вашей статье я много понял. В этом ее позитивное значение в моем понимании вопроса. Хочется думать, что такой вывод делаю не я один!

В. ПЕТРОВСКИЙ

доктор технических наук, профессор, лауреат Госпремии СССР.

«Коммунист» 17 июня 1989 г.

г. Дубна

ТРИ ДНЯ В ФЕВРАЛЕ

Какой стране принадлежит Освенцим?

Чье национальное достояние лагерная Колыма?

Существенно ли географическое расположение для Лидице или гайанского «Народного храма»?

Эти вопросы остались все мне после того, как, взяв в руки машинописный том рукописи «Сумгаитская трагедия: свидетельства очевидцев», я читал и читал его до утра, пока не прочел весь. Только тогда я осознал, что, не узнав ничего ни об Азербайджане, ни о Карабахе, ни об Армении, я много узнал о человечестве — и с самым

себе. После февраля 1988 все мы, так или иначе, граждане Сумгаита, где каждый нашел свое место — в роли жертвы, в роли зрителя, в роли спасавшего и в роли убийцы. Те, кому этот выбор — выбор в жесточайших условиях, какие были в Сумгаите, или в более мягкой форме — предстоит, должны представлять себе полное значение этого символа испытания всех свойств человека на отношение к насилию в его абсолютно прямом, откровенно подлом виде.

Особенность нашей истории — вечное запаздыванье добрых людей, отчего-то опережаемых мерзавцами. И как посмотришь, чем в это время заняты были добрые люди, — окажется, что они боролись с очередным призраком: то с «угрозой реставрации», то с «правой опасностью», то — с «Ниней Андреевой»...

Сегодня публицистика совершенно ясно излагает читателю, как следовало вести себя членам Политбюро в 1923 году, имея политическое завещание Ленина на руках. Опубликованы и рекомендации современных советских экономистов в связи с хлебным кризисом 1928 года, и много других ценных советов. Однако все это опоздало, и теперь важно не опоздать еще раз. Мало толку будет знать в XXI веке, кого и чего следовало опасаться в году 1989 Р. Х.

И разве трудно знать? Для этого даже не придется звать экспертов. Достаточно ясно видеть происходящее и называть насилие — насилием, а не чем-то еще, например, праведным возмездием или социальной справедливостью.

XX век был веком боен, куда народы забредали неожиданно для себя, под шумок речей о прогрессе, в морюке астрономических цифр-показателей возведенного, ввезенного и розданного по справедливости. Они оказывались в западне лишь потому, что признавали некоторые виды насилия допустимыми (и, разумеется, не к себе!). «Допустимое»-то их и пожирало в лице своих активистов.

«Одеяльце, в которое был завернут ребенок, один из активистов взял за край, выкатил из него ребенка на оголенную кровать и бросил в общую кучу вещей, отнятых у семьи», — это не казачья сотня усмиряет крестьянские беспорядки. Это представитель народной власти распределяет по-справедливости национализированное

одеяльце черниговской колхозницы (свидетельство Х. Волович).

... Сегодня вновь заводятся споры о дележе все того же одеяльца, и стороны участвуют в этих спорах с необычайной серьезностью: делить или не делить? И в какой пропорции, если да?.. Рядом с этими дискуссиями печатается малозамечаемая уголовная хроника: Москва, 1989, мать выкатывает коляску с младенцем за дверь, и лишь на минуту задерживается. Выходит, а коляска пустая; трупик тут же находят в мусоросборнике. Кто-то, спускаясь по лестнице, затолкал ее живое дитя в мусоропровод.

Кто?

Злобный сталинист? Растленный попкультурой рокер? Нацист?

Образованный извращенец?

В Сумгаите свирепствовали заурядные люди, без выраженных идейно-политических характеристик. Вроде нас с вами.

Есть прекрасный тест Генриха Белля: если вы никак не можете решить для себя, верите вы человеку такому-то или нет, задайтесь вопросом — рискнули бы вы вдруг оказаться в его полной власти?

Вопреки кажущейся примитивности, это жестокий, абсолютно безошибочный тест. Редкий политик или публицист и сегодня выдержит испытание на него, какие бы слова он ни произносил. Оттого мы и не глядим друг другу в глаза: это помешало бы нам беспрепятственно лгать.

Недавно журналист, посетивший окраины Рио-де-Жанейро, в стране, примерно в одно время с нами вступившей в процесс демократизации, описал одно из блюд тамошней детской кухни: лепешки из газет, которые мамы пекут, чтобы несколько сбить голод. Свободную прессу размачивают в воде, дают кашнице набухнуть, после замешивают и пекут...

— Вот видишь, на худой конец и от гласности будет прок, — сообщил я знакомому политологу.

— Увы, — компетентно возразил он, — бумага в Латинской Америке часто делается из отжимок сахарного тростника и она сладковата. Наша же, из еловой щепы да тряпья, совершенно несъедобна!

— Как, и «Московские новости»?

Эти особенно — они печатаются на финской бумаге с синтетическими добавками...

Сегодня, когда насилие, проклятое официально обществом и государством, вновь исподволь возвращается в нашу жизнь и становится чем-то обыкновенным для нас, — только теперь можно понять, какой мистифицирующей жизнью мы жили. Мы в упор глядим на насилие — и не замечаем его, прельщенные аргументацией насильников и кличками, приготовленными для живых мишеней. У нас нет полновесного языка для самой человеческой жизни, безотносительно к ее патриотической и национал-государственной пользе. Никто при этом прямо не призывает к убийствам — призывают лишь защищать «любой ценой» отвлеченные от живого, вот этого человека ценности.

Мы не уничтожаем человека — мы просто о нем забываем, покидая его в обстоятельствах, грозящих для него смертью. И это делает не экстремист: так устроен, и так продолжает действовать одержимый мифами мозг.

Мы семьдесят лет отдали мифологическому сознанию и сегодня с трудом, недоверчиво поворачиваемся к реальности. Почти целый век у нас ушел на восстановление простейшего обоняния, чтобы мы поняли: труп врага пахнет так же, как пахнет труп друга. Труп классового противника пахнет не приятно и не весело — он пахнет трупом.

Лишь век спустя мы доходим до истины, что жестокость не бывает правильной, ярость не бывает справедливой, насилие не бывает чистым — и нет ничего грязней рук насильника, даже если этот насильник не боялся насилия над ним самим.

Оказалось, реакционерам так же больно, как революционерам, что сталинисты так же мерзнут, как либералы, и ферганские зверства омерзительны, как сумгаитские. Непомерно дорогой ценой мы заплатили за то, что отказывались признать палача — палачом, казненного — несчастным, идеологию — формой самодовольства. И сегодня мы еще раз платим за это: покинутые на полдороге старыми представлениями о мире, исключавшими значение человеческой жизни. Правильны они были или ложны, их сегодня у нас нет.

Зато у нас появился некоторый опыт.

Известны усилия, прилагаемые в последние сорок лет правительствами и народами мира для того, чтобы избежать ядерной катастрофы. Если мы говорим об угрозе термоядерного финала, то есть абсолютного конца катастрофы, сильнее которой мы не способны представить,— есть ли после этого на шкале катастроф такая, о которой лучше помалкивать?

Землетрясения губительны. Экосистемы хрупки. Ядерная энергия опасна. Но ничего нет более опасного и тревожного, чем сам человек, в его попытках утвердить на планете лучшую жизнь навеки и в его склонности прибегать к разнообразным формам насилия с этой целью. Человек значительно опасней для самого себя, чем атомная бомба, которую он сам придумал и применил. И катастрофой ему грозят не технические сюрпризы, а недооценка его собственных склонностей.

Катастрофа — когда ребенка вытряхивают из одеяла, потому что одеяло необходимо для торжества идеалов тех, кто так поступает.

Но какой ряд событий приводит к состоянию власти и человека, когда можно так поступать, не рискуя быть убитым на месте? Вот что важно. Именно этот ряд событий означает растянутую катастрофу. Когда вооруженные люди приходят отнимать вашу жизнь в пользу народа, катастрофа уже стряслась, и вы пожинаете ее результат.

Давайте же исследовать любой случай одобряемого насилия, кто бы его ни одобрил.

Давайте неослабно контролировать ход вещей, который ведет к единственной реальности в мире, еще более опасной и грязной, чем даже само насилие,— к одобрению, защите, к аргументации в пользу насилия. Ведь мы уже знаем, как страшно мы ошибались, как слепы мы бывали — и как упорствовали в своей слепоте. И если наша новая попытка справиться с судьбой кончится так же, как прошлые, чем оправдаемся мы перед новыми жертвами — перед голодающим человеком, перед мерзующим человеком, перед человеком, которого заталкивают в топку?..

Чем — напечатанной наконец-то «Лолитой»? «Архипелагом ГУЛаг»?

Но ведь и 1917 год открыл дорогу типографским публикациям в России полного Пушкина, полного Герцена, романа «Воскресение»... А взгляните в разбитое прикладом лицо русского царя — череп мужчины, на глазах которого стреляли в его детей. Согласился бы Лев Толстой, презиравший Николая Романова, с такой ценой публикации полного собрания своих сочинений?

Никакая гласность не станет нашим оправданием, если вновь из Евразии хлынет ужас.

«Это был праздник зверей. Они в этот день делали то, что делали бы каждый день, если бы не страх перед властями», — говорит Людмила М., одна из жертв толпы наших озверевших сограждан. И она же: «Три дня мы проверялись и на храбрость, и на смелость, и на человечность. Кем мы стали, кем нас воспитали — показали эти три дня, а не те годы, десятки лет, которые мы прожили до этого дня». Так что же такое Сумгаит: пир хищников или испытание людей на человечность? И кто такие мы сами, читатели этой книги — люди или зверье?

Человечество всегда жестоко расплачивалось за самогипноз, за утерю понимания и памяти о происходящем. В дни, когда разыгрывалась сумгаитская драма, мы в столицах читали «Детей Арбата» и ахали: подумать только, каков злодей, этот Сталин!..

Когда кровавая черта, впоследствии усугубленная нерешительностью политиков и замалчиванием прессы, пролегла между двумя народами и в обе стороны от нее потянулись толпы беженцев, мы в столице трепетали перед последствиями «письма Нины Андреевой»: господи, что с нами теперь будет?!

... И мы смели бояться этих призраков в дни, когда одинокий старый человек, спасая десятерых, своей волей стал под ломки негодяев — и они били его по голове этими ломиками изо всех сил! Мы настолько презирали человеческую — свою собственную! — природу, что недооценивали ни силы зверского в себе, ни той силы, что сопротивляется зверству любого насилия.

Мы полагали, что новое мышление приобретают, получая и прочитывая «Новый мир». В это время новое мышление испытывалось и распрямлялось в Сумгаите,

где насильно вновь не удалось загнать человеческий дух в расовое либо иное животное подполье.

Ниже приведены два отрывка из книги «Сумгаитская трагедия: свидетельства очевидцев» (т. 1, Ереван, 1989. Редактор-составитель С. Шахмурадян). Как увидит читатель, это свидетельства тех, кому повезло.

Петросян Владимир Григорьевич, родился в 1956 году. Работал парикмахером в сумгаитской парикмахерской № 1.

Его жена, **Петросян (Халафян) Марина Михайловна**. Родилась в 1962 году. Домохозяйка. Проживали по адресу: «Сумгаит, 4 квартал, д. 24а, кв. 2.

Владимир: Сидели у тещи. Вдруг слышим — крики «Ура! Ура!» Идут. Смотрим — во дворе сотни человек собрались. Весь двор полон. «Сейчас к нам придут, — говорит теща, — сейчас к нам придут! Все спускаемся в подвал!»

Когда все, кто был в квартире, спустились в подвал, я остался с дядей Карменом. Я говорю дяде Кармену: «Давай мы тоже спустимся в подвал. Может, не найдут нас?» Он говорит: «Нет, ты иди, а я пойду в спальню, в спальне я буду». Я спустился, и он за мной люк закрыл. И сразу же эти ворвались, началось там. В подвале все слышно было.

Марина: Да, все слышно. И такой шум был: не только нашу, там и другие квартиры громят — звон стекол, что-то падает сверху.

Владимир: Потом Григорян Эмму с четвертого этажа вывели во двор. До этого ее мужа, Черкеза, столько били у подъезда — где-то 5—6 часов били. Кто ни подойдет, какая группа ни подойдет, все его бьют. Кастрюлями по голове, не знаю чем — по голове...

Марина: Он так стонал, так кричал! С четвертого этажа до нас доносились крики Вали, невестки Эммы и Черкеза. Она кричала как сумасшедшая, звала свою шестилетнюю дочь: «Кристина! Кристина!» Мы уже подумали, что украли, унесли Кристину. Бедная Валя кричит, а со двора смеются: «А-а, Кристины уже нету! Кристины нету!». Потом, когда тетю Эмму вывели, — я ее голос тоже слышала — ее раздели: у нас металлическая сетка на подвальном окошке, там немножко

видно. Потом стали играть на пианино. Они чувствовали себя как дома — свободно, все ломали не торопясь... Я слышала, что в комнате кого-то бьют...

Владимир: Это был дядя Кармен. Его нашли...

Марина: Я тоже подумала, что это дядя Кармен, свекор моей сестры. Его стали избивать... Я сказала: «По-моему, это дядю Кармена бьют». А Владик говорит: «Нет, его соседка забрала, Сабиргаль».

Владимир: Ну, я так сказал, чтобы остальные в подвале в панику не впали. Нас там десять человек было.

Марина: А сын Кармена... Мы его еле удержали, Андрея. Он не мог, все шептал: «Мой отец остался! Мой отец остался!» Мы его еле удержали. Успокаивали Андрея: «Не переживай, твой отец у соседей». Потом слышим — они говорят: «Поднимайтесь на четвертый этаж! Там тоже армяне. Поднимайтесь к ним!» Толпа поднялась на четвертый этаж — что они там творили! Это я уже потом узнала, в автобусе, когда солдаты на бронетранспортерах подъехали. Я видела через сетку, как сожгли одного человека — это оказался Авакян Юра. Он тоже проживал на четвертом этаже. Его прямо вытащили из квартиры, избивали, потом сожгли его... Через окно в подвале я видела, как горит... человек. Я уже не могла... Думаю: «Господи!» Я думала, что дядя Черкез, оказалось — это Юра был.

Владимир: Он защищался долго. Юра долго защищался. Я слышал, как снаружи говорили: «Сколько мы хотим его дверь сломать — не можем. Лом несите, быстро! Лом несите, чтоб взломали ломом!» Подробно потом его сын рассказывал. Его зовут Камо. Он по балконам спустился. Потом говорил: «Я на работе боялся со второго этажа вниз посмотреть, как я с четвертого этажа по балконам вниз спустился — сам не представляю».

Марина: Камо каким-то образом подсоединил электричество к двери, и этих, из толпы, било током.

Владимир: Они железную сетку от кровати приставили к двери и пропустили по ней ток, так что уже кровать била током. И воду налили на пол — уже и пол тоже ток пропускал. Те подходят — бьет током. Тогда толпа приволокла из соседней квартиры, где Григоряны жили, матрасы и по сухим матрасам ворвались в квартиру.

Марина: Из толпы орал: «Откроем дверь — всех перережем! Всех до одного!» Потому что очень долго мучились с их дверью. Родители Камо из задней комнаты из спальни, перешли по балкону к соседке, к азербайджанке по имени Ханум. Но бандиты догадались, что они, наверное, к ней перешли, потому что на четвертом этаже больше не к кому. И стали колотить в ее дверь. Ханум открыла дверь, стала на колени и говорит: «Что вы хотите? Не трогайте этих людей! Вот, если вы крови хотите... — и она ногу себе порезала, провела ножом по ноге своей. — Вот, если хотите — вот кровь! Только их не трогайте!» Они все равно Юру прямо на руки схватили и вели. Но жену не убили... Из нашего подъезда двоих убили: Юру Авакяна и Эмму Григорян. Мы спаслись, но каково нам было в подвале, что мы пережили!

Владимир: В подвале было столько ящиков, что невозможно было пошевелиться...

Марина: Негде было стоять.

Владимир: Подвал ведь маленький, совсем маленький! И мы вот подальше от люка спустились все в одну кучу, чтобы нас не увидели, если откроют.

Марина: Мы впритык стояли. Мой ребенок, Диана, вспотела вся...

Владимир: Вся мокрая была, когда вышли оттуда...

Марина: Боялась голос подать. Говорит: «Мама, кто это?» Я говорю: «Дианка, молчи! Потом, потом!» Вся была мокрая, мы ее к себе прижали. В подвале вокруг нас посуда, баллоны, чуть шевельнешься — загремит. А они все время над нами, прямо над головами стояли, на балконе. Ясно слышали, как переговариваются между собой.

Владимир: И русские среди них тоже были.

Марина: По-русски говорили чисто.

Владимир: Абсолютно без акцента говорили.

Марина: Слышали, как во двор заехала пожарная машина. Что-то вроде лезут по пожарной лестнице, что-то разбивают — слышно. Машина отъезжает. Просто вновь заезжает во двор... Мы уже с ума сходили. Просто у нас уже не было никакого спасения. Мы думали, или смерть, или... Ведь куда не звонили до этого — в милицию, в пожарную, — помощи не было. Ну, мы думаем, все, наверное, убьют, живые останемся — счастливые, значит.

Владимир: Я не верил, что мы оттуда живые выйдем. Думал: «Все равно найдут, в конце концов найдут».

Марина: Найдут. Я тоже так думала.

Владимир: Когда они зашли на балкон, стали ходить прямо над нашими головами и остановились на люке, люк заскрипел весь, я подумал, что они уже открывают. А тут младший наш ребенок захныкал. Ему три года. До этого он спал. Слава богу, успокоили. Гришей его зовут. Отца моего тоже Григорием зовут. «Папа, — говорю, — я уже устал его держать, не могу больше». Я его все время на руках держал, маленький он. Диана хоть стояла, а он не мог стоять, устал, уже ноги не держали его. Диана стояла, все время на ногах стояла, бедная. Она выдержала. Стояла. Когда мы вышли, она вся мокрая была. Все платье было мокрое. От страха. Дрожала. Я чувствую — ее ноги касались моей ноги, — чувствую, как у нее дрожь идет, вся она дрожит. Я говорю отцу: «Папа, как-нибудь сядь на пол и ребенка возьми: я уже не могу держать». У меня уже ноги сводило судорогами. И руки устали, болят. Ну, представьте, семь часов на руках ребенка держать. Я отцу говорю: «Папа, как-нибудь потихоньку сядь, чтобы не слышно было». Еле-еле он сел на цементный пол, и я ребенка потихоньку отдал. Ребенок уже спал. Я отдал ребенка, а он всхлипывал во сне. Я говорю: «Папа, как-нибудь поверни, чтобы не всхлипывал, а то услышат». И мы все — десять человек — все друг друга поддерживали. Говорили: «Тише, тише». Какой-нибудь шорох — шепчем: «Тише, тише». Так сидели мы и ждали своей участи.

Марина: Все это время, стоя, тряслись, дрожали. Кто-то пить хотел — терпели. Во рту все пересохло. У нас прямо горечь во рту была у всех, а тогда я думала, только у меня. Воздуха не хватало, дышать нечем. Мало того, во дворе все горит, этот дым... Запах горящего человека...

Владимир: Одна из женщин сказала: «Так в туалет хочу». А я говорю ей: «Давай на пол, стоя...» А что делать? Это не столько от выпитой воды, это от страха, наверное. У всех от страха.

Марина: От страха.

Владимир: Вы не думайте, что этих подонков интересовали только убийства, поборы и изнасилования.

Марина: Грабили и веселились. Играли на пианино.

Ну, музыканты, профессионалы просто, так хорошо играли. Играют и ломают все вокруг.

Владимир: «Джип, джип, джуджялярым» играли, всю дорогу это играли.

Марина: И плясали тоже. Вытворяли все, что в голову взбредет, только шум стоит.

Владимир: Сволочи! Вспомнить тошно... Вот у нас парень есть в пансионате, он говорит, что видел с балкона, как в четвером микрорайоне девушку вели голую... Голую ее вели, били, а вся толпа... Там столб был фонарный: около столба ее остановили, сделали круг и начали хлопать, чтобы она танцевала. Они хлопают, она танцует, а они смеются. Дяде Кармену тоже говорили: «В Ереван поедешь?» Слышно было как его избивают. Но мы просто не хотели думать, что это он... Андрей, его сын, все время твердил: «Папа, папа, папа, папа...» А я говорю: «Молчи, молчи...»

Марина: Его отец даже звука не издал, чтоб мы не заволновались и не выдали себя. Он знал, что сын не выдержит, выскочит из подвала. И вот ради всех нас он молчал. Его мучили всячески — он молчал все равно.

Владимир: Наше счастье это было. Считайте, что второй раз родились. В подвале я все время думал: «Интересно, который час? Скорее бы светло стало, скорее бы. Может, когда станет светло, они перестанут». И вдруг слышим со двора военные команды: «Наряд! Заходи справа! Слева заходи!» ... А потом стали звать: «Армяне есть живые? Живые есть? Выходите!» Я хотел выйти, теща меня за руку держит: «Не выходи, не выходи! Это, наверное, они специально на русском говорят, хотят перехитрить нас». «Нет, — говорю, — я команды слышал, это солдаты». Я в армии служил, знаю все эти приказы. Я уже открываю люк. Теща удерживает: «Нет, нет, нет, не открывай!» Слышу, что солдаты уходят, голоса слабее стали, а я стою и нервничаю. Не выдержал: «Все, я уже не могу, уже не могу!» И резко так люк поднял, изо всей силы, вылез и кричу: «Солдаты, солдаты! Мы живы! Мы здесь! Помогите, здесь дети! Дети, дети! Заберите их». Солдаты услышали, подошли... Мы были такие испуганные, так спешили, что я детей прямо через разбитые окна балкона передавал солдатам. Солдаты говорят: «Давайте, давайте» Теща говорит: давай через дверь выйдем, зачем ты?...» А женщины

прямо через окна спускаются. Руки порезали о стекла...

Марина: Я тоже пальцы порезала...

Владимир: Мы боялись, боялись выходить через комнаты.

Владимир: Это война была, война!

Марина: Ой, какая война? Хуже, чем война. Вот генерал говорил: «Я был в Афганистане на войне, но такого еще не видел».

Бедян Кармен Акопович.

Родился в 1935 году. Проживал по адресу: Сумгаит, I микрорайон, ул. Мира, д. 5/7, кв. 8. Работал плотником на хозрасчетном строительном участке треста «Агропромстрой».

Они зашли во двор, эта черная масса. Вот, значит, наш пятый дом стоит, где мы отмечали сороковины, и напротив стоит шестой дом, между нами где-то 30—35 метров, и вот в этом промежутке свободного места не было, все было черно...

Все десять человек, которые были дома, — всех я спустил в подвал. Там был старенький половик, коврик; этим половиком я закрыл сверху люк и посуду, которую взяла напрокат, положил поверх коврика на люк, чтобы не было заметно.

Я остался один. И как вот этот, в клетке белый медведь — видели вы? — ходит из одного угла в другой — точно так же я хожу взад-вперед по квартире. Перед глазами смерть уже, все... Думаю: молодые, пусть живут, а я — черт с ним! — уже 52 года прожил, пусть меня убьют, ничего страшного не будет. И вот, когда первый камень залетел, я думаю: уже все, к нам тоже ворвались. И смотрю — камень за камнем, камень за камнем. И поломали все окна.

Смотрю — через окно, через дверь, через веранду, с трех сторон они стали врваться к нам. Я тут же ушел в спальню, и там шифоньер был — придвинул его к двери. Они, как зашли в гостиную, говорят: «Э-э, здесь много чего есть! Все заходите сюда!». И один говорит: «Здесь магнитофон. Магнитофон — мой!» Другой говорит: «Ковер — мой!» «Слушай, — кричит еще один, — у них и пианино есть». Они открыли пианино. Открыли пианино, и, как я понял, кое у кого из них было музыкальное образование, потому что играли они на пиани-

но хорошо, свои мелодии, песни. Один играет, другой говорит — отойди, я тоже буду играть; играет этот — следующий говорит — отойди, я тоже. Наверное, человека четыре играли так на пианино, и все играли отлично!

Стали толкать дверь спальни, шифоньер сдвинулся, они зашли. Я прижался к стене за шифоньером. Пошли в мою сторону, увидели меня. И один сразу говорит: «А-а, сукин сын, ты здесь!» Молодые, здоровые парни от 18 до 25 лет. И не оборванцы были, не в рабочей одежде; они были хорошо одеты; у кого куртка, у кого плащ кожаный с погончиками, модный. Ломики, где-то сантиметров 40 или 50, вытащили, у каждого в руках блестят. Я говорю: «Слушайте, ребята, что хотите — берите из дома, но меня не трогайте». «Сукин сын, ты еще осмеливаешься говорить?!» — и как начали меня бить по голове, я чувствую — кровь прямо хлыщет из моей головы... Где-то раз пять меня стукнули ломиком. Я же говорю, у них были специально приготовленные ломики, на токарном станке мне кажется, выточены были. Это не одного дня работа.

Вот, значит, когда меня начали избивать и глаз мне выбили, по зубам дали так, что все до сих пор шатаются, один среди них говорит: «Здесь мы его убьем — никто не увидит. Вытащим его на улицу, там, на улице, будем убивать». Я обрадовался!

Я думаю: «Это хорошо. Наши в подвале не услышат мои крики». Хоть столько и били меня, но я не издавал ни звука, потому что думаю, молодой он, сын мой, будет оттуда кричать и узнают их место. Я, значит, когда сказали, мол, вытащить, убить на улице, обрадовался... Но когда меня вытаскивали через общую дверь, и в лицо ударил свежий воздух, я как будто снова ожил. Вытащили уже из подъезда, смотрю — там такой костер горит, и они говорят: «Давайте его тоже... в костер».

И откуда я меня сверхъестественная сила взялась после стольких ударов?! — я их взял двоих, друг об друга стукнул — у меня нашлась такая сила. И один упал туда, другой упал сюда. Бог мне дал и рост, и силу. И хоть я в больнице лежал, нога у меня болела, но, наверное, ни одна машина меня бы не догнала — так бежал я от страха. Голпа кричит: «Ловите, ловите! Армянин убегает! Ловите!» И эти сволочи, эти двое меня поймали. И тут же те сзади подоспели. Подоспели, зна-

чит, и опять меня по голове этими же ломиками, только били теперь сзади, по затылку...

Когда они ушли, я уже ничего не чувствовал. Не знаю, сколько я там лежал, много ли мало. Потом чувствую — человек ко мне подошел, как будто во сне чувствую, что кто-то меня трогает, — русская бабушка: «Сынок, сынок!» Я будто во сне... или не во сне... Потом я очнулся и говорю: «Что?» «Сынок, ты живой?» Я говорю: «Да, живой». «Вставай, — говорит, — уходи, эти сволочи придут сюда обратно». Она мне помогла, подняла с земли, довела меня до маленького сада перед больницей. До этого сада довела и говорит: «Я вернусь, а то они увидят, что я тебе помогаю, меня тоже убьют».

ГЛЕБ ПАВЛОВСКИЙ
«Век XX и мир», № 12 1989 г.

КТО ЕСТЬ КТО В КАРАБАХСКОМ КОНФЛИКТЕ

Культивируемые официальными средствами массовой информации ложь и умолчания о событиях в НКАО и «вокруг него» привели к тому, что колоссальное значение этих событий (не только для Закавказья) недооценивается всюду за пределами Армении и Азербайджана. Недооценка порождает безразличное отношение многих участников демократического движения к карабахскому конфликту, в чем, несомненно, и состоит одна из целей массовой дезинформации.

Нетрудно выделить в карабахских событиях различные, но сложнопереpleтанные между собой конфликты.

Конфликт политический, между большинством населения НКАО и властями Азербайджанской ССР состоит в непримиримых пока что противоречиях в определении статуса НКАО. Развитие конфликта привело к настоящему времени к тому, что население области не признает над собой власти бакинского правительства.

Совершенно очевидно, что сторонами в этом конфликте являются власти АзССР с одной стороны и большинство населения Карабаха — с другой. Население

НКАО в этом конфликте сейчас представляет Национальный совет, избранный на Съезде народных представителей, ранее эту функцию исполнял Областной совет НКАО. По меньшей мере один раз население прибегло и к прямому всенародному волеизъявлению в форме так называемого технического референдума, результаты которого подтвердили решение Областного совета НКАО о выходе области из состава АзССР.

Армянская ССР в этом конфликте стороной не является, вопреки тому, что именно этот конфликт часто пытаются представить как спор из-за территорий между Арменией и Азербайджаном. Начало этому конфликту (опять-таки вопреки тому, что обычно говорят) положил Верховный Совет АзССР, когда он отверг обращение Областного Совета НКАО (следует напомнить, что лишь вслед за этим независимость Карабаха от АзССР была провозглашена в одностороннем порядке).

Последнее на настоящий момент слово в этом конфликте также принадлежит Верховному Совету АзССР. Мы имеем в виду принятый в октябре с. г. закон АзССР о суверенитете. Этот закон лишь, на первый взгляд похож на законодательные акты Прибалтийских республик. Стержнем этого закона является беспрецедентный пункт.

Называя этот пункт беспрецедентным, мы имели в виду довольно узкие географические и временные рамки. При более широком поиске прецеденты отыскать, видимо, можно. Так, один из пунктов восходит, возможно, к Турецкой Конституции начала века, согласно которой «Турция является неделимой империей. Ни одна ее часть ни при каких условиях не может отделиться от нее».

Суть его в следующем:

— **НКАО и Нахичеванская АССР являются неотъемлемой частью АзССР.**

Таким образом, это отвергает в принципе возможность, что сейчас или когда-либо в будущем какая-либо часть населения АзССР сможет воспользоваться своим правом на самоопределение. Все и всегда будет управляться из Баку, что бы в мире не случилось.

Конфликт межнациональный, к которому средства массовой информации стремятся свести все дело, как только речь заходит о Карабахе.

Конфликт межгосударственный. Это конфликт между суверенными государствами, каковыми являются согласно Конституции Армянской ССР и АзССР. Начало этому конфликту было положено два с лишним месяца тому назад открытием экономической блокады Армении со стороны Азербайджана. Подчеркнем, что вооруженная осада Карабаха, предпринятая Азербайджаном, не является в строгом смысле составной частью блокады Армении, это одно из средств, применяемых АзССР в ее попытке решить конфликт с НКАО. Сказанное подтверждается тем, что осада Карабаха началась гораздо раньше и продолжается теперь, когда блокада Армении как будто временно приостановлена.

Таким образом, по инициативе Азербайджана в карабахский конфликт оказалась втянутой и Армения. В последнее время предпринимаются попытки втянуть сюда и Грузию, которой было предъявлено требование не пропускать грузы для Армении. В случае отказа блокадой угрожают и Грузии.

Итак, три конфликта. Проанализируем позицию в каждом из них официальных союзных властей.

В первом, политическом конфликте между бакинской властью и народом Карабаха Кремль стоит на безоговорочно пробакинской позиции. Это не раз удостоверялось различными решениями на высоком партийном и государственном уровнях, а также тезисом М. С. Горбачева о недопустимости «перекройки границ», многократно повторенного руководителями всех рангов. В еще более резкой форме это было высказано Е. К. Лигачевым в Баку, что заявление в духе «был, есть и будет» можно считать предтечей упомянутого пункта недавнего закона о суверенитете АзССР.

В чем причина такой однозначной позиции высших властей? Некоторые склонны объяснять это прямым подкупом кремлевской верхушки со стороны азербайджанских партийно-мафиозных кругов. Не отвергая такую возможность в принципе, заметим, что, по нашему мнению, она мало что объясняет. Карабахская проблема имеет совершенно другой характер. Как только карабахцы отказались от верноподанных прошений в высшие инстанции и подняли вопрос о самоопределении, то есть, предложили верховной власти законодательно оформить и исполнить волю народа только на том основании, что

это — воля народа, они вступили в противоречие с одним из основополагающих законов, управляющих функционированием имперского организма. Этот закон гласит, что империя ни при каких условиях не может поддаться давлению снизу, в особенности в вопросах самоопределения входящих в империю народов или территорий. Преступив это фундаментальное правило, империя перестает быть империей. Требовать такого от имперских властей, все равно, что склонять тигра к вегетарианству. Даже военное поражение не столь опасно для империи, сколь мирное отступление перед тем, кто настаивает на самоопределении. Поэтому в империи нет и не может быть разработанного законодательного механизма для осуществления права на самоопределение в цивилизованных ненасильственных формах. Говоря об империи, мы имеем в виду как «малую» империю — многонациональную АзССР с входящими в нее автономными образованиями, так и «большую» — СССР в целом. Не так уж важно, что в результате выхода НКАО из состава АзССР большая империя как будто ничего не теряет, важен сам опасный прецедент самоопределения снизу.

Перейдем к конфликту межнациональному. Показательно, что общественное мнение Армении обвиняет центральные власти с проазербайджанской ориентации, общественное мнение Азербайджана, напротив, — в проармянской. Мы хотели бы отвести оба обвинения как поверхностные. В действительности задача центральных властей состоит в поддержании постоянного огня под котлом межнациональной вражды, что достигается более или менее скрытым поощрением любой эскалации от кого бы она не исходила. Перечислим факты, дающие основание к такому выводу.

— В конце февраля 1988 г. в известном столкновении у Аскерана при невыясненных до конца обстоятельствах были убиты выстрелами два азербайджанца. Азербайджанская сторона обвиняет в убийстве армян, армянская, основываясь на показаниях брата одного из убитых, утверждает, что стрелял милиционер-азербайджанец. Об этом событии была широко информирована всесоюзная общественность (устаи заместителя генерального прокурора Катусева). При полном молчании

о происходивших одновременно событиях в Степанакерте (сессия Облсовета) это выглядит как провокация.

Запоздалые и неэффективные действия войск в Сумганте. Об этом достаточно хорошо известно. Сошлемся, например, на показания свидетелей на процессе в Москве. Из них видно, что военные имели инструкции не заходить внутрь кварталов, где 29 февраля (т. е. при наличии войск в городе) продолжались убийства и истязания.

— Неэффективными и вялыми были действия по расследованию сумгантских погромов. Было допущено уничтожение или сокрытие большого числа вещественных доказательств; против одной из свидетельниц — Зинаиды Мудрецовой — было инспирировано уголовное дело.

— Не было дано политической оценки событий в Сумганте, что можно расценивать как очередное поощрение преступников и соучастие правительства. Причем азербайджанский академик З. Буннатов (см. его статью «Почему Сумгант?») считает, что армян в Сумганте убивали другие армяне (из Еревана) и даже знает фамилию одного из убийц (?!). Занятно, что главным укрывателем этих мифических армянских убийц оказывается сам академик, который 15 месяцев держал в секрете столь необходимые для следствия данные.

— Когда в ноябре 1988 г. произошла вспышка насилия над азербайджанцами в некоторых селах Армении, немедленно было введено особое положение в Ереване, где никаких правонарушений на национальной почве не наблюдалось, зато те места, где насилие, действительно, началось, были оставлены без присмотра, для того, очевидно, чтобы вражда разгорелась сильнее.

— Если предположить, что миссия находящихся в НКАО войск состоит в предотвращении национальных столкновений, то их действия выглядят довольно странно. Войска не отделяют друг от друга места компактного проживания армян и азербайджанцев, а пытаются наводить порядок внутри таких мест. Это беспорядочное на первый взгляд занятие обретает ясный смысл, если допустить, что задача войск вовсе не в пресечении столкновений, еще менее — в их предупреждении, а на самом деле — в наказании «умников», беспокоящих правитель-

ство самоопределением, самоуправлением, народовластием, обращениями в Совет Безопасности и прочими сумасбродствами.

Мы далеки от намерений обвинить центральные власти в патологической кровожадности. Их цель вполне прагматическая — не дать межнациональным страстям упасть ниже определенного градуса, чтобы всегда иметь причину отлынивать от принципиального политического решения карабахского вопроса. Не следует забывать и того, что постоянная напряженность в Закавказье служит властям хорошим козырем в их взаимоотношениях с национально-демократическими, да и всеми демократическими движениями по всей стране. Достаточно вчитаться в Заявление ЦК КПСС о положении в Прибалтике, чтобы усмотреть в нем необоснованную экстраполяцию положения в Карабахе на ситуацию в Прибалтийских республиках.

Потворствуя эскалации насилия, союзные власти всеми средствами, включая военные, противодействуют ненасильственным конституционным начинаниям. Упомянутое выше и, казалось бы, бессмысленное введение особого положения в Ереване 24 ноября 88 г. было приурочено к сессии Верховного Совета Армении и имело целью заблокировать реализацию решений высшего законодательного органа республики. По существу это был разгон (хоть и без рукоприкладства) Верховного Совета Армянской ССР. Еще раньше на Ереван десантировались войска для пресечения мирных митингов и демонстраций. Этой же цели служило изгнание П. Айрикяна, арест и содержание без суда членов комитета «Карабах» (в том числе — двух депутатов Верховного Совета), продолжающееся по сей день незаконное содержание под стражей депутата Верховного Совета А. Манучарова (все названные — принципиальные сторонники ненасильственных действий).

Рассмотрим, наконец, позицию властей в конфликте, связанном с блокадой. Зададимся тремя вопросами.

1. В состоянии ли правительство Союза ССР, его Верховный Совет, находящиеся в ведении Союза Вооруженные силы осуществить полное деблокирование Армении и НКАО?

2. Обязаны ли союзные власти это сделать?

3. Желают ли они это сделать?

Положительный ответ на этот вопрос станет очевидным, если вспомнить успешные операции по снабжению блокированного Кабула и учесть, что ни правительство, ни Народный фронт Азербайджана не имеют пока на вооружении «стингеров». Впрочем ясно, что при твердом и умелом подходе к делу чисто военные акции скорее всего и не потребовались бы.

Положительный ответ на второй вопрос можно вычитать в Конституции СССР и Союзном договоре.

С третьим вопросом сложнее. Нельзя отрицать, что армейские вертолеты доставляют в Карабах некоторые предметы первой необходимости.

— В Армению кое-что доставлялось по воздуху, например, отпечатанный в Москве тираж «Правды»:

— МПС пытается, насколько это возможно, переключить грузопоток с Азербайджанской дороги на Закавказскую;

— Временное ослабление блокады достигнуто, вероятно, не без давления Москвы.

И вместе с тем...

— Снабжение Армении и в особенности НКАО в полном объеме не восстановлено;

— Никаких гарантий от повторения нет;

— Правящая верхушка сделала все возможное для блокирования дебатов по вопросу о блокаде в Верховный Совет СССР. Очевидный, казалось бы, факт враждебных действий одной из республик СССР против другой, а посредством этого и против всего Союза, был растворен в разговорах о неудовлетворительной работе железных дорог в целом по стране;

— Не обнародовано обращение акад. А. Сахарова с призывом организовать воздушный мост для доставки в Армению и НКАО предметов первой необходимости;

— Имеются сведения о том, что были отвергнуты предложения о доставке в Армению горючего по воздуху, поступившие от ФРГ, Израиля, Кувейта;

— Не был удостоен серьезного обсуждения в Верховном Совете СССР ни один из пунктов постановления Верховного Совета Армении о блокаде (семь из девяти пунктов непосредственно обращены к Верховному Совету СССР);

— За редким исключением сообщения центральных органов информации намеренно невразумительны, так

что, не имея независимых источников, понять кто кого блокирует и зачем, практически невозможно;

— Нет и речи о выявлении и привлечении к ответственности инициаторов, организаторов и исполнителей экономической войны против Армении и Карабаха, причем, что упомянутые лица вовсе и не таятся, а охотно дают откровенные интервью, не смущаясь тем, что их действия можно квалифицировать как экономическую диверсию против СССР.

Сказанного, видимо, достаточно для очевидного вывода: экономическая блокада используется Кремлем как еще одно (наряду с межнациональными столкновениями) средство давления на карабахское движение. Происходящие события дают уникальную возможность измерить уровень гуманности наших правителей. Совсем уморить карабахцев голодом они пока не склонны — вертолетами кое-что подкинут. Но эпидемия инфекционного гепатита в Карабахе, нехватка тысяч домиков для пострадавших от землетрясения, перебои с транспортом в Ереване и других городах Армении, отсутствие в магазинах круп, макарон, растительного масла и пр. — это как раз те кары, которые на сегодня отмерены умником, пекущимся о самоопределении и прочих неактуальных мелочах в духе Хельсинки. Что-то пропишут завтра?

По своим экономическим последствиям блокада, вероятно, сравнима с декабрьским землетрясением, но является, в отличие от этого стихийного бедствия вполне рукотворной бедой.

Какой же должна быть позиция демократической общности и, в частности, демократической общности Ленинграда в карабахском конфликте?

Совершенно ясно, что нужно содействовать любым шагам, пусть поначалу и минимальным, ведущим к спаду насилия, других враждебных действий, шагам, открывающим дорогу к терпимости, переговорам, компромиссу. Миротворческая миссия ЛНФ, если она принесет плоды, заслужит название исторической.

В то же время миротворческая миссия не отнимает права и даже обязанности вырабатывать и пропагандировать собственную позицию по существу проблемы, стержнем которой является вопрос о самоопределении,

Мы исходим из того, что право на самоопределение органически присуще каждому народу, и правовой его

авторитет таков, что оно преодолевает любые законодательные акты, любые соображения экономической целесообразности. Законодательные, исполнительные, любые другие власти, препятствующие народу в осуществлении его права на самоопределение, утрачивают по отношению к этому народу статус законных властей и превращаются в узурпаторов. А любые инакомыслие и вытекающие из него ненасильственные действия не могут быть причиной какого-либо рода преследования.

Все справедливое является в конечном счете и практически полезным. Как ни далек Кавказ от Невы, тот или иной оборот дела в Карабахе незамедлительно скажется на ситуации по всей стране и у нас тоже. Наша демократическая общественность отстаивает свои демократические идеалы в условиях относительного благополучия. Для народа Карабаха аналогичная деятельность (до этого уже дошло дело) превратилась в борьбу за выживание, и мы должны понять, что если будет раздавлено Карабахское движение, то наши демократы обратятся в лагерную пыль в самом ближайшем будущем.

Полтора года назад Карабах многие называли полигоном или пробным камнем перестройки. По меркам сегодняшней ситуации такие определения грешат чрезмерным благодушием. Сегодня Карабах — это наша площадь Тяньань-Мынь. Демонстранты уже на площади, вопрос в том, насколько близко танки, и допустим ли мы их на площадь.

КОНСТАНТИН ВОЕВОДСКИЙ
канд. технических наук, ст. н.с.
Ленинградского института инженеров
железнодорожного транспорта

Октябрь 1989 г.

«Титесгагет» (ЭКОНОМИСТ)
22 декабря 1989 г.

г. Ереван

ЧУЖАЯ БЕДА — МОЯ

Все эти письма в числе других пришли после того, как «Смена» осенью этого года напечатала два интервью о положении в Нагорном Карабахе. Письма существенно дополняют предшествовавшие им публикации, причем порой рассказывают о проблемах, подход к которым только едва намечается: имеется в виду письмо З. Буткани о курдах. Примечательно, что подборка эта (как и все письма-отклики на большой «карабахский вопрос») — интернациональна. Правда, писем от читателей-азербайджанцев — нужно сказать это, чтобы избежать кривотолков, — не было.

А ситуация в Закавказье непростая. Верховный Совет Армянской ССР объявил о присоединении Нагорного Карабаха к Армении, а мы ничего не знаем. Правительство Азербайджана поселяет в мусульманских деревнях Арцаха турок-месхетинцев, нарушая демографическую ситуацию в НКАО, а мы об этом не знаем... Ничего не знаем о геноциде в Сумгаите, а было это почти год назад...

Может быть, эти письма хоть немного рассеют наше незнание. Ведь людей начинаешь понимать только тогда, когда что-то о них узнаешь...

Нам в нашем Союзе ССР надо как можно больше знать друг о друге — чтобы лучше друг друга понимать.

ДВА ИНТЕРВЬЮ ПО ОДНОМУ ПОВОДУ

Опубликовав 29 сентября и 14 октября интервью с Робертом Кочаряном и Вилятом Кулиевым, «Смена» сделала нужное дело. Редкий, едва ли не уникальный случай, когда читатели газеты имели возможность ознакомиться с двумя противоположными точками зрения на события в Нагорном Карабахе. Интервью не нуждается в комментарии, ибо непредубежденный читатель отныне сможет сам составить правильное суждение о том, что происходит в двух республиках, в чем истоки трагедии Карабаха. Ограничусь лишь одним замечанием.

Матушка-история не считается с сантиментами ни азербайджанцев, ни тем более армян. В 1921 году Карабах был отторжен от одной советской республики — Армении и вопреки воле его населения (в те годы почти сплошь армянского) включен в состав другой советской республики — Азербайджана. Удар был тем более чувствителен, что Карабах лишился даже общей границы

с Арменией, хотя отделяет их всего несколько километров.

Карабахское движение возникло в феврале 1988 года, но протест нарастал в течение многих десятилетий. При всей трагичности сложившегося положения, думается, что в состав Азербайджана Карабах более не вернется. Упрямы в пустяках — в серьезных делах карабахские армяне обретают железное упорство. Готов понять чувства азербайджанцев, которые выросли на мифах об изначальной принадлежности Карабаха Азербайджану, о том, что нынешнее армянское население Карабаха — пришлое, и других. Но над всем этим высятся принципы основных прав человека — в конечном счете борьба идей за их торжество.

При том, что события приобрели столь острый характер, льется и льется кровь, не считаю, что такое положение утвердилось навсегда. Достаточно Азербайджану проявить некоторое понимание, осознать, что имеет место не тривиальный спор по поводу границ, а попытка хоть в каком-то смысле решить большой армянский вопрос, чтобы наступило успокоение. Добрососедские отношения не только возможны, но и вполне реальны.

В. Кулиев представлен читателю как востоковед, в связи с этим (в силу собственной профессиональной принадлежности) вынужден коснуться хотя бы одного из его тезисов. Востоковед, да еще человек, для которого азербайджанский является родным языком, обязан знать, что тюркско-персидский топоним Карабах (в переводе «черный сад») мог появиться самое раннее в XI веке — тогда, когда чуть ли не вся Передняя Азия оказалась под властью тюркоязычных сельджуков. Арцах же — армянское наименование края — упомянут уже в урартских клинообразных надписях. Отмечая этот общезвестный факт, не хочу тем самым как-то потворствовать тщеславию армян или задеть национальные чувства азербайджанцев, а лишь желаю напомнить, что ученый обязан следовать истине.

КАРЕН ЮЗБАШЯН,

ведущий научный сотрудник
Ленинградского отделения Ин-
ститута востоковедения АН
СССР, доктор исторических
наук

СТАЛИ «АЗЕРБАЙДЖАНЦАМИ» ДОБРОВОЛЬНО?

Очень хорошо, что «Смена» при освещении сложной «карабахской» проблемы дала слово представителям обеих противоборствующих сторон. Читатель сам сделает выводы из интервью с Робертом Кочаряном и Виляятом Кулиевым.

Естественно, проблема Нагорного Карабаха в первую очередь затрагивает интересы армян и азербайджанцев. Но я полагаю, что можно было бы предоставить слово и представителю курдского народа по двум причинам: во-первых, будущее советских курдов во многом зависит от разрешения «карабахской проблемы»; во-вторых, о трагической судьбе советских курдов сказано было и на I Съезде народных депутатов, и на сентябрьском Пленуме ЦК КПСС, хотя советские печатные органы пока что избегают этой темы. «Смена» рискует быть первопроходцем. Поэтому я и предлагаю вам опубликовать мое письмо.

Курдское население нашей страны расселено в Закавказье, Казахстане и республиках Средней Азии. В Грузии основная масса курдов проживает в столице республики и городах Рустави, Телави, Батуми.

В Армении основная часть курдов проживает в 25 курдских селениях Талинского и Арагацского районов, а также в Ереване и других городах республики.

Курды Азербайджана живут в основном в Кальбаджарском, Лачинском, Кубатлинском и Зангеланском районах, в районе города Евлах и в Нахичеванской АССР. Территория расселения курдов Азербайджана граничит на востоке с НКАО, на севере и западе — с Армянской ССР и на юге — с Ираном. В 1923 году специальным постановлением АзЦИКа эта территория была выделена в самостоятельную административную единицу с центром в Лачине и получила официальное название — Курдистанский уезд (или неофициальное — Красный Курдистан).

Но в 1929 году Курдистанский уезд был упразднен, хотя до 1960 года в Лачине на азербайджанском языке издавалась районная газета «Советский Курдистан».

Если перепись 1926 года фиксирует на территории Азербайджана 42 тысячи курдов, то согласно переписи

1979 года в Азербайджане практически не было курдов? Куда же они девались, учитывая (тем более!) высокий естественный прирост? Не буду вдаваться в подробности, скажу только, что «белому геноциду» способствовало несколько причин.

Курды дважды подверглись массовому выселению из мест постоянного проживания, причем впервые — в 1937 году. При замене паспортов в графе «национальность» вместо «курд» стали записывать «азербайджанец». (Этой меры не избежали и другие мусульманские народы АзССР — талыши, лезгины, удины). В Азербайджане курдам чинили препятствия в сохранении языка и культуры.

Конечно, в Грузии и Армении курды также сталкиваются со многими проблемами, но проблемы иные, ибо в этих республиках никогда не стоял вопрос об ассимиляции курдского меньшинства. Наоборот — всемерно поощрялось стремление к сохранению курдами национальной самобытности.

Конечно, Армения заинтересована в «курдском коридоре» между Армянской ССР и АзССР. Кроме того, курдское население в Армении, Грузии и Азербайджане в своих требованиях учитывает интересы своих республик.

Но несомненно: в восстановлении курдской автономии заинтересованы прежде всего сами курды, и проблема эта отнюдь не надуманна.

Э. БУТКАНИ,
студент Ленинградского
университета

РЕШАТЬ ДОЛЖЕН НАРОД

Прочитал в нашей газете два интервью с Р. Кочаряном «Арцах в блокаде» («Смена» 29. 09. 89) и с В. Кулиевым «Блокада? Другого выхода нет» («Смена», 14. 10. 89).

Я не армянин и не азербайджанец, но если первое интервью вызвало у меня сочувствие к вашему собеседнику, то второе — глубокое возмущение.

Все высказывания В. Кулиева носят шовинистический, великодержавный характер и отражают настроения наиболее экстремистских элементов населения Азербайджана.

Общепризнано, что каждый народ имеет право на самоопределение. Такое право должно быть представлено и народу НКАО. Решать вопрос своего самоопределения должно население НКАО путем референдума на территории НКАО, а не народный фронт Азербайджана.

Таково мнение всех прогрессивных людей во всем мире!

А. Г. ВОЛЬПИН,

ветеран войны и труда

ГРУСТНО ВСЕ ЭТО

Бесконечно благодарен за публикацию интервью с Робертом Кочаряном («Смена», № 225). Вы проявили мужество и отвагу, напечатав правду об очередной трагедии армян. Как будто мало того, что этот народ испытал на протяжении почти что всего двадцатого века. И вот на пороге века XXI вновь возникает призрак «армянского вопроса». Следует воздать должное вам и вашим сотрудникам за то, что первые в стране (кроме Армении и Арцаха) попытались как-то в первом приближении осветить положение, сложившееся в последнее время в Южном Закавказье. Даже Коротич молчит в своем «Огоньке». А тов. Нишанову сам Аллах велит выступать с велеречивыми призывами. Подумать только, дело зашло так далеко, что армяне в целях элементарного выживания вынуждены обращаться за помощью к иранским фундаменталистам! Выходит, что другого выхода нет? Позор!

Как могла возникнуть блокада? Очень просто. Когда неомусаватисты, взявшие полноту власти в Азербайджане, увидели, что Сумгаит сошел с рук и никто из вдохновителей не пострадал, да и исполнители-изверги тоже отделались испугом, то решили, что им все сойдет с рук. А ведь Сумгаит имеет корни: вспомним армянские погромы в 1905 году, затем в 1918—1920 годах в Баку и

других азербайджанских городах. Можно только поражаться мягкотелости и нерешительности Москвы. Неужели сильнее кошки зверя нет?

Грустно все это.

Г. ЦВЕРАВА (г. Бокситогорск)

Подбор из писем подготовил
Б. РОВДА, «Смена» 30. 12. 89 г.

АНОНИМНОЕ ВОЗМУЩЕНИЕ

Мы стали привыкать к тому, что СССР идет в ногу со временем в смысле гласности. Однако старая привычка реагировать на чужие решения еще осталась. Скажем, прочитал я сообщение «В МИД СССР» («Известия» № 325) и удивился. Напомню, что речь идет о том, что в сенате США приняли резолюцию о Нагорном Карабахе. Я не политик и не юрист, мне трудно судить, имеет ли право сенат США принимать подобные резолюции. Удивила меня в упомянутом сообщении следующая фраза: «Такое решение сенатской комиссии вызвало острую реакцию советских граждан, и это возмущение нельзя не понять».

А какое, собственно, «какое решение»? Как могут советские граждане возмущаться, не зная чем: ведь сама резолюция не была опубликована в наших газетах? В разгар «холодной войны» было принято публиковать отдельные выдержки из критикуемых документов (пусть даже вырванные из контекста), а уж затем весь документ «единодушно клеймился» и т. д., и т. п. Сейчас нам предлагают блюдо из той же кухни, даже не выдерживая перьев (т. е. отдельные фразы). Думаю, что большинство людей, познакомившись с такой резолюцией, вряд ли согласилось бы с ней. А, может, кое-кто нашел бы ее убедительной — на то и плюрализм.

Товарищи из МИД, пожалуйста, свои сообщения делайте от своего имени. А мы можем высказаться лишь о том, что знаем досконально.

Павлодар

В. МОЕВ

«Известия», 27 декабря, 1989 г.

«МЫ ПРИШЛИ ЗАЩИЩАТЬ»

говорит капитан Виктор Спиридонов, тяжело раненный в бою, в селе Манашид

«Ранен в бою». Эту фразу, знакомую нам лишь по книгам, фильмам, спектаклям, рассказам участников войны, мы, поколение, не знавшее ее, воспитанное в благородном осознании того, что четыре с половиной десятилетия живем под мирным небом, воспринимаем как-то отстраненно, без конкретной ее увязки с чьей-то жизнью, с чьей-то судьбой.

А за дверью этой палаты лежит человек, который ранен в бою. Не когда-то, а буквально сейчас, в эти дни, под небом, которое мы все еще называем мирным. За этой дверью лежит командир подразделения специального назначения капитан Виктор Спиридонов.

Мы входим в палату, и фраза из давнего военного лексикона обретает конкретное содержание, а этот 30-летний парень с раздробленной пулей рукой становится еще одним зримым подтверждением факта, который уже не обойти «дальновидным» молчанием, не извратить услужливым пером, не списать на несколько зарвавшихся экстремистов.

Да, сегодня льется кровь, гибнут люди, вступают в силу жесткие законы войны, запово осваиваются полужабытые слова «окопы», «засада», «укрытие», «беженцы».

Капитан Виктор Спиридонов — один из тех, кто сумел трезво и объективно оценить ситуацию в НКАО, исходя из фактов, очевидцем которых был сам.

— Виктор, когда вы прибыли в Нагорный Карабах?

— Я работал инструктором в воздушно-десантных войсках. В сентябре прошлого года мне предложили возглавить подразделение специального назначения для борьбы с вооруженными террористами. Два месяца занимались формированием подразделения, подбором и подготовкой людей. В декабре прибыли в Степанакерт. Главная задача, которая была поставлена перед нами, — защита местного населения от боевиков, неоднократно

предпринимавших вооруженные нападения на мирных людей, среди которых старики, женщины, дети.

— Мы остро ощущаем нехватку объективной информации. Поэтому как очевидец и непосредственный участник трагических событий последнего времени расскажите о некоторых из них подробнее.

— 19 декабря нас вызвали в поселок Киркиджан — пригород Степанакерта. С ближайшей горы слышалась стрельба. Я определил: стреляли из мелкокалиберных винтовок. Оставив небольшую группу солдат для отвлечения боевиков, я с остальными воинами подразделения отправился в обход горы. Подъем был кругой. Довольно скоро нас обнаружили, ослепляюще хлынул в глаза мощный свет прожектора. А на следующий день это событие шухинское телевидение осветило следующим образом: пьяные солдаты обстреляли мирное население.

Новогодняя ночь была тоже далеко не праздничной. В 2 часа нас подняли по тревоге. На КП поступил сигнал: вооруженные армяне напали на ферму одного из азербайджанских сел. Солдаты залегли в укрытии, шла стрельба из пистолетов и винтовок, мы открыли ответный огонь. Стрелявшие, обнаружить которых нам пока не удавалось, медленно отступали. А в это время местное азербайджанское население стало забрасывать нас камнями, слышались крики, угрозы в наш адрес, ругань. Таким образом, стало ясно, что нападение на ферму организовали вовсе не армяне, а это была чистейшая провокация, поскольку стрелявшие пользовались поддержкой местного населения.

Благодаря ей боевикам удалось скрыться, а на месте мы обнаружили только трех милиционеров, присланных из Баку для охраны порядка.

— Цель, поставленная перед вашим подразделением спецназначения, гуманная — защита мирного населения, предотвращение трагедий Сумгаита и Ферганы. Но достаточны ли средства, которыми вы располагаете, для достижения этой цели, тем более в чрезвычайно сложных условиях горного края?

— Нет, недостаточны. Мы испытываем острый недостаток технических средств. Кроме того, они громоздки, труднопроходимы по горным кручам.

В сложившейся ситуации мы не можем применять и такой метод, как организация засад. Во-первых, в сложной пересеченной местности нам, практически, с нею незнакомыми, ориентироваться очень сложно, в то время как местное население ориентируется прекрасно.

Во-вторых, отлично поставленная информация, прекрасно налаженная связь между боевиками позволяет им довольно быстро обнаруживать засады.

— Расскажите, пожалуйста, подробнее о событиях 12 января, которые привели вас на эту больничную койку.

— В этот день мы получили распоряжение от коменданта НКАО срочно выехать в армянское село Манашид Шаумяновского района, на которое было совершено вооруженное нападение со стороны азербайджанских боевиков.

Прибыв на место и оценив обстановку, я приказал местным жителям отойти назад, солдатам — залечь в укрытие. Вначале, пытаясь избежать кровопролития, я предложил нападающим уйти. В ответ послышались выстрелы. Тогда я приказал открыть ответный огонь.

В завязавшейся перестрелке погиб воин нашего подразделения И. Цымбалюк, ранен младший сержант Э. Сапфилов. Я получил тяжелое ранение: пуля перебила мне локтевую кость правой руки.

Плохо помню последующие события. Запомнил только имя хирурга, оказавшего мне первую помощь, — Карен. Помню еще, что обрабатывал он рану почти в темноте, кто-то из местных жителей принес домашнюю водку, которую он использовал вместо спирта.

Здесь, в Институте травматологии и ортопедии мне уже сделали сложную операцию и заверили, что я не останусь инвалидом.

И еще хочу сказать, что за то время, что мы находились в НКАО, мне не приходилось сталкиваться с фактами враждебного отношения к нам со стороны армянского населения, которое в большинстве своем понимало, что мы находимся там с одной целью — защитить и спасти их от азербайджанских боевиков.

— Виктор, в чем, на ваш взгляд, выход из создавшейся тупиковой ситуации?

— Я убежден, что в отношении организаторов массового террора, провокаторов и убийц мирного населения должны быть применены самые жесткие меры. Безнаказанность порождает новые преступления. Раз ситуация не разряжается, а накаляется с каждым днем, значит применяемые до сих пор меры недостаточны и малоэффективны.

— За последние несколько дней благодаря средствам массовой информации вы стали известны всей стране. И все-таки расскажите немного о себе.

— Я родился на Тамбовщине. Мне 31 год. Как уже рассказывал, служил в воздушно-десантных войсках. Моя семья — жена и дочь Лена — живут в России. Им уже сообщили о моем ранении и о том, что я нахожусь здесь, в Ереване. 23 января Лене исполняется семь лет. Очень хотел быть в этот день с ней рядом, да уж так случилось, что отмечу это событие на больничной койке. Но одиночества я не ощущаю. Люди очень добры ко мне, часто навещают, спрашивают, в чем нуждаюсь, чем могут помочь. А врачи, весь медицинский персонал проявляют ко мне максимум внимания, спасибо им за это.

И еще я хочу сказать: мы плохо информированы о подлинных причинах острого конфликта между двумя соседними народами, поставившими их на грань гражданской войны. Но одно я знаю точно: нельзя, чтобы лилась невинная кровь, преступно, когда страдают дети, вдвойне преступно, когда они гибнут. Вот об этом необходимо подумать в первую очередь и принять мудрое и взвешанное решение, которое может принести наконец мир и покой этому многострадальному краю.

Беседу вела

В. ЗАХАРЯН

«Коммунист» № 15 (16902)

18 января 1990 года

ЗАКАВКАЗЬЕ

РАСКАЛЕННЫЙ ЯНВАРЬ

ЕРЕВАН

В понедельник вечером в Ереван начала прибывать новая волна беженцев из Азербайджана, в основном из Баку. По трапу самолета, прилетевшего из Красноводска, куда армяне доставлены паромом, спустились в основном старики. Большинство из них избиты и перевязаны. Очень мало молодых лиц—детей—многие уехали раньше.

У 37-летнего Семена Григоряна пытались ножовкой отрезать ноги, затем уши. Сходя с трапа, он все время повторял: «Спасся чудом».

Выступая по республиканскому телевидению, председатель только что созданной чрезвычайной комиссии, первый зампред Совмина Армянской ССР Владимир Мовсисян сказал, что в условиях третьей за полгода блокады, медленных темпов восстановления разрушенного землетрясением, трудностей с устройством более чем 220 тысяч беженцев из Азербайджана республика попала в кризисную ситуацию. Но своих соотечественников она в беде не оставит.

Руководство республики выразило глубокое соболезнование семьям погибших во время бесчинств в Баку.

АВЕТ ДЕМУРЯН

НАГОРНЫЙ КАРАБАХ

— Трое из нападавших взяты нашими бойцами в плен,—докладывал на днях на утреннем оперативном совещании в Комитете особого управления НКАО комендант особого района генерал-майор внутренних войск Юрий Косолапов.

— Не пленные — задержанные,—поправил председатель комитета Аркадий Вольский.

— Они бросили оружие и подняли руки, значит, пленные по-нашему,—возразил генерал и продолжал.—Семеро убитых, есть раненые. Ранен командовавший подразделением офицер.

Уже не раз признавалось, что Азербайджан и Армения в последнее время находились фактически в состоянии войны: ежедневные перестрелки, захват заложников, блокада железных и автомобильных дорог, взрывы мостов. Лишь присутствие солдат, становившихся между враждующими, способно было ненадолго удерживать стороны. Но теперь перестал работать и этот фактор. Вооруженные отряды нападают на солдат. Идут настоящие боевые действия.

12 января в комендатуру особого района поступило сообщение об интенсивной перестрелке у села Манашид Шаумяновского района Азербайджанской ССР—на границе с НКАО. Незадолго до этого в соседнем Ханларском районе боевики-азербайджанцы захватили заложниками около 20 армян, среди которых оказались практически все руководители Шаумяновского района, включая первого секретаря райкома партии Владимира Агаджаняна. В ответ армянская сторона задержала более 40 азербайджанцев. И вот теперь — стрельба.

В 11 часов 45 минут бойцы, которыми командовал капитан Виктор Спиридонов, высадились из вертолета у села Манашид. Первым делом прозвучало обращение: «Не стрелять! Здесь внутренние войска!» В ответ — автоматные очереди из-за земляного бруствера, сооруженного жителями села — армянами, постоянно опасавшимися нападения. Но именно этот бруствер использовали сейчас как укрытие подобравшиеся к нему боевики-азербайджанцы. Под автоматными, ружейными, пистолетными пулями солдаты заняли позиции и открыли ответный огонь.

Бой продолжался около двух часов. Тяжело раненого в правую руку командира заменил старший лейтенант Александр Местюков. Восемь военнослужащих противостояли примерно 50 (как назвать — бандитов, боевиков, вооруженных головорезов?). Патроны у солдат были на исходе, и жители села стали подносить автоматные «рожки» из собственных запасов.

Когда пришел второй вертолет с подкреплением и журналистами, бой уже кончился, нападавшие отступили, унося раненых. Но унесли не всех. «Что же ты наделал? — все спрашивал Местюков парня-азербайджанца лет 17 с простреленными ногами.—Что же ты наде-

лал?» А тот, посерев от боли и страха, раз за разом отвечал, пока его бинтовали: «Я не стрелял»...

На одном из убитых нашли список оружия и боеприпасов, длинный список — по-видимому погибший был чем-то вроде ответственного за вооружение. Плач и причитания женщин были слышны из далека, когда убитых привезли в село, откуда шло наступление на Машид.

На следующий день бойцы Александра Местюкова и прибывшего подкрепления отправились на двух бронемашинах выполнять новую задачу. Дорогу перегородили одетые в милицмейскую форму люди. Остановились. Пока шли объяснения, «милиционеры» заминировали машину, приставили пистолет к виску командира и, угрожая занесенной над открытым люком гранатой (все солдаты сидели внутри), разоружили группу, объявив всех заложниками. Спустя сутки ребятам удалось освободиться. Но бронемашин остались в руках террористов. И те не замедлили совершить новое преступление.

На оперативном совещании в Степанакерте, в Комитете особого управления сообщалось, что перехвачена передававшаяся неустановленной радиостанцией информация о пулеметной стрельбе в районе села Азад, о том, что видны пожары. Было принято решение послать военные вертолеты с десантом для того, чтобы отбить или уничтожить захваченную азербайджанскими «милиционерами» боевую технику. Если не удастся — пойдут танки.

Это война. И если она будет продолжаться (а ситуация говорит о том, что именно так и будет), сил размещенных в Нагорном Карабахе внутренних войск не хватит. И введение чрезвычайного положения станет необходимостью.

Вопрос о НКАО стал и причиной, и поводом для все обостряющегося конфликта. Принятое в конце ноября прошлого года постановление Верховного Совета СССР о мерах по нормализации обстановки в регионе не удовлетворило ни Армению, ни Азербайджан, ни Карабах. На прошлой неделе тысячи жителей Степанакерта вышли на улицы города, чтобы не пустить в НКАО комиссию, направленную в соответствии с решениями парламента страны. Членам комиссии пришлось вернуться.

На митингах в Баку призывают упразднить статус автономии Нагорного Карабаха. Год назад, в декабре 1988-го, я слышал такие же требования, видел «подкрепляющие» их лозунги: «Смерть армянам!», «Слава героям Сумгаита!» Сейчас они сработали. С новой силой вспыхнули погромы, число убитых на прошлой неделе в Баку армян уже превысило список сумгаитских жертв. Эта новая трагедия — прямое следствие того, что попытались, по сути, замолчать первую. Не было дано должной оценки резне, учиненной в конце февраля — начале марта 1988 года. Суды над убийцами, насильниками прошли без огласки, был наложен запрет даже на информацию о том, что Верховный суд СССР приговорил одного из погромщиков к смертной казни. Нерешительность обернулась беспомощностью, привела на грань катастрофы.

Звучат в Баку и призывы к спокойствию. Но, как сообщают, им следуют разъяснения: порядок, мол, в городе необходим для того, чтобы можно было вооружить и отправить на карабахскую войну побольше милиционеров. Не такой ли отряд захватил военную технику? Вполне возможно. Достаточно надежный источник сообщил, что в пограничных с НКАО селах видели находящегося в розыске майора милиции из Сумгаита. Старший лейтенант милиции Г. подозревается в убийстве лейтенанта внутренних войск Игоря Цымбалюка.

Страшной стала прошлая неделя. Убийства в Баку, бои на границах НКАО, сообщения об отрядах из сотен боевиков, о массе сружия, которое вот-вот будет пушено в ход. «Комитет национальной обороны», созданный в Азербайджане, призывает к походу на Карабах. В ответ на это образуется штаб национального спасения Армении, и там на митингах тоже зовут вооружаться. А в Ереван вертолетами привозят раненых — по-видимому, тоже боевиков, участвовавших в стычках. Воюют обе стороны. Митинги с требованием выхода республик из состава СССР, разрушение пограничных сооружений. Возобновлена блокада Армении и НКАО, местами разобраны железнодорожные пути.

Видимо, часть людей разделяет то, что высказал в своем интервью один из идеологов Народного фронта Азербайджана Гамид Херниси: «Можно пользоваться

более мирными, демократическими мерами воздействия. Это, например, блокада дорог, железных прежде всего, экономическое эмбарго». Но выходит, что даже такой «холодной войной» ограничиться не захотели. Льется кровь.

Через Степанакерт идет колонна военных машин. В крытых брезентом — солдаты. Над бортами других — штабеля металлических коек, кипы алюминиевых щитов.

Подкрепления и смена уставшим от нервного напряжения и палаточной неустроенности бойцам. Они еще не знают, что минувшей ночью в селе Туг в Нагорном Карабахе при обстреле казармы смертельно ранен рядовой М. Мантаев. Не знают, в каком районе, каком селе придется им стоять в цепи живого барьера между двумя разъяренными толпами ослепленных враждой соседей.

На совещании Аркадий Вольский говорил:

— Нельзя ли дать валенки хотя бы постовым? Мерзнут солдаты. А что с дровами, привезли? Нужно искать помещение, устроиваться. Поймите, мы здесь, по-видимому, надолго.

Но как и насколько — ответить сегодня не может никто. Конфликт вовлекает все больше людей. Один из вернувшихся из Баку утверждал, что видел среди демонстрантов на улице негра с плакатом «Карабах — наш!» Остановиться необходимо.

АНДРЕЙ ПРАЛЬНИКОВ
«Московские новости» № 3,
21 января, 1990 г.

КТО ИСТИННЫЙ ВИНОВНИК?

Невозможно без содрогания видеть это. По трапу самолета спускаются избитые, раненные дети, женщины, старики. На лицах застыл ужас пережитого. Эти кадры — свидетельства новых злодеяний против армянского населения Азербайджана. Показать бы их людям всей нашей страны, всего мира. Ведь из информационных сообщений программы «Время» правдивого представления о происходящих событиях составить невозможно. В словесных хитроspлетениях не разобрать — кто же истин-

ный виновник национального конфликта. Очевидно стремление урівнять вину двух участвующих сторон.

Велики боль, психологический шок армянского народа. Остаться безразличным к этому горю не может ни один честный человек.

Естественно возникает вопрос — как же могло случиться такое? Как возможен этот кровавый террор в правовом государстве, сильной, могущественной стране? Ведь наши народные депутаты предупреждали о реальной опасности! Теперь, когда новые факты насилия налицо, остается только удивляться глухоте большинства депутатов Верховного Совета СССР, их нежеланию выкрикнуть в суть проблемы Нагорного Карабаха.

Семьдесят лет народ жил лозунгами о светлом будущем. Но этапы «развитого», «зрелого» и т. д. социализма чуть не довели страну до полного краха. Но вот перестройка, демократия, гласность. Народ ожил, поверил в коренные изменения нашей жизни.

Вопрос Нагорного Карабаха не возник неожиданно, он подспудно существовал и не раз поднимался в застойные годы. Именно перестройкой был поставлен вопрос Арцаха. Ведь речь шла о восстановлении справедливости по отношению к армянскому населению региона, составляющему 80 процентов от всех, живущих на этой земле, заявившему свое естественное стремление воссоединиться со своим народом, чтобы сохранить национальное достоинство и остатки своих разрозненных исторических ценностей. В ответ со стороны Азербайджана последовала сумгаитская трагедия, чудовищная по своей жестокости и вандализму. Невинными жертвами оказались не только армяне, отбираемые по национальному признаку, но и солдаты правоохранительных органов, пришедшие на помощь, к сожалению, с опозданием.

Ненаказанное зло влечет за собой новые преступления. Сумгаит — типичный геноцид, так и не получивший своей политической оценки, и, по существу, оставшийся не наказанным, породил целую цепь новых проявлений жестокости и насилия. Это и Кировабад, и сотни тысяч беженцев из Баку, потерявшие все: дом, то, что было нажито за долгие годы, отсутствие компенсации со стороны Азербайджана. Это и Фергана...

Беспрецедентная, циничная блокада Армении и Арцаха со стороны Азербайджана оставила без крова большое число пострадавших от землетрясения, в том числе и детей, в суровых климатических условиях зон бедствия. И это тогда, когда весь мир отозвался небывалым порывом милосердия, оказывая помощь пострадавшим, выявляя в каждом человеке его лучшие качества, его подлинную гуманную природу. Армянский народ никогда не забудет этого. В такой ситуации была непонятна пассивная позиция Центра. Верховный Совет СССР выносит решение сначала с осуждением, а позже принимает заверения азербайджанского правительства о прекращении блокады, вместо вынесения решения о привлечении к уголовной ответственности всех виновных в нарушении ритма работы на железной дороге, компенсации нанесенного материального ущерба. Ведь именно работа железнодорожного транспорта и является прерогативой федерального государства.

Сегодня трагические последствия ненаказуемости налицо. Вновь кровавый геноцид развернут распоясавшимися представителями Народного фронта Азербайджана в Баку и армянских селах Азербайджана. И снова блокада. А с высокой трибуны мы слышим о достижениях перестройки, о подлинной демократии, о завоеванной гласности, об обновленном социализме, во главе которого стоит социальное благополучие отдельного человека, гарантии его безопасности независимо от его национальной принадлежности. Непонятно только, как сопоставить эти высказывания со зверской расправой над армянами, с 9 апреля в Тбилиси и другими кровавыми конфликтами. К сожалению, гласность, не отражающая объективную картину событий, — это уже не гласность. Ведь не секрет, что средства массовой информации, умалчивающие или искажающие реально существующую ситуацию, наносят непоправимый вред и влекут трагические последствия, как это было с Чернобылем. Наблюдаемая асимметрия в оценке событий, умалчивание причин конфликтов в пользу Азербайджана, естественно, еще больше нагнетают стрессовое психологическое состояние армянского народа, который очень долго, стойко и с достоинством переносил все беды, надеясь на какое-либо благоприятное решение арцахского вопроса. Но сколько же можно терпеть? Конечно, бесчинства молод-

чиков Народного фронта Азербайджана при поддержке даже некоторых кругов интеллигенции нельзя распространять на весь азербайджанский народ. Среди них немало и таких, кто с риском для себя спасал армян.

А последние события на государственной границе Азербайджана с Ираном показали, что безопасность нашей границы, являющаяся опять-таки прерогативой федерального государства, легко нарушима! Удивляют при этом жалостливые высказывания т. Нишанова в адрес нарушителей о том, что бедные азербайджанцы не могут посетить могилы своих предков и родственников в Иране, но при этом умалчивают о разгроме ими христианских могил.

Хотелось бы остановиться еще и на проблеме беженцев. В канун Нового года я видела много несчастных неустроенных людей — женщин, стариков, детей, вынужденных ночевать на жестких стульях вокзала. Сейчас прибывает новая волна пострадавших из Азербайджана.

Вопрос жилья и трудоустройства этих людей чрезвычайно сложен. Нельзя сбрасывать со счетов их профессиональную специфику (в основном это горожане), вынужденное русскоязычие. Важен в этой ситуации и фактор разрушительных последствий Спитакского землетрясения. Необходимо включить в решение этой проблемы промышленные предприятия республики, наладить их шефство над районами размещения беженцев, оказать конкретную помощь им.

Т. АСАТИАНИ,

доктор физико-математических наук, профессор, лауреат Ленинской премии.

«Коммунист», 21 января 1990 года

РАССКАЗЫВАЮТ БЕЖЕНЦЫ

На дверях одной из казарм гвардейской мотострелковой Таманской дивизии имени М. И. Калинина — выполненный от руки плакат: «Русские беженцы из Баку». Внутри — ряды плотно составленных кроватей для 120

человек. Это в одной казарме. Всего же на территории Таманской дивизии разместилось более трех тысяч беженцев из Азербайджана. Это из 10.000, которые «пропустил» через себя Московский военный округ за последние дни...

Часть этих людей, которых военно-транспортными самолетами в течение трех последних дней переправляли из зоны чрезвычайного положения, отправится из Москвы в другие районы страны. Часть, увы, небольшая. Остальные будут жить здесь. Пока... Но как долго? — спрашивают люди, в один момент лишившиеся дома. Военные ответить не могут — не их компетенция.

Практически все прибывшие — без денег, документов, не говоря уже о необходимых вещах. Как же происходила их эвакуация? Предоставим слово им самим.

— Последние дни мы жили буквально в настоящей осаде, — говорит пожилая женщина (фамилий все мои собеседники просили не указывать, ссылаясь на оставшихся в Баку родственников). — Невозможно было даже выйти купить хлеб — в доме напротив засели снайперы из боевиков, которые открывали огонь по каждому, кто выходил из дома, включая детей. Ждали, когда нас смогут вывезти. Наконец подъехал бронетранспортер, который окружили вооруженные солдаты. В буквальном смысле под их прикрытием мы забирались в машину...

— Нас вывозили из военного городка на открытом грузовике, — вступает в разговор жена военнослужащего. — Было много народу — женщины, дети, старики. Как только отъехали от городка, по машине открыли огонь. Пришлось лечь на дно кузова...

— Помню, как происходила погрузка в самолет. Аэродром военный, поэтому подгоняли к самолетам бронетранспортеры, на которые взбирались люди, а от туда в самолет. Все происходило ночью, ради безопасности...

— Родился и вырос в Баку, знаю азербайджанский язык, — говорит мальчик лет пятнадцати. — Знаете, это страшно, когда на улице тебя попрекают: ты — русский. После объявления чрезвычайного положения стало опасно не только выходить на улицу, но и оставаться дома. До аэропорта добраться не было никакой возможности: не ходит транспорт.

Многие рассказывали о том, что задолго до январских событий велась тщательная к ним подготовка: оружие пряталось по больницам, в моргах, а на некоторых заводах чуть ли не целые цехи работали на вооружение экстремистов. Это, повторю, слова жителей. Точнее, бывших жителей Баку. Но всего лишь слова, не подтвержденные доказательствами. Однако, думается, в каждом из рассказов есть доля истины.

Все, с кем довелось беседовать в казармах, резко высказывались в адрес центральных средств массовой информации: сообщения о событиях в Баку даются сглаженно, и создается впечатление, будто не так уж все плохо. Говорили, что боевики будто бы видят в этом проявление слабости властей.

Я привожу высказывания людей единственно для того, чтобы восстановить веру у них в труд журналистов. Для того также, чтобы слова их меньше расходились в виде слухов, которые, как известно, чем дальше, тем больше обрастают «подробностями».

Конечно, люди в таком состоянии могут быть и не совсем объективны в оценках, излишне резки в высказываниях. Важно, чтобы в конечном итоге, по зрелому размышлению, чувство национальной розни не брало верх над здравым смыслом.

Покидая Таманскую дивизию, я обратился к заместителю начальника политуправления Московского военного округа генералу В. Щербакову: что же будет дальше с этими людьми?

— Этого я, к сожалению, не могу сказать. Предстоит трудная и огромная работа — компенсировать беженцам потерянное. Этим, понятно, должно заниматься правительство. Армия и так делает все, что в ее силах. Замечу лишь, что пока мы единственные, кто всерьез помогает этим людям. Нужна поддержка советских, партийных органов, профсоюзов, которая пока недостаточна...

Д. ДЕМИДОВ.

«Труд», 25 января 1990 года.

БЕЖЕНЦЫ ПРИБЫВАЮТ В МОСКВУ

К утру 24 января на территорию Московского военного округа из Азербайджана прибыло 53 самолета военно-транспортной авиации, доставивших около десяти тысяч беженцев. Это — семьи военнослужащих. Это — женщины, дети, старики. Это — русские...

Подмосковье, Таманская дивизия. Солдатские казармы. Уныло стоящие вплотную друг к другу казенные металлические кровати. Притихшие дети, потерянные взрослые. Это — беженцы.

— Посмотрите, что с нами сделали, — с горечью произнесла одна пожилая женщина. В глазах ее — слезы. Да, с 20 января идет эвакуация сотен семей, среди которых большинство — жены, дети, родители, близкие военнослужащих Советской Армии и пограничных войск. С первых дней трагических событий они оказались под прицельным огнем боевиков Народного фронта. Как выразилась одна из женщин: «Мы плашмя лежали в квартирах, не смея поднять голову...»

И вот теперь они здесь. В безопасности. Но нет покоя: ведь у многих там еще остались родные, знакомые. И неизвестна их судьба.

— Пожалуйста, помогите разыскать сноху и двух внуков, — обратилась ко мне невысокая седая старушка. Галина Николаевна Федорова, пенсионерка. В Баку живет с 1931 года. Работала на заводе крановщицей.

— Их вывезли сюда в прошлую субботу, а меня привезли только что, — рассказывает она. — Но я их тут не застала. Что же делать? А сын еще в Баку. Господи, живой он? Вот ведь как все повернулось. Как теперь жить?

Судьбы... Судьбы. Рассказывает Валентина Николаевна Власова:

— Я коренная бакиннка. В последние пятнадцать лет вместе с мужем, офицером Советской Армии, все мотались по стране, своего угла не было. Наконец вернулись в Баку. Получили квартиру, ремонт сделали. Жить да жить... Сюда же вырвалась с десятью рублями, в одном платье да в одном пальто. Так же одеты и дети. Стараясь экономить на всем, даже на еде: ведь неизвестно, как будет дальше. Спасибо таманцам, они встретили,

обогрели... Тысячу раз им поклон. А муж остался в Баку — ни позвонишь, ни письма не напишешь.

— Надеемся, что в Закавказье разум возьмет верх...

— Да, среди азербайджанцев есть прекрасные люди. Но мало кто их сегодня слушает: власть в руках экстремистов. В любом случае мы туда не вернемся. Не знаю, где нам дадут убежище. Лишь бы только в России...

Как сообщили представители Политуправления Московского военного округа, сейчас более 260 семей остались вообще без крова над головой. У них здесь ни родственников, ни знакомых.

— Но в Баку стало жить невыносимо. В магазинах нам даже хлеб перестали продавать. Продавцы от нас отворачивались, — рассказывают наперебой беженцы. — И никто, кроме армии, нам не помог. Провожая нас, солдаты просили передать всю правду о происходящем. Убеждены: боевики распоясались до предела еще и потому, что они знают — в России многое просто не известно...

... Тысячи беженцев из Азербайджана в Россию — реальность. На это уже невозможно закрыть глаза. И жаль, что о прибывших из Баку заботятся пока только военные. Мне рассказывали, как офицеры и солдаты в частях пускают шапку по кругу, собирая деньги для беженцев. То же самое делают в военных академиях Москвы. Жены офицеров помогают теплой одеждой, детским питанием. Беженцы совершенно справедливо спрашивают: а где же советские, партийные органы Москвы и Московской области, благотворительные и миротворческие организации, неформальные объединения?

Поток беженцев в воинские гарнизоны Московского военного округа нарастает. Необходимо, как заявляли многие, правительственное решение об оказании им организованной государственной помощи и придании прибывшим из Азербайджана семьям статуса беженцев...

И вот стало известно: проблемами прибывших из Азербайджана поручено заняться Государственной комиссией Совета Министров СССР по чрезвычайным ситуациям.

Уже создан фонд помощи семьям пограничников, эвакуированным из Азербайджана. Денежные средства можно перечислить в Главное управление пограничных

войск КГБ СССР на текущий счет № 4140157 в управлении по кассовому исполнению госбюджета Госбанка СССР: Москва, НФО — 299101.

Г. АЛИМОВ.

«Известия», 26 января 1990 г.

ЗАКАВКАЗЬЕ, 25 ЯНВАРЯ

Закавказье, драматизм не спадает: сегодня на первое место вышла проблема эвакуации русскоязычного населения из Азербайджана, прежде всего семей военнослужащих.

К утру 25 января вывезено 30232 члена семьи офицеров и прапорщиков Советской Армии, 2379 — пограничников, 528 — внутренних войск, сотни — работников КГБ.

Страна откликается на горе. Сегодня в воинских частях и училищах, домах отдыха и пионерских лагерях, во многих семьях принимают беженцев.

Главное управление погранвойск принимает деньги на счет помощи эвакуированным семьям пограничников. Номер счета 4140157 в управлении по кассовому исполнению госбюджета Госбанка СССР: Москва, НФО — 299101.

Журналисты «Комсомольской правды» перечисляют пять тысяч рублей в помощь эвакуированным семьям военнослужащих.

РЕЛЬСОВАЯ ВОЙНА?

В начале третьего ночи 24 января на пограничном между Арменией и Грузией железнодорожном перегоне Айрум—Садахло с рельсов сошел пассажирский поезд Ереван—Ростов.

Авария произошла на территории Марнеульского района Грузии — района с преимущественно азербайджанским населением. На насыпь завалились электровагон и пять первых вагонов. Жертв, по нашим сведениям, нет. Можно утверждать, что последствия могли быть серьезными, если бы не бдительность машиниста, заме-

тившего сразу за крутым поворотом из-за скалы раздвинутые в стыке рельсы и начавшего экстренное торможение за 40—50 метров.

— Мы только приступили к расследованию, — говорит тбилисский транспортный прокурор А. Ш. Бакрадзе, — но мой личный опыт криминалиста говорит, что стык был разъединен преднамеренно. Причем совершившие это разбираются в тонкостях организации движения и пользовались специальными приспособлениями.

Движение на магистрали — единственной, по которой идет снабжение Армении, оказалось прерванным. Несколько десятков составов, следовавших в республику, задержаны на подъездных путях. Ведутся восстановительные работы.

Н. МИКЕЛАДЗЕ

(Наш корр.)

«Комсомольская правда», 26 января 1990 г.

Тбилиси.

ЗАЛОЖНИКИ НЕИЗВЕСТНОСТИ

Передо мной сидят женщины, разные — молодые и пожилые. Русские учителя. Беженцы! Их рассказы о случившемся с ними и их семьями в Баку в последнюю неделю нельзя слушать без содрогания.

Сегодня на улицах Баку стоят танки, дома одеты в черные траурные флаги.

— На многих домах надписи: «Русские — оккупанты!», «Русские — свиньи!» Моя мама приехала по распределению из Курска в глухое горное азербайджанское село учить ребятишек русскому языку. Это было тридцать лет назад. Теперь она пенсионерка. Я второй год работала в школе... Пришла неделю назад в школу, а в коридоре надпись: «Русские учителя, идите в уборщицы!» Я говорю: «Вы что, ребята?». А они в меня плюют... Я их азбуке учила. Теперь вот мы с мамой здесь.

Родственников в России у нас нет. Денег нет, работы нет... Куда? Как? Ведь моя родина — Баку.

Женщины-учительницы, с которыми я беседовал в маленькой комнатке, то и дело утирали невольные слезы обиды.

— Я убежала с дочкой с одной сумкой, за три минуты. Жуткая обида! Я же не политик, я детей учила и не виновата в тех бедах, что были в республике. Я не видела на лозунгах Народного фронта фамилии Алиева. Зато Горбачева они представляли не в лучшем виде. Обидно, потому что я знаю этот народ, у меня там друзья, вся жизнь моя там.

Я не называю имен и фамилий этих женщин — они так просили. В Баку остались их родственники, мужья. Мало ли что...

— Экстремисты прекрасно организованы, чего не скажешь о местных властях. В конце прошлого года жилищные конторы по всему городу потребовали всех заполнить анкеты, якобы для получения талонов на продукты. В анкетах нужно было указать и национальность. Когда начались погромы, в руках экстремистов оказались точные адреса: где живут армяне, где русские, где смешанные семьи и т. д. Это была продуманная националистическая акция.

— За мной прибежал муж, велел мне и ребенку быстро одеваться. Муж у меня военный, но в этот день был в штатском. Я увидела, как он вынул пистолет и положил в карман. Сказал: «В метро идите впереди меня, чтобы я вас видел». В метро русских почти не было. На нас оглядывались, лица у всех напряженные. Только в аэропорту я поняла, что мы улетаем.

— Вам еще повезло. За мной муж приехал на машине. Пятнадцать минут на сборы. У аэропорта нам преградили дорогу экстремисты. Пришлось нашему «газнику» таранить их «Волгу». Чудом остались живы.

— Наша семья отдала российскому и советскому флоту триста лет. В Баку у меня остался бесценный архив нашей семьи по истории флота. И сейчас мои племянники служат на военных кораблях на Каспии... Трудные для меня времена и трудно говорить. Я одна воспитываю дочь. Тридцать лет отдала школе, математик. В школе ко мне относились очень хорошо до последнего дня. Но как жить, если дом оцеплен бандитами!

они требуют убираться, если приходишь в магазин, а тебе не продают даже хлеба, потому что ты русская, Хотела снять с книжки деньги, кассирша швырнула мне ее обратно: «Для тебя денег нет!»

— Моя мама уже два месяца не получает пенсию, в Баку русским пенсионерам ее не выдают.

— Многие из нас прилетели в Москву почти без документов. Как быть с трудовыми книжками? Как с ордерами на бывшие квартиры? Ведь мы же должны получить что-то взамен?

— Думаю, что ордера нам не понадобятся. Сама видела, как только армянина изгоняли из квартиры, тут же появлялся новый хозяин с официальным ордером. Слово в райисполкоме он был уже давно готов, только даты не хватало...

— Я не знаю, что делать. В России у меня нет родственников. Пойду в азербайджанское постпредство в Москве и расскажу им, что триста лет моя семья верно служила Родине, мы трудились на благо Азербайджана, мой отец был репрессирован. А я тридцать лет учила азербайджанских ребятишек математике! У меня в кармане сто рублей, выданных государством, и ничего больше. И пусть постпредство думает, где мне купить за счет Азербайджана квартиру, которую сегодня я бросила и которую наверняка уже заняли. Я не претендую на Москву. Я претендую на Россию.

— Может быть, вам обратиться в Министерство народного образования РСФСР? — посоветовал я.

— Не думаю. Если бы у них болело сердце о русском учителе, они бы за эти дни сами к нам пришли... Многим из нас и на улицу в мороз не в чем выйти. Ведь мы же бакинцы...

— Мы — бакинцы... Это звучало в словах каждой русской учительницы. И несмотря на горечь, на боль, на утраты, они где-то в глубине души надеются, что когда-нибудь настанет день, когда они сядут в самолет и бортпроводница скажет: «Мы совершаем рейс по маршруту Москва—Баку. Счастливого пути!»

Но... Я выхожу в коридор военных казарм Московского высшего пограничного командного училища КГБ СССР, где сегодня живут эти женщины. По длинному блестящему коридору ходят курсанты с повязками, на стенах самодельные указатели со стрелками — «между-

городный телефон», «детская кухня». Бегают ребятишки, которые неизвестно когда и где снова пойдут в школу. Тихо ходят грустные русские женщины. Мужья многих из них сегодня там, в Баку, охраняют жизнь азербайджанских детей.

Каждый день в училище прибывают более четырехсот женщин, стариков, детей. Всего в Москве и Московской области русских беженцев из Баку более 20 тысяч.

И. АФАНАСЬЕВ

Москва, январь 1990
«Учительская газета» № 5

ПОЖАР НА ГРАНИЦЕ

Мы привыкли считать, что угроза границе возможна только извне, с «чужой» стороны. 31 декабря произошло нечто беспрецедентное: нахичеванский участок советско-иранской границы подвергся нападению изнутри. Уничтожена сигнализация, сожжены пограничные вышки, разрушены пограничные знаки...

Происходящее в Нахичевани как будто застало всех врасплох. В сообщениях ТАСС говорилось о группе экстремистов, которые вывели из строя сигнализационные системы и линии связи на границе с Ираном, разрушили инженерные сооружения. Информация без комментариев была столь скудной, что давала простор для самых невероятных домыслов и самых различных толкований. Прежде всего изучили масштабы содеянного — разрушения на протяжении 137 километров границы, экономический ущерб — около трех миллионов рублей. «Группе экстремистов» вряд ли такое под силу.

Пресс-конференция начальника Политуправления пограничных войск Николая Бритвина пролила свет на случившееся: в акции, начало которой относится еще к первой декаде декабря прошлого года, участвовало около девяти тысяч человек — приезжие активисты Народного фронта Азербайджана, местные жители. С 19 декабря вблизи застав разбивались палаточные лагеря. Начались систематические массовые выходы на границу. С 23 декабря на митингах звучали требования о демон-

таже инженерных сооружений, пограничникам предъявлен недельный ультиматум: или вы делаете это по доброй воле — или сооружения будут сожжены... В Новый год угроза приведена в исполнение.

Призывы открыть границу с Ираном, воссоединить Северный и Южный Азербайджан слышались на митингах Народного фронта в Баку и других городах еще в ноябре прошлого года. Как выяснилось, это были не отдаленные планы, а руководство к действию. Акция готовилась не подпольно, а открыто, громкогласно. Все это напоминает «психическую атаку» — ультиматум, многотысячные выходы на берег реки Аракс, угрозы применения силы, складирование оружия...

Погром на границе готовился почти месяц и стал неожиданностью для нас, но не для командования погранвойсками, не для местных органов власти, не для руководства республики и Союза. Однако за все время — ни одного сообщения в печати, ни одного заявления официальных лиц практически никаких действий! Можно предположить, что кем-то была избрана выжидательно-умиротворительная тактика. Выдержка пограничников была безгранична. Они избегали, как могли, насильственных действий, шли навстречу резонным требованиям (так, в распоряжение местных колхозов были переданы целые куски контрольно-следовой полосы, сняты пограничные ограждения с кладбища). По отзывам свидетелей, они даже позволяли обыскивать свои машины и проверять свои документы представителям Народного фронта. Очевидно, возникал вопрос: а как же престиж власти, государства, если офицеры-пограничники дают обыскивать себя празднующимся девятнадцатилетним юнцам? Но это было сочтено необходимой уступкой для поддержания мира.

Со стороны, должно быть, трудно ощутить перепад психологической атмосферы на границе — еще недавно местные жители были первыми помощниками защитников границы, их добрыми соседями. Офицеры пограничных войск выступали по местному телевидению, в средствах массовой информации, растолковывали договор о режиме границы. Велись разъяснительные беседы с лидерами Народного фронта, их предостерегали от противоправных действий. Но, похоже, расчеты не оправдались. Уступчивость и сдержанность пограничников

были восприняты как признак слабости. «Эта акция носит четко выраженный политический характер и оценивается лидерами НФА как победа их движений. Непринятие мер в отношении экстремистски настроенных лидеров НФА может способствовать повторению подобных действий» — такое резюме вынесло после событий командование пограничных войск.

Теперь, когда о бесчинствах на границе сообщила печать, раздаются упреки правительству в слабости, нерешительности. Логика вроде есть. В нашей памяти мирный митинг в Тбилиси, послуживший основанием для использования регулярных частей. А реакцией на ненадлежащий политический процесс в Прибалтике стал срочный созыв Пленума ЦК КПСС. А что же Азербайджан?.. В Нахичевань постфактум направлены Председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР Р. Нишанов, секретарь ЦК КПСС А. Гиренко, первый секретарь ЦК КП Азербайджана А. Везиров. В регион выехали представители командования пограничных войск, военной прокуратуры, сотрудники МИД СССР. Вполне вероятно, работает «синдром Тбилиси»: неадекватная случаю решительность в апреле отозвалась сегодня тактикой проволочек. Как бы то ни было, очевидно: ясности по поводу того, когда в условиях демократического государства нужно и «власть употребить», у нас нет. Издержки демократической незрелости?..

За месяц событий Министерство иностранных дел СССР вполне могло публично определить свое отношение к призывам открыть границу и воссоединить Северный и Южный Азербайджан. Но, отвечая на вопрос «Нового времени», начальник Управления информации МИД СССР Геннадий Герасимов сказал: «Народный фронт с нами не советовался». И все же, может ли МИД сказать что-либо по этому поводу? Герасимов уточнил: «Есть государственная граница, и этим все сказано. Она должна проходить там, где она проходит. Мы признаем, что вопрос о границе — тема острая, деликатная. Но Хельсинкский итоговый документ 1975 года подтвердил нерушимость существующих границ. И, хотя к данному региону он не относится, мы рассматриваем его как документ, несущий универсальный характер...»

У жителей приграничных районов, да и всей республики, естественно, могут быть свои пожелания к властям — по поводу режима границы, по поводу возможности посетить религиозные святыни в сопредельной стране, навестить родственников по ту сторону Аракса. Сегодня заслоны для их волеизъявления сняты. Внешняя политика нашей страны перестает быть заповедной зоной МИДа и Политбюро, так что при желании можно посчитать требования Народного фронта внешнеполитической инициативой народных масс, но... С 10 по 26 декабря, в самый разгар подготовки к приграничной акции, в Москве заседал второй Съезд народных депутатов СССР, в чью компетенцию согласно Конституции и входит вопрос о границах. Непонятно, почему народные депутаты Азербайджана, среди которых есть и представители Народного фронта, не попытались донести волю своих избирателей до высокого собрания обычным, конституционным путем. Акции, организованные на границе с Ираном группой активистов Народного фронта, выглядят поэтому, мягко говоря, несколько провокационными.

8 января мы связались с Николаем Бритвиным. На наш вопрос о ситуации на границе он ответил: по-прежнему выдвигаются претензии, что пограничные сооружения занимают землю, пригодную для возделывания. По-прежнему — тактика ультиматумов. Были попытки дестабилизации обстановки и в районе советско-турецкой границы.

МАРИНА ШАКИНА
«Новое время» № 3 1990 года.

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ объявлено 15 января в Нагорно-Карабахской автономной области и в некоторых других районах

Неужели — война? Это слово соединилось в сознании с событиями в Азербайджане и Армении прошлой осенью. Председатель Комитета особого управления НКАО Аркадий Вольский с покрасневшими от бессонных ночей глазами терпеливо объяснял нам, журналистам,

ситуацию, скользя карандашом по карте Закавказья, висевшей на стене его кабинета в Степанакерте. А я, следя за карандашом, пожалуй, впервые по-настоящему осознала чудовищность межнациональной чересполосицы в границах республик, областей, районов, оставленной нам в наследство «отцом народов». В Карабахе шли бои местного значения: ночью стреляли, днем бросали камни, захватывали первых заложников. На митингах в Баку сыпались угрозы в адрес армян и призывы не отдавать Карабах. Позади был Сумгаит и погромы в Степанакерте.

Вперед?

И все-таки слово «война» на каком-то этапе выпало из осеннего репортажа. Может быть, кому-то в редакции оно показалось слишком не подходящим к отношениям между двумя советскими республиками. А может, и мне самой где-то в глубине души хотелось, чтобы мой информированный собеседник ошибся в мрачных прогнозах. Однако за долгие месяцы работы в НКАО Аркадий Вольский слишком хорошо вник в проблемы региона. В прогнозах он не ошибся ни разу.

Война. С каким-то обреченным спокойствием произносили в беседах со мной депутаты от обеих республик во время осенней сессии Верховного Совета СССР. Казалось, республики уже сделали страшный выбор.

...Между тем национальные амбиции и интересы продолжали скручиваться во все более тугую клубок, из которого уже не выпутаться было «человеку с улицы» — ереванской, бакинской или степанакертской. Счет шел на многовековые обиды.

Нагорный Карабах стал эпицентром и одновременно знаменем, которое подняли националистические движения Азербайджана и Армении. Каждая республика поставила себе целью — добиться своего, чего бы это ни стоило. Под знаменем Нагорного Карабаха начались выступления в Баку и Ереване, требовавшие ухода местных властей, «недостаточно жестко» отстаивающих в данном вопросе интересы своих республик. Одновременно толпы азербайджанцев, вдохновленные Народным фронтом Азербайджана, принялись разрушать приграничные сооружения в районе границы с Ираном: и там, кстати, одним из лозунгов был «Не отдадим Карабах!».

осквернялись армянские могилы на приграничном кладбище.

«Дожили...» Не без злорадства сегодня нашептывает межрегиональный хор консерваторов. Получили, мол, свою демократию...

Получили. И демократия показала, что не все народы и не все республики одинаково к ней готовы. Хоть подавляющее большинство и делает. И здесь, кстати, может помочь именно обилие национальностей и культур в стране — в том случае, если бы мы действительно добродетельно стали приглядываться друг к другу, учиться на примерах и ошибках соседей.

Взрыв подавляющегося годами национального самосознания выплеснул на поверхность горючую смесь: национального достоинства и национального эгоизма, не всегда понятных другим особенностей культуры и традиций. Мы увидели, какие мы непохожие. А значит, и процесс демократизации, естественно, идет в республиках разными темпами, а где-то и болезненно.

Для меня, например, нынешние события в Закавказье выглядят как-то особенно дико на фоне жарких парламентских дискуссий, которые вели в Литве Михаил Горбачев и его многочисленные собеседники. В Литве — сражение умов. В Закавказье — боевые действия.

Значит ли это, что без силы нам не обойтись даже при построении демократического общества?

Без силы, как сдерживающего фактора конфликта, вроде нынешнего — армяно-азербайджанского, пожалуй. И то временно, и ограниченно. Ибо силовое решение в мировой практике еще никогда не срабатывало по-настоящему. В лучшем случае, конфликт удавалось временно приостановить. Взять Ливан, Ольстер, примеры из нашей собственной истории. Вспомним трагические события в Тбилиси. На днях на той же самой площади вновь началась голодовка...

В последнее время я все чаще задаю себе вопрос: не переоцениваем ли мы вообще роль армии, внутренних войск как палочки-выручалочки в трудную минуту, некой пожарной команды без страха и упрека?

Мы сегодня говорим о суверенитете республик, их самостоятельности. Движение в этом направлении — объективный, естественный процесс, годами тормозившийся и от того порой протекающий столь трудно. Од-

нако, на мой взгляд, суверенитет предполагает и ответственность за последствия предпринимаемых республиканским руководством шагов. Когда Верховные Советы Армении и Азербайджана принимали в последние месяцы решения по проблеме НКАО, они не могли не представлять, как среагирует противоположная сторона, а соответственно, какая конфронтация уготована жителям республик. На что они рассчитывали? На то, что центр «спасет», придет солдат, введет в крайнем случае чрезвычайное положение?

Но ведь с расширением суверенитета республики логично было бы, если бы именно республиканские власти взяли на себя заботу об обеспечении безопасности всех своих граждан. Возможно, тогда последствия некоторых решений просчитывались бы более тщательно.

По-моему, в первые годы перестройки многие не отдавали себе отчета в том, какими быстрыми темпами идет развитие национального самосознания в республиках и автономных образованиях. Вспомним, в феврале 1988 года, когда впервые был поднят вопрос о Нагорном Карабахе, на площади Ленина в Степанакерте стояло до 50 тысяч человек — азербайджанцев и армян, — и они вместе предлагали создать автономную республику со своей Конституцией, Верховным Советом, Советом Министров. Были и разногласия в названии будущей республики, и точки соприкосновения. Будь тогда эта проблема решена, возможно, удалось бы избежать нагнетания напряженности в регионе.

Чрезвычайное положение. Хочется надеяться, что оно подтолкнет законодателей на всех уровнях быстрее разработать новые принципы федеративного устройства страны, механизмы разрешения межнациональных споров, принять в Верховном Совете СССР соответствующие документы. Видимо, юристы должны, наконец, определиться и с тем, какому из основополагающих принципов отдать приоритет — суверенитету республики или праву нации на самоопределение. Я бы на первое место поставила самоопределение как важнейшую гарантию обеспечения прав человека в той или иной стране.

Ничто, никакая светлая и справедливая цель, на мой взгляд, не может дать одному человеку право отнять жизнь у другого. Но у многих азербайджанцев и армян,

которые сегодня смотрят друг на друга сквозь прорезь прицела, другое мнение на сей счет. За эти напряженные месяцы стало, по-моему, ясно одно: из центра карабахскую проблему не решить. Ее могут решить только сами республики. И только после того, как поймут бесперспективность и преступность дальнейшего кровопролития. Когда дремлющий пока разум подтолкнет участников трагедии сложить оружие, причем так, чтобы ни одна из сторон не чувствовала себя ни победившей, ни побежденной.

А решение? Испробованы разные варианты. Может быть, наступит время и подумать о новой демаркации границ между республиками после совместного определения ими соответствующих районов демаркации и будущего плебисцита — с представителями центра в качестве наблюдателей?

ГАЛИНА СИДОРОВА,
политический обозреватель
«Нового времени»

«Новое время» № 4, 1990 г.

СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ ОЧЕВИДЦЫ БАКИНСКИХ СОБЫТИЙ

Запорожский аэропорт в последние дни работал с большей, чем обычно, нагрузкой. Днем и ночью приземлялись самолеты с семьями военнослужащих, эвакуированных из Азербайджана.

Такие же лица, наверное, были у наших людей в далеком 1941-м. Боль, гнев, страх, тревога... Тяжело смотреть на этих людей. Еще тяжелее слушать. Их — беженцев — более 500 человек. В основном женщины с детьми и старики. Они уехали в чем стояли. Редко у кого в руках сумка или собранный наспех узелок.

Офицеры и воины гарнизона помогают с размещением и питанием, оформлением авиа- и железнодорожных билетов. Из Запорожья, получив первую денежную помощь, люди разъезжаются к родственникам и знакомым по всему Союзу.

Что же заставило их покинуть родные очаги?

— Почти всю жизнь я жила и работала в Баку, — рассказывает Н. В. Галушкина. — И вот с двумя детьми бросила свое гнездо... Несколько дней были мы под обстрелом. Чудом остались в живых. Что, кроме детей, увезла с собой?

Наталья Васильевна достает из кармана пальто горсть разнокалиберных пуль. Автоматные, пистолетные, пулеметные, обычные и трассирующие. Каждая из них могла унести жизнь и этой, ни в чем не повинной женщины, и ее детей.

— Бронетранспортеры сопровождали нашу колонну до самого аэродрома, — вступает в разговор Петр Десяткин.

— А я никогда не забуду глаз и слов моей дочери, когда нас вывозили из военного городка. Она просила: «Папа, спаси, закрой, я боюсь, меня могут убить». И, несмотря на сопровождение боевых машин пехоты, всю дорогу до аэродрома ожидали, что из близлежащих домов полоснет пулеметная или автоматная очередь, — говорит Юрий Викторович Гузнов.

— Нас заставили уехать, — голос Е. Р. Суровцевой прерывается от волнения. — Приходили какие-то люди и вначале просили покинуть республику, потом требовали, чтобы мы убирались, угрожали, а затем начались громы...

— Экстремисты начали с армян. А когда те уехали, взялись за русских, — говорит Александра Гузнова, — причем, как мне показалось, этим занимаются не коренные бакинцы. Мы с ними прожили бок о бок много лет. Это в большинстве своем очень хорошие, гостеприимные люди.

Двое собеседников отказались назвать себя. Там, откуда они прибыли, оставались родственники.

Женщина:

— Мы очень благодарны нашей армии. Солдаты и командиры, сами находясь в сложнейших условиях, тем не менее всем, чем могут, помогают гражданскому населению. Только благодаря им мы смогли приехать сюда.

Офицер:

— Обстановка в Закавказье сложная, напряженная, опасная. На сердце тяжело, тревожно, но гримя свой

долг выполнит. И службу будем нести, и местному населению, и властям поможем навести порядок.

А. ПАНЧЕНКО

корр. «Правды Украины»
Запорожье.

«Правда Украины» № 24.

ПРОВОКАЦИИ НФО АЗЕРБАЙДЖАНА НЕ ВЫШЛО...

Почти одновременно в стачечные комитеты всех шахт города Шахтерска Донецкой области поступили одинаковые телеграммы. В них, судя по содержанию, представители «народного фронта» Азербайджана обратились к своим землякам с призывом к солидарности.

Как же понимают солидарность авторы телеграмм? Они призывают верить... всякого рода клеветническим измышлениям о положении в Азербайджане и на этой основе направить свое возмущение в адрес Москвы, центра, который, по их утверждениям, виноват в распрях между азербайджанским и армянским народами.

Об одном не подумали те, кто направлял в шахтерские коллективы эти телеграммы: сегодня дончане имеют возможность получить информацию о событиях в Азербайджане из первых рук. Несколько дней назад в Донецком аэропорту приземлились транспорты с беженцами — членами семей военнослужащих. Жены и дети военных, попросив по известным причинам не называть фамилии, не стали скрывать, что именно против них были направлены многие действия экстремистов.

И все-таки стачкомы вынесли обращение на суд горняков. На нарядах перед сменами зачитывался текст «обращения жителей города Физули». Но никакой другой реакции, кроме возмущения, оно у шахтеров не вызвало. В городской стачечный комитет стали поступать ответные письма, телеграммы, звонки. Это и дало городскому стачкому Шахтерска право от имени всех горняков подписать ответное послание, в котором горняки объединения «Шахтерск—уголь» осудили экстремистские действия по разжиганию межнациональной розни среди на-

родов, населяющих закавказские республики. Они выразили поддержку принятого правительством решения о мерах стабилизации обстановки в регионе.

Что же касается телеграммы из Физули, то донецкие горняки признали ее провокационной.

Шахтерск
Донецкая область.

(Корр. ТАСС).

РАЗОБЛАЧЕНИЕ ФАЛЬШИВКИ

Судя по всему, отдельным лидерам народного фронта Азербайджана уже мало разжигания национальной розни в своей республике. Они решили сеять семена вражды и недоверия между народами в других регионах страны. Иначе чем объяснишь затеянную ими провокацию, которую оперативно вскрыли журналисты газеты туркестанского военного округа «Фрунзевец».

В адрес военного комиссариата Узбекской ССР пришла телеграмма (ее фотокопию воспроизвела газета) за подписью Уджарского районного отделения народного фронта Азербайджана о том, что якобы в Сальянских казармах Бакинского гарнизона в результате перестрелки между воинами — русскими и других национальностей — погибли 56 узбеков.

По поручению редакции специальный корреспондент «Фрунзевца» в Баку капитан А. Веклич побывал в Сальянских казармах, встретился с солдатами и офицерами. И вот что выяснилось.

Обстановка в этом районе была напряженной. По воинам — среди них есть и азербайджанцы, и узбеки — не раз открывали огонь боевики НФА. Узбек рядовой Х. Саидов, призванный из Бухарской области, рассказал, как по нему и его товарищам неожиданно стали стрелять с крыш ближайших домов. Попал под обстрел экстремистов в парке боевой техники и другой воин-узбек — рядовой Ш. Эгамназаров. Согласно приказу, солдаты в целях самообороны вынуждены были открыть ответный огонь. Что же касается вражды на национальной почве между самими воинами и каких-то «жертв» в

результате якобы перестрелки между ними, это чистой воды выдумка, о чем заявили все, с кем довелось беседовать журналисту: офицеры В. Бочук, А. Берест, воины срочной службы из подразделения под командованием офицера А. Харченко и многие другие.

Что ж, очередная провокация экстремистов НФА лопнула, как мыльный пузырь. Но не последуют ли за ней другие?

В. ПРУГЕР корр. ТАСС.

Ташкент.

«Коммунист», 1 февраля 1990 г.

ОТКРОВЕНИЯ «ЖЕСТОКОГО ЧЕЛОВЕКА»

«Кавказ в огне»... Под таким заголовком в газете «Атгиммас» См. «Согласие», № 18, 1989 — (сост.) опубликована серия репортажей специальных корреспондентов Аудрюса Ажубалиса и Аудрюса Зданавичюса из Армении, Нагорного Карабаха и Азербайджана. Мы предлагаем вашему вниманию записанную ими беседу с одним из идеологов Народного фронта Азербайджана, сотрудником Института литературы АН республики Гамидом ХЕРИШИ:

Народный фронт Азербайджана рассматривает СССР как дуалистическое государство: мусульмано-христианское, или, точнее, тюркско-славянское. Поэтому у нас совершенно иная тактика, нежели у прибалтийских народов. Мы не рассматриваем даже возможности выхода из СССР, так как для нас это был бы выход из тюркского единства. А вот возможный выход прибалтийских республик был бы нам выгоден: на три европейских христианских народа будет меньше. Это усилит мусульманское влияние в Советском Союзе. Исходя из этого, мы должны с пониманием относиться к вашим усилиям. Мусульманам не выгоден развал СССР и тем самым распад тюркского единства. Азербайджан, Киргизия, Казахстан, Башкирия, Поволжье, Татария, Якутия, Туркмения, Крым, Северный Кавказ — это все тюркские земли. И мы не намерены никому их уступать...

Тюркские народы живут значительно хуже, чем вы в Прибалтике. У вас рай по сравнению с нами. Пройдите километр по узбекской земле и успеете почувствовать трагедию, ощутить, какой гнев в народе зреет. 25-миллионный народ дошел до предела. А казахский? Вот мы говорим: «Карабах! Карабах!» А ведь в 3 раза большую территорию отняли у Казахстана под полигоны. Тоже по-своему автономные округа, только военные. Когда я говорю с казахами, киргизами, я иногда плачу, хотя я — человек не сентиментальный, жестокий человек. Я люблю правду в глаза смотреть. Этому нас наша религия учит, наш тюркский характер таков — надо быть мужчиной в любом случае. Я был в Ферганской долине, Ашхабаде, Казани, Ташкенте, и нет у меня сил описать увиденное там. Они сотворили ад из наших земель. Предприятия плохие, условия вредные. А посмотрите на заводы в Иванове: чистота, порядок, путевки профсоюзные на отдых, женщины в халатиках. На нашей шее сидят, на узбекском хлопке работают. Но однажды мы возьмем их за горло: «Что, хорошую жизнь себе устроили? А посмотрите, как наши женщины работают в 40-градусную жару, когда даже собака ползет в тень, а люди — под палящим солнцем!» У вас все делается через законодательные акты. У вас заводы — в руках русских, и бастуют потому только русские. А у нас, в тюркских республиках, все заводы — в руках народа. И наше основное оружие — забастовки, гражданское неповиновение. Экономический упадок, которым пугают, не страшит: в Азербайджане 93% промышленности подчинено Москве и только 7% — республике. Русские думали, что мы пострадем, а оказались сами в ловушке...

Да, в нашей борьбе есть элементы джихада (араб. — война за веру, предписанная Кораном. — Ред.): всем миром собраться, поклясться, что будем стоять до конца, что если мы проиграем, то лучше нам не жить на свете. Но это русским кажется, что азербайджанцы вот-вот объявят «джихад». Нет пока надобности в таком мощном оружии, когда все от мала до велика, и женщины тоже, идут на бой, а погибнув, по нашей вере, попадают в рай. Можно пользоваться более мирными, демократическими мерами воздействия. Это, например, блокада дорог, железнодорожных прежде всего, экономическое

эмбарго. Обратите внимание на то, как наша борьба напоминает борьбу арабского народа с Израилем: скажем, нефтяное эмбарго у них и у нас (мы его объявили и Грузии, и Армении, и России). 13 июля армяне начали блокаду Нахичевани и азербайджанских сел в НКАО. Но они эту войну проиграли, когда мы начали со своей стороны блокаду. Ну, глобализируют проблему Карабаха, скажут русским, прибалтийцам, что, дескать, присоединим область к Армении, будет прецедент выхода из несправедливо установленных границ. А если мы определим проблему и глобализируем ее как конфликт христианства и мусульманства, что будет тогда? Это армяне ищут помощи извне: направили письма в ООН, папе римскому, американскому конгрессу. А мы, согласно нашей религии, надеемся только на себя. Хотя знаем, что за нами стоит весь исламский мир, Иран, Турция...

Вообще, Запад склоняется к своему закату. Шпенглер был в сущности прав. А возрождение идет с Востока. В некоторых арабских государствах создан рай на земле. В Иране, например, уровень жизни значительно выше европейского. Я был в этой стране и видел, какая высокая там культура, какая у народа ответственность перед родиной, искренняя религиозность. Если развитие мировой истории пойдет так и дальше, думаю, лет через двадцать картина очень изменится. Сейчас подняли истерику вокруг Армении. Но обратите внимание, ее поражение совпало с поражением всех христианских сил вообще. Люди, говорящие об идее общеевропейского дома, просто хотят снять противостояние Восток—Запад и утвердить новое — Север—Юг. И СССР подключить к себе. И кто это предлагает? Франсуа Миттеран, который с 1954 по 1958 гг. был министром внутренних дел Франции и имел прямое отношение к массовым убийствам алжирских мусульманских муджахидов. Этот человек, у которого руки по локоть в мусульманской крови, говорит о правах человека! Идея общеевропейского дома потерпит фиаско, так как этот дом даст трещину в СССР. Без трагедий не обойдется. А что касается междоусобиц в мусульманском мире, то они способствуют единению тюркских народов, утверждению ислама.

КОММЕНТАРИЙ УЧЕНОГО

1.

Да и как не испугаться, как не покрыться холодным потом и не отпраздновать труса, если идеологом Народного фронта Азербайджана и одновременно сотрудником Института литературы АН Азербайджанской Советской Социалистической Республики Гамидом Херищи провозглашено всех русских взять за горло! Как не взывать ретивому, если оказывается, что то ли младший, то ли старший научный сотрудник в сфере изящной словесности решает, быть или не быть «джихаду»? Как не озирается в поисках спасения, если политический прогноз Гамида из рода Херищи однозначен: «Без трагедий не обойдется! И, наконец, как не поверить прогнозу, исходящему от человека не сентиментального, а жестокого, да еще любителя и вместе с тем профессионала поглядению правде в глаза! Нет, до жути напугал меня Гамид Херищи, тем более что и положение у меня незавидно — сажу-то я у него на шее...

2.

Политические истерики, подобные Гамиду Херищи, не новость в истории. Все, что он говорит, уже звучало в разные времена под лозунгами пантюркизма, исламизма, крови и почвы одной страны — одного народа — одного вождя. Практически, это национализм поселкового или районного масштаба, претендующий стать идеологией верных и чистых для борьбы с неверными и недочеловеками. Поэтому, сидя в Азербайджане, достаточно просто (да еще повторяя зады пантюркизма первой половины XX века) отгрохать себе некую тюркскую государственность от Поволжья до Якутии.

Не вдаваясь в частности, отмечу только эту провинциальную спекуляцию на этнической и конфессиональной общностях. Под одну гребенку стригутся азербайджанцы и якуты, башкиры и туркмены. Стригутся во имя тюркской общности, которая как всякая этническая общность является единством многообразия. Ислам как мировая религия связан с тюркским миром, но не сводится к нему. Ни в одной суре Корана не найти чего-го,

даже отдаленно похожего на, прямо скажу, бредовые амбиции Гамида Херищи, оказавшегося способным говорить за мусульман и тюрков. Не надеясь на коллег Г. Херищи по академии, очень хотелось бы услышать мнение мусульманских духовных наставников о том, что наговорил об исламе сотрудник академической конторы.

Судя по его активному туризму, Г. Херищи является чем-то вроде эмиссара-проповедника благой вести азербайджанского Народного фронта. Наблюдение райской жизни в Иране тоже красноречиво, об этом не мне говорить. О чем сказать я обязан, так это о мелкости фигуры и злобной истеричности путешественника. Могли бы его воспитатели найти другую фигуру, с другим кругозором и с другим уровнем грамотности, чтобы не компрометировать хотя бы себя и идеи, имеющие определенный смысл.

3.

Любой фронт имеет право как угодно трактовать СССР. Плюрализм, он и в Африке плюрализм. Что же касается России и русской традиции, то единость и неделимость России всегда рассматривались с учетом многонационального состава населения и его разнообразной конфессиональной приверженности. Поэтому не примитивный дуализм славяно-тюркский или христианско-исламский находился в основании политической доктрины, а сознание единства многообразия славянского, угро-финского, тюркского, кавказского, алтайского и многих других этносов, связавших свою судьбу с православием, исламом, буддизмом и другими формами традиционных религий. Поэтому мы, русские, видели равно и свою общность с Западной Европой, и свою неповторимость. Мы ощущали евразийскую связь, но оставались русским материком в евразийской этнической стихии. Поэтому Россия с ее многонациональным населением и поликонфессиональностью была и остается явлением всемирно-историческим, которое не поколебал и не поколеблет доморощенный пантюркизм с его открытым антинациональным политиканством, как оно излагается Гемидом Херищи. Именно ему и его соучастникам по переключке карты России необходимо напомнить, что Россия — не удельное княжество и не объект

политических интриг и притязаний. Она и не автономия, чтобы, сидя под чинарой, решать, кому ее земли и народы принадлежат. И по меньшей мере низко и преступно пытаться решить свои склоки за счет России и россиян. Больше этого не будет.

4.

Азербайджанскому народу, братьям по судьбе — до свидания! Худа афиз! И — с надеждой на извечность мудрой дружбы.

ЭДУАРД ВОЛОДИН,
доктор философских наук

ОТ РЕДАКЦИИ:

Интервью газете «Атгимимас» («Согласие») Г. Хериши давал незадолго до событий в Баку и Нахичевани, скорбь и гнев по поводу которых мы можем лишь разделить со всеми, кого они так трагически заделали. Не берем на себя ответственность комментировать подстрекательские — по-иному не скажешь — тезисы Г. Хериши. Это лучше сделал доктор философских наук Э. Володин. Но одно, как нам кажется, несомненно: невинная кровь в Азербайджане пролилась не без влияния на события «теоретических» посылок идеологов вроде Г. Хериши... Научили ли их чему-нибудь последние события? Вот в чем вопрос...

«Литературная Россия»,
02. 02. 90. № 5.

БЕДА... «ВАМ БУДЕТ ПЛОХО»...

В одну из воинских частей Московского гарнизона, ставшую перевалочным пунктом для русских беженцев из Баку, мы, корреспонденты, приехали, когда людей уже рассаживали по автобусам для отправки на временное поселение в санатории и пансионаты Можайска, Звенигорода и в другие места.

Наше опоздание к людям, уже вторые сутки находящимся в пределах Москвы, — семьям военнослужащих и прилетевшим из Баку коренным жителям русской национальности, — было не только следствием журналистской нерасторопности.

— Кругом говорят только о беженцах-армянах, об их трагедии! — воскликнула, увидев фотосъемку, женщина с плачущим ребенком на руках. — А мы, русские?!

В этот же вечер по московскому телеканалу объявили наконец о прибытии русских беженцев из Баку.

А в последующие дни из программы «Время» можно было узнать, что положение в Баку «нормализуется», и в подтверждение тому увидеть на экране миловидную русскую девушку, которая в окружении дружелюбных бакинцев говорила, что никуда из родного города уезжать не собирается, что ей не страшно, тем более, что едва ли не весь Баку в одну ночь оказался завешенным лозунгами, призывающими русских братьев остаться.

Слыша все это из уст русских людей, видя их в полном здравии на улицах оживающего от ужасов города, все же не могу забыть совсем недавнюю свою встречу с русскими беженцами в Москве, и стоит в ушах детский надрывный плач и женский истерический крик-ответ, на вопрос об их возвращении:

— Никогда!!!

Валентина Окользина, жена военнослужащего, врач:

— В ночь с 18 на 19 января к нам пришел сосед, азербайджанец, работник милиции, и предупредил: «Уходите. Сегодня ночью вам будет плохо». Я взяла одну сумочку с документами и пошла в воинскую часть. Потом нас под пулями вывозили в бронетранспортере на военный аэродром, там мы простояли десять часов на холоде, и вот мы, 300 человек, прилетели в Москву. нас прекрасно встретили в воинской части в Подмосковье и здесь. Но дальше — полная неопределенность... Квартiry наши разграблены.

Никогда не было к нам такого отношения. Они установили пулеметы на крыше роддома и неврологической больницы, и, когда выходили женщины с детьми, чтобы перейти и укрыться в военную часть, — по ним стреляли, а когда выходил азербайджанец из своей машины — прекращали стрелять. Ребята, курсанты училища, закрывали собой женщин и детей.

Супруги Горбуновы, пенсионеры:

Мы забрали внучку, а наша дочь, военнотружущая, осталась. Наш дом рядом с училищем, два дня мы находились под обстрелом. Гражданского населения много осталось, им угрожают. Когда входили наши войска, русских женщин и детей заставляли ложиться на дорогу, чтобы перегрнуть путь танкам.

Казарма. Вестибюли и коридоры почти впритык заставлены узкими кроватями под серыми одеялами. Люди спят группками, в кружок, тихо переговариваются. Вообще — странная тишина для такого скопления людей.

Беда... Вот она кака.

И мы вполголоса расспрашиваем о том, что необходимо — из посуды, белья, лекарств.

— А деньги? — спрашиваем мы. — Издательство «Современник», газета «Красная звезда», журнал «Советский воин» собрали 500 рублей. Кому их передать?

— Мы пока держимся, нам выдали на семью 100 рублей и обещают еще, — отвечают в семьях военнотружущих.

Достоинство... Некоторые сегодняшние публицисты сокрушаются по поводу его отсутствия. А вот оно — достоинство, и вот они — милосердие, справедливость, когда жены и сестры военных, получив 100 рублей на семью из двоих-четверых, отказываются от денег в пользу тех, кому эти 100 рублей Министерство обороны выдать не может.

— Помогите гражданским, — это же советует нам и подполковник Ю. Н. Рогачев из политуправления Московского военного округа. Гражданским и в самом деле намного труднее: они — «ничейные». Горько произносить это слово о соотечественниках. В их семьях по двое, по трое детей, для которых нет смены белья, обед уносит по 3—5 рублей из тощего кошелька, а нужны еще и завтрак, и ужин...

КТО ПОМОЖЕТ?

В дни эвакуации сберкассы в Азербайджане закрылись, и люди не смогли получить вклады, не получили и трудовых книжек. Как теперь на работу устроиться? И где жить? — вот что волнует всех.

Сколько еще впереди у них, привыкших к работе, дней, когда при пробуждении обожжет мысль, что идти — некуда...

Тишину взрывает чей-то нервотный смех у телевизора. Оказывается, ведущий информационного выпуска рассказывает о них, о беженцах: «эвакуированы», «размещены в домах отдыха», «по 100 рублей на каждого (!), «обеда бесплатные»...

— Оказывается, у нас все в порядке, товарищи! — иронично заметил кто-то. — А мы вот вам расскажем сейчас правду, записывайте.

— Я из украинской семьи, еще деды мои жили в Баку. Чтоб не приняли за армянку, носила два последних года при себе паспорт. А в декабре-январе и это не могло спасти. На улицах и по радио агитировали людей за создание исламской республики — без иноверцев. Мы стали не нужны.

Последний год тяжело было ходить в магазин. Смотрят косо, подсовывают самое гнилье, кто-то из очереди кричит продавщице: «Русским не отпускай! Пусть к себе едут!» Обзывали оккупантами, фашистами, а ведь мы работали вместе с ними на равных. Мулла призывал: «Изгоняйте русских, но без крови!» И сколько же нашлось желающих изгонять!..

— Но нельзя так говорить обо всех. Соседи-азербайджанцы пытались нам помогать, приносили продукты, советовали заранее отправлять ценные вещи, предупреждали: будет что-то страшное... Но чем они могли помочь? Сами боялись...

— Еще бы не бояться, мне друзья из азербайджанцев грустно так сказали: «Вот вы все уедете, и нам ждать хорошего нечего...»

А раненых, убитых в армии уже сколько? Мы летели в самолете с ранеными ребятами. Один с ампутированной ногой, трое обожженных, у одного ранение в позвоночник. А им всего-то девятнадцать...

— Расскажу случай, о котором печать не сообщала. Террористы затащили в пустую православную церковь наших детей как заложников, закрыли двери и обстреливали с ее крыши военный городок. Представляете состояние матерей. Наши бойцы подошли к церкви на бронетранспортере и ценой смертельного риска обезоружили террористов...

В заложники брали и женщин, — роняет Нина П. — А наших детей угрозами заставляли бросать бутылки с горючей смесью в танки отцов. Ребята отказывались...

— А можно я скажу? Там все похоже на спектакль в театре, только страшный. Террористы ходят с черными повязками на лбу и руке — чтоб узнавать друг друга. Брат, когда вывозил меня, тоже надел такую повязку. Он черноволосый, его приняли за своего. Никогда не забуду эти черные повязки. И еще — черные флаги с воткнутым около них топором. Во сне это снится и — просыпаюсь. Я уезжала, а подружка-азербайджанка плакала: «Мне так страшно, но куда бежать?» А у наших соседей дети от смешанного брака. Отец — азербайджанец. Он испугался за детей и отправил их с матерью вместе с нами. Они тоже здесь...

Мы уходили длинным коридором, заставленным вплотную кроватями. В проходах играли дети — белокурые и черноволосые, светло- и черноглазые. Детская память коротка — они смеялись, и от этого щемило сердце. Что их ждет? Где найдут они новый дом? Нас догнала пожилая женщина в черном платье:

— Милые, напишите: русские защищают всех. А кто поймет это и защитит русских?

ЛЮДМИЛА ЖУКОВА

ПРЕСС-ЦЕНТР СОВЕТА МИНИСТРОВ РСФСР СООБЩАЕТ:

Распоряжением Совета Министров РСФСР создана рабочая группа по организации размещения беженцев, штаб которой работает круглосуточно.

С 25 по 29 января рабочая группа разместила в ведомственных пансионатах, домах отдыха и пионерских лагерях Московской, Калининской, Рязанской, Костромской областей 2796 граждан, вынужденно покинувших Азербайджанскую ССР. Фактически их было больше: свыше тысячи зарегистрировались, но разместились у родственников и знакомых в Москве и Московской области. Это — не считая семей военнослужащих.

Кроме того, с 18 по 22 января в пансионатах Под-

московья размещено 500 армян, в том числе 289 человек в пансионатах министерств и ведомств РСФСР.

Организовано их питание, медицинское обслуживание, будет выдана денежная помощь и оказано содействие в приобретении необходимой одежды.

Такая же работа по размещению беженцев ведется в целом ряде областей Российской Федерации. Только в Калининскую область прибыло свыше тысячи человек.

После размещения начинается работа с каждым вынужденно покинувшим Азербайджанскую ССР по определению места их постоянного проживания и трудоустройству.

«Литературная Россия»
02. 02. 90. № 5.

ЗАТИШЬЕ В КАРАБАХЕ

После событий в Баку, Нахичевани, Ленкорани Нагорный Карабах стал наиболее спокойным местом в регионе. Во время траура по жертвам бакинской трагедии азербайджанские боевики не нападали, жители армянских сел ведут круглосуточные дежурства в окопах, но серьезных столкновений не было. Однако после инцидентов на узлах связи (достоверной информации о происшедшем получить не удалось) НКАО оказалась полностью отрезанной от мира. Всю минувшую неделю действовал лишь правительственный телефон ВЧ, время разговора жестко ограничивалось.

Связь и прежде была уязвима и ненадежна. Вернувшиеся в Степанакерт связисты рассказывают, что не могут работать в некоторых районах Азербайджана: радиотехника у тамошних боевиков мощнее, чем у военных, и позволяет глушить и прослушивать передачи. Вооруженные автоматами люди в милицейской форме открыто угрожают, не дают связистам работать.

Вообще неразворотливость военных мне, сугубо штатскому, показалась удивительной. Хотя бы такой эпизод. В предыдущем репортаже («МН» № 3) говорилось, что азербайджанские боевики захватили две боевые машины, развернули позиции противораковых зенитных уста-

новок. На их подавление были направлены вертолеты с десантниками. Вертолеты вернулись после того, как один из них был поврежден огнем, ранен штурман.

Решением Министерства обороны внутренним войскам были выделены два танка Т-54. Мы отправились в них к месту событий в Ханларский район. Перед выходом представитель комендатуры вполне серьезно говорил офицерам: «Потеряете танки — стреляйтесь, они даны специальным приказом министерства». Отправление затянулось дотемна: несколько раз снимали и снова загружали боекомплект. Наконец, без снарядов и пулеметов тронулись. По сомнительной карте, через мосты с непроверенным тоннажем. Проводник — армянин, как выяснилось, тоже не очень хорошо знал местность. Но случай благоприятствовал, и спустя 13 часов, преодолев чуть больше ста километров, были на месте.

Приказа начать операцию не последовало. А через два дня всех, кто уже знал обстановку, сменили новыми частями, и мы за 20 минут вертолетами вернулись в Степанакерт. Тогдашний комендант района чрезвычайного положения генерал-майор Юрий Косолапов объявил отбой тем, что боевики пока ведут себя тихо.

Можно понять заботу о безопасности солдат, стремление не пролить кровь. Но генералу докладывали: бойцы, пилоты вертолетов видели в Ханларском районе виселицы с телами на них. Можно было прогнозировать и последствия, тем более, что уже были блокированы аэродром в Гяндже, дорога, по которой намечалось провести значительные силы войск в прилегающие к НКАО районы.

Победой тактического мастерства не назовешь и возвращение четырех танков, захваченных боевиками. Машины были угнаны с железнодорожных платформ, когда их везли из ремонта. Качество работы оказалось таким, что два танка встали практически сразу, а два других прошли лишь около километра. Террористы отдали металлолом без боя.

И в то же время комендант решил провести учения в Степанакерте. Бойцы роты специального назначения захватили здание обкома партии. Солдаты в пятнистых комбинезонах с автоматами наизготовку рассыпались по этажам, ворвались в кабинеты. Сотрудников поставили лицом к стенке, обыскивали. Некоторые комнаты были

взломаны, документы разбросаны. Заставили поднять руки и протестовавшего старшего помощника Генерального прокурора СССР Михаила Славгородского. Работники обкома в заявлении расценили случившееся как оскорбление чести и достоинства, посягательство на авторитет партии в целом.

На следующий день на заседании штаба Комитета особого управления НКАО коменданта попросили осуществить уже отработанным методом захват телестудии в городе Шуше, незаконно узурпировавшей эфир, транслировавшей злобно антиармянские программы. А в дни траура Шуша передавала митинги, на которых требовали смерти армянам.

Студия прекратила работу только после предупреждений нового коменданта района. Но факт ее долгого незаконного существования не единственная несообразность. С введением чрезвычайного положения действует запрет на полеты вертолетов в НКАО и прилегающих районах. Тем не менее в Шушу, примыкающее к Степанакерту село Ходжаллу в день совершается до 70 полетов машин без опознавательных знаков. Кто пассажиры, каков груз? Военные заявляют лишь, что не в состоянии проверять каждый борт.

Объявление чрезвычайного положения повлекло продление комендантского часа, запрет некоторых общественных организаций и их печатных органов, ряд других ограничений. Областная газета «Советский Карабах» стала выходить в половинном объеме и контролируется военной цензурой. В административном порядке задержан заместитель ее редактора Аркадий Гукасян, опубликовавший на днях статью «Раскройте наконец глаза». Этот материал, с моей точки зрения, справедливо критикует существующую до сих пор тенденцию к «балансированности» информации о событиях армяно-азербайджанского конфликта.

Попытки уравнять меру вины, едва ли окажутся убедительными после того, как сумгаитский сценарий был разыгран на большой сцене Баку. Бывший руководитель парторганизации Азербайджана Абдул-Рахман Везиров говорил, что спокойствие в республике недостижимо, пока не решен вопрос Нагорного Карабаха. О том, каким представляется решение, свидетельствуют массовые погромы, разрушение Государственной границы, висели-

цы, бои. В самой НКАО относительно спокойно, и это, нужно признать, свидетельствует о разном подходе сторон к проблеме. Нередко от офицеров (военные стремятся сохранять нейтралитет) приходилось слышать: «Армяне все же добились своего — мы вынуждены помогать им, ведь они обороняются».

Время показало, что призывы к благоразумию, к возвращению беженцев результатов не дают. Новая кровь, новые беженцы. Слишком велика нетерпимость, слишком много оружия. Требуется политическое решение проблемы Карабаха.

Пока оно не принято, новый комендант района чрезвычайного положения Владислав Сафонов начал большую чистку: военные ищут оружие в селах, ведут проверку паспортного режима. Разблокированы автомобильные дороги в нескольких направлениях, и под охраной боевых машин по ним проводят автобусы с пассажирами, грузы. Готовится событие, которого ждали почти два года, — открытие дороги между НКАО и Арменией. Блокада частично снята. Дай бог, чтобы надолго.

На аэродроме в Степанакерте министр обороны Дмитрий Язов сказал мне, что армия готова поддерживать безопасность населения, навести порядок. Но обсуждать конкретные действия не захотел. А пока, по имеющимся сведениям, десятки тысяч боевиков продолжают подготовку к операциям. Спокойствие в Карабахе ненадежно.

АНДРЕЙ ПРАЛЬНИКОВ,
специальный корреспондент
«МН»

«Московские новости», 4 февраля 1990 г.

НАГОРНЫЙ КАРАБАХ

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

В двадцатых годах нынешнего столетия, то есть сразу же после установления Советской власти в Азербайджане, было создано Общество обследования и изучения

Азербайджана. В 1925 году это общество издало, и ни в каком-то другом городе, а в самом Баку, в типографии «3-й Интернационал» (зак. № 798) книгу Г. А. Кочаряна «Нагорный Карабах» с картой региона на отдельном листе. Тираж книги в 68 страниц небольшой — всего 500 экземпляров. Ввиду того, что она представляет собой библиографическую редкость, хочется привести несколько цитат, которые проливают дополнительный свет на тот неоспоримый факт, что Карабах, исторически принадлежащий армянам, с преобладающим населением армянского происхождения, находясь под эгидой области в составе Азербайджана, превратился в один из отстающих и запущенных районов.

В предисловии к книге, написанном от 30 сентября 1924 года, говорится: «Настоящая работа представляет собою предварительный доклад, прочитанный на первом азербайджанском краеведческом съезде 22 сентября 1924 года. Летом того же года автор, выполняя командировку Общества обследования и изучения Азербайджана, объездил Нагорный Карабах, собирая материалы для изучения кустарной промышленности, распространенной в крае. Полное отсутствие каких-либо материалов, характеризующих вновь образовавшуюся автономную область, побудили автора прочесть на съезде доклад об «Экономике Нагорного Карабаха».

С первых же строк сообщается, что «Нагорный Карабах, как показывает само название, представляет собою гористую страну, прорезанную по всем направлениям многочисленными ущельями». Далее подробно рассказывается о рельефе, климате, гидрографии, растительности, животном мире горной области Арцах, некогда славящейся своими природными богатствами, лесами, реками и водопадами. И все это было поставлено на службу народа, развивало народное хозяйство Армении.

Большой интерес представляет глава «Население», в котором подчеркивается, что «Нагорный Карабах был выделен из Азербайджана в Автономную область по признаку национального большинства: 94,4 процента жителей его составляют армяне, 5,6 процентов — турки. Всех жителей Нагорного Карабаха, без города Шуши, насчитывалось в 1921 году, согласно сельскохозяйственной переписи, 126.368 человек. Если к этому количеству

прибавить еще и население города Шуши, сократившееся после событий двадцатого года до 9223 (в 1921 году), получим цифру 135.591 человек». Тюрками автор называет азербайджанцев. В 1918—1920 годах, как известно, буржуазные националисты-мусаватисты нанесли Арцаху огромнейшие бедствия: был уничтожен ряд населенных пунктов, а в начале 1920 года почти полностью разрушена Шуша, разорено народное хозяйство, все делалось для продолжения геноцида армян.

Как сообщает книга: «перепись 1921-го года производилась в исключительно тяжелых условиях: целый ряд селений не был переписан счетчиками, ибо эти селения были брошены крестьянами; само проведение переписи было сопряжено с опасностями, и именно в Нагорном Карабахе погибло от рук разбойников два ответственных руководителя переписи». «Это еще одно свидетельство того, что местные власти не хотели показать точного количества, населявшего Арцах, чинили препятствия переписчикам.

О чем еще можно узнать из книги? Да о том, что преподавание в школах проходило на армянском языке, 46 процентов армянских учителей имели армянское образование, тюрков—учителей с тюркским образованием не было.

Азербайджанские власти, зная, что население Карабаха в подавляющем большинстве своем армяне, не обращало никакого внимания на развитие промышленности, сельского хозяйства, транспортных средств, улучшение социальной инфраструктуры. «В смысле обеспечения землей Нагорный Карабах занимает последнее место в республике», «население Нагорного Карабаха в два-три раза слабее обеспечено пахотными землями, чем население других уездов АзССР», «недостаток воды составляет второе после малоземелья большое зло Нагорного Карабаха», «сенокосов почти нет», «травосеяние совершенно не практикуется», «торговая деятельность слабо развита», «нет сколько-нибудь развитой промышленности: ни добывающей, ни обрабатывающей», «малярия ежегодно уносит большое количество жертв»... Вот отдельные места, взятые из книги. И таких — десятки! Но самое страшное в том, что положение после 1924 года не изменилось, а в ряде объектов даже ухудшилось. О населении, его трудолюбии, стремлении даже из кам-

ня добыть воду, автор подробно рассказывает на 35—37 страницах книги. «Жители селения Норашен,— пишет он,— славятся хорошие литейщики, жители Нагардзов как каменщики и плотники... Почти все армянское население Закаспийской области и Туркестана являются выходцами из Нагорного Карабаха. Помимо этого, выходцев из Нагорного Карабаха можно встретить по всему СССР. В настоящее время выходцы из Нагорного Карабаха в несколько раз превышают число коренных его жителей. Из года в год происходит отбор населения: наиболее энергичные, деятельные члены покидают свою родину, которая не в состоянии прокормить их». Такая картина повторяется и поныне. Автор говорит, что ничего, кроме «тяжелой допотопной сохи, вызвавшей к себе большой интерес на Всероссийской выставке», Азербайджанская ССР не смогла представить из Карабаха. Соха эта, по словам автора, «была гвоздем Азербайджанского павильона».

Армянский народ делал все для того, чтобы развивать народное хозяйство Арцаха, благоустроить область, но всегда сталкивался с искусственно возводимыми препятствиями и рогатками. Рассказывая о Шуше, к примеру, автор сообщает, что когда-то «это был прекрасный благоустроенный город, населенный главным образом богатыми армянами-карабахцами; многие из них в течение десятков лет не приезжали сюда, но считали своим долгом построить здесь дом». Трудно, очень трудно жилось армянскому населению в Нагорном Карабахе. Первая мировая война и Октябрьская революция, как пишет Г. Кочарян, «ураганом пронеслась над Нагорным Карабахом, оставив после себя груды развалин, множество могил. До сорока селений с городом Шушой были уничтожены в межнациональных столкновениях. Несколько раз волны авантюристических налетов перекачивались через Нагорный Карабах. Отрезанное от всего мира население жило в постоянном страхе, ожидая гибели от голода или вражеской пули». Ведь то же самое повторяется и сегодня, сейчас.

Каждый день средства массовой информации приносили новые тревожные вести: погромы и убийства мирного армянского населения в Баку, до предела обострившаяся ситуация в Нагорном Карабахе, Ханларском и Шаумяновском районах. Ситуация, страшная своей

непредсказуемостью, поставившая две соседние республики на грань гражданской войны.

Исторические параллели тревожат память, взывают к разуму и совести. Почему и сегодня, как и почти полвека назад, попирается право автономий на выбор собственной судьбы?

РЭМ ДАВИДОВ,
заслуженный журналист

«Коммунист», 4 февраля
1990 г.

Грузинская ССР

АЗЕРБАЙДЖАНЦЫ — «РАЗДЕЛЕННЫЙ НАРОД»?

На минувшей неделе в иранском меджлисе произошел громкий скандал. Двум депутатам, попытавшимся выступить с трибуны парламента Исламской Республики Иран, не дали говорить на азербайджанском языке. В случившемся как в капле воды отразилось отношение к иранским азербайджанцам в высшем законодательной власти этой страны.

Вообще надо сказать, вокруг иранского Азербайджана там всегда кипели бурные страсти. Мне не раз приходилось наталкиваться на утверждение, что едва ли это не самая отсталая часть нашего южного соседа. Да и самих азербайджанцев в Иране называют «азери». Может быть, в этом нет ничего обидного или унижительного. Я заранее хотел бы оговориться, что ничего плохого в свое толкование такого названия азербайджанских собратьев не вкладываю. Просто удивительно, почему вдруг используется именно такое сокращение...

Покойный имам Р. Хомейни, первый духовный правитель страны после свержения шаха в 1979 году, считал, что азербайджанцев как нации вообще не существует. «Они турки», — говорил он. Здесь бы я хотел подчеркнуть, что толкование суждений, подобных вышеприведенному, в Иране было очень много.

Отлично помню, как между Р. Хомейни и великим аятоллой К. Шариат-Мадари, едва будущий духовный правитель возвратился в свою страну после многолетней

ссылки, возникли откровенно враждебные отношения. Дело в том, что К. Шариат-Мадари азербайджанец по национальности. И когда Р. Хомейни стал именоваться, кстати, по собственной инициативе, имамом, тот язвительно заметил:

— Двенадцатый имам, затерявшийся в небесах, который должен принести многочисленные блага и умиротворение миллионам своих последователей-шиитов (и в Иране, конечно), должен спуститься с облака. Новый же имам Р. Хомейни сошел с борта «Боинга — 747» компании «Эр-Франс», доставившего его из Парижа...

По приказу Р. Хомейни великий аятолла К. Шариат-Мадари был помещен под пожизненный домашний арест. Даже тогда, когда тот попросил разрешения отправиться в Лондон, для того чтобы там ему вырезали раковую опухоль, он получил отказ.

Я привел некоторые подробности распри между высокопоставленными духовными деятелями Ирана, чтобы подчеркнуть: даже великому аятолле-азербайджанцу там скидок не делали, несмотря на то, что в свое время он, поддержав Р. Хомейни, спас его от ареста...

Вернемся, однако, к положению в иранском Азербайджане. В нем сейчас проживает 9 миллионов человек. Столицей провинции является город Тебриз. Он не числится среди промышленных или культурных центров Ирана, хотя я вовсе не отрицаю, что у иранских азербайджанцев в чести, своя национальная культура. Но о ней в Тегеране говорят и пишут не часто...

Известно, что еще в 1946 году в иранском Азербайджане произошли события, свидетельствовавшие о том, что его жители хотели добиться торжества демократии. Их выступление было жестоко подавлено армией шаха. Сейчас об этом вспоминают с несколько странным анти-советским акцентом. Но вот в Баку, особенно в связи со «сносом» советско-иранской границы в первой декаде января 1990 года, вдруг с новой силой заговорили о «разделенном народе». Несколько лет назад я слышал от моих бакинских друзей, что хорошо бы решить азербайджанскую проблему в результате присоединения иранского Азербайджана к Советскому Азербайджану. Теперь формула изменена и заговорили едва ли не о создании (по крайней мере, некоторые лидеры Народ-

ного фронта такой лозунг провозглашали) «исламского Азербайджана»...

Не хочу гадать, хотели или нет завязывать какие-то особые отношения с иранским Азербайджаном экстремисты из ИФА. Может быть, позднее и в это будет внесена ясность. Но вот нужно ли это Ирану, не случайно пугавшему нас «мусульманским пожаром»? Не лучше ли прекратить начатые на советско-иранской границе «исламские игры» и превратить ее не в источник смуты, а в зону спокойствия? В результате выигрывают и Советский Союз, и Иран.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ

«Литературная газета», 7 февраля 1990 г.

ПРОНИКАЮЩЕЕ РАНЕНИЕ

Нам выпало жить в немилосердное время.

Когда-нибудь перед нами откроется полная панорама трагедии в Закавказье. Еще будет рассказано о том, как от искры в Нагорном Карабахе взметнулось пламя беды. Мы еще содрогнемся от подробностей погромов армян в столице Азербайджана, когда заговорят документы, — резни, устроенной молодчиками, выдававшими себя за Народный фронт. Еще станет известно, как и почему ситуация вышла из-под контроля... Еще мы прочтем о том, как бывший первый секретарь ЦК компартии республики будто нарочно выжидал в дни, когда каждая минута множила число жертв... Еще узнаем на каком-нибудь очередном Съезде народных депутатов подробности осады города войсками... Нам еще доложит очередной генерал, кто отдал приказ о срочном призыве резервистов, как Советская Армия и граждане СССР стреляли друг в друга на улицах столицы Азербайджана... И, хочется верить: наступит день суда, открытого, гласного, когда поведают нам всем, гражданам этой не знающей покоя страны, как одно преступление, словно по цепной реакции, рождает десятки других...

В начале января бакинских армян предупреждали: убирайтесь, иначе будет худо. Однако еще в декабре

прошлого года Всесоюзный совет общественных организаций беженцев-армян из Азербайджанской ССР писал в адрес второго Съезда народных депутатов о том, что ситуация требует «...немедленно восстановить порядок в Азербайджанской ССР и безопасность проживающего в республике армянского населения и лиц других национальностей, ввести дополнительный контингент воинских частей и подразделений МВД». Думается, Политбюро ЦК КПСС, правительство располагали и другой исчерпывающей информацией о надвигающейся угрозе. Но радикальных мер не приняли.

Связи с Баку долго не было, а потом вдруг в редакции отчаянно зазвонили телефоны. Застучал телетайп с сообщениями, похожими на сигнал бедствия из штормового океана. Нас, журналистов «Огонька», возмущенно спрашивали из Еревана и Баку: «Почему нет правдивой информации о событиях в Азербайджане? Что требуется телевидению, чтобы передать подробные репортажи, разве не хватает видеокамер и самолетов? Почему никто, кроме западных радиостанций, не сообщает, что в Баку продолжаются бои?» И люди за тысячи километров, рискуя жизнью, выносили на балкон телефонные аппараты — сквозь помехи доносились взрывы, автоматные очереди. Сжималось от беспомощности сердце...

А потом мы увидели беженцев.

Как только заработала паромная переправа в Красноводске, они хлынули в Москву тысячами, заполнили вокзалы и аэропорты. Старухи, о руки которых расисты гасили сигареты, полураздетые дети в домашних тапочках, женщины и мужчины с потухшими от горя глазами. Мы видели армян, которые оказались виноватыми лишь в том, что рождены армянами, и азербайджанцев, которых изгнали лишь за то, что мать, отец, жена или муж другой национальности...

Вот их голоса, записанные на диктофон. Наберитесь мужества, послушайте...

Артем Александрович Данилян, 81 год:

— Я из Баку. Пятьдесят шесть лет своей жизни работал, воевал на фронте. Когда нам стали угрожать, я, дочь и две внучки жили в подвале. Потом пришли воен-

ные и забрали нас. Армян там, наверное, уже не осталось. Может быть, некоторые еще прячутся..

Леонид Алтунян:

— 16 января к нам пришел участковый, майор милиции, вместе с человеком, который назвался представителем Народного фронта. Сказали: «Покидайте квартиру, иначе вас будут убивать». Мы подчинились — все-таки официальные лица. Неделю нас продержали в запечатом помещении. Жену отпустили, поскольку она русская. Меня с отцом и других — там было человек двадцать — избивали несколько раз в день... Только потом под охраной солдат переправили в Москву.

Дмитрий Сергеевич Папику, 48 лет:

— Я видел все с самого начала. Видел, как поджигали машины с инвалидами, громили инвалидные коляски, выбрасывали из окон имущество, хватали людей на улицах... Меня взяли 13 января как заложника, несколько дней держали в комнате, кажется, метров десять квадратных, где нас было около сорока человек. Мучали каждые полчаса, пытали, избивали. Меня били коваными ботинками, заставляли мыть туалеты. Слава Богу, что вырвались...

Рауф Али-оглы Алискеров:

— Я азербайджанец, но мать — армянка. Нас тоже выселили, когда я был на работе. Они забрали все деньги и били мою мать. Об этом она рассказала, когда я ее нашел. Меня тоже стали избивать, приговаривая: «Откажись от матери, иначе ты не тот человек...» Все они были с ножами. Спасибо солдатам, которые охраняли нас на пароме и дали еды...

...Голоса этих людей прозвучали на Курском вокзале Москвы 22 января 1990 года. На магнитофонной пленке — десятки рассказов очевидцев, и подавляющее большинство из них не «чистые» армяне и не «чистые» азербайджанцы, немало и русских. Чем же провинились эти обездоленные люди перед землей, где родились, работали, жили, язык которой знали не хуже родного? Убежден: в средневековом разбое, учиненном головорезами, нельзя обвинить весь азербайджанский народ, преследовать целые народы могла только сталинская клика. Многие азербайджанцы прятали своих соседей-армян

так же, как в июне прошлого года некоторые узбеки — турок-месхетинцев.

Несколько десятилетий эксплуатировали нашу веру и при помощи насилия, страха удерживали «Союз нерушимый республик свободных». Сколько еще песен было сложено о «братской дружбе», сколько бумаги переведено зря! Новая Федерация не создана. Старую — пытаются удержать силой оружия ради сохранения прежних порядков.

Как бы там ни было, колокол пробил, кровь пролилась; месть принесет лишь новые бессмысленные жертвы.

Надо остановиться! Никакая национальная или державная идея не может оправдать гибель сограждан в мирные годы. Никогда еще кровавая вендетта никому не приносила благополучия и покоя.

Ни один народ земли не был счастлив за счет чужого горя.

Предав наших мертвых земле с честью и достоинством, подумаем о живых... Тысячи беженцев хлынули за пределы Азербайджана, в том числе и русские, в основном из семей военных. Все наши газетные и телеразговоры о милосердии останутся пустым звуком, если не позаботятся о людях, которые надолго, если не навсегда утратили кров на родине, потеряли родных.

Межнациональная война в Закавказье, которая продолжается за пределами Баку, еще не вполне осознана как национальное бедствие. Российские города, в том числе и Москва, оказались не готовы принять и обогреть изгнанных армян, азербайджанцев, русских, позаботиться о детях и стариках, беспомощных, больных, без денег и документов. Это не только те, кто пострадал от погромов, от стычек на горных перевалах и штурма бакинских улиц, — все наше общество, которое мы перестраиваем с таким трудом, получило проникающее ранение, и рубцы этой немыслимой войны еще долго будут мучить людей.

Ничто живое не подлежит убийству.

Но только один вопрос не дает покоя, хочется спросить всех вас и самого себя: что же со всеми нами случилось?

АНАТОЛИЙ ГОЛОВКОВ
«Огонек» № 6, 1990 г.

ТИХАЯ ТРАГЕДИЯ

Появление русских беженцев из Баку добавило новую драматическую главу к летописи печальных событий в Закавказье. Новая волна беженцев накатила, когда еще отнюдь не улеглись, не успокоились волны предыдущие — не обрели работы и нового места жительства армянские и азербайджанские страдальцы, выкинутые из родных гнезд безжалостной рукой национал-фанатиков. Забывать о них нельзя, что лишний раз подтверждает публикуемый материал.

В самый канун Нового года в подмосковном доме отдыха я познакомился с четырьмя семьями армянских беженцев из Азербайджана. Их там временно приютили. Я записал на диктофон беседу с одним из них, отцом четырех детей. На всякий случай назову моего собеседника вымышленным именем и фамилией, ну допустим, Ашот Петросов. Ему сорок один год, мастер на все руки — каменщик, облицовщик, штукатур, но может еще работать автомехаником и шофером. С ним жена и двое сыночек — симпатичные карапузы с живыми и умными глазенками — Армен и Миша четырех и пяти лет.

Но прежде чем перенести на бумагу наш с ним разговор, должен сделать najważнейшее предупреждение — убежден, что столь же скорбную историю мог бы рассказать мне и азербайджанский беженец из Армении, и я сел бы за машинку с той же душевной болью. Но случай свел меня с Ашотом Петросовым, поэтому ему слово.

А. П. В феврале 1988 года была резня в Сумганте, потом наступило некоторое затишье, и мы думали, что все обойдется, что у нас в Кировабаде такое невозможно. После сумгаитских событий приезжали к нам в Кировабад азербайджанцы из Армении, предлагали армянам из Азербайджана меняться квартирами, пока не поздно. Они предвидели развитие событий, а мне эти разговоры казались глупыми. К тому же я пятнадцать лет ждал квартиру, своими руками довел ее до ума, игрушечку из нее сделал, и вдруг меняться? Зачем я их тогда не послушал?.. 21 ноября утром прибежал встревоженный сосед, по национальности азербайджанец, но отношения у нас с ним были очень хорошие, и сказал: «Вам надо скрыться, если сумеете. Положение очень

плохое для армян». Я жил на четвертом этаже. Спустился, выглянул из подъезда, вижу, из дома уже выйти невозможно. Дом окружен, и наводчики со списками адресов указывают толпе, где армяне живут. На мое счастье, мимо проезжало пустое такси. Я проработал пятнадцать лет в таксопарке, таксопарк у нас один на весь город, мы все знаем друг друга. Там девяносто процентов азербайджанцев, но мне азербайджанец — водитель такси помог бежать. Вывез нас в армянскую церковь. Военные нас там охраняли. Танки выставили, БТР. В церкви были и избитые, все на полу...

М. В. Вещи вы успели взять?

А. П. Никаких вещей. Только успели взять сонных детей, и все.

М. В. А что орал при этом погромщики? Какие обвинения выдвигали?

А. П. Дикий крик — не разберешь, что они хотели.

М. В. А что за публика — молодая шпана?..

А. П. Нет, были среди них и в годах, даже работники органов милиции.

М. В. В форме?

А. П. В форме.

М. В. Но я все-таки не понимаю — за что? В чем вас обвинили погромщики?

А. П. Все были настроены агрессивно, а вина наша в том, что мы по национальности армяне. Больше никакой вины.

М. В. Что было дальше?

А. П. Потом скрывались в военном городке — закрытой зоне, где жили военные. Там нам предоставили жилье. Двадцать шестого ноября пришел сосед-азербайджанец и сказал: «Вечером, в шесть часов, твою квартиру разбомбили». А потом приехали из Прокуратуры СССР, следственная группа, и я обратился к ним, что вот так и так. Их было четверо, они взяли меня в свою машину, и мы вместе поехали на квартиру. Входная дверь исчезла, ее сорвали с петель и куда-то выкинули, сосед кое-как забил проем досками. Следователи попросили у соседа топорик, доски отбили, мы вошли, у них был фотоаппарат со вспышкой. Пройти по комнатам было невозможно — мебель вся порублена, шифоньеры разломаны и все пустые. Все постельные принадлежности исчезли, ни одной простыни, ничего. Я узнал, что

после погромщиков приходили мародерки-тряпичницы, все хорошее унесли, а что не подошло, покидали через окно во двор и там сожгли. У нас был мешок старых вещей, я думал, найду, починим, залатаем — и мешок исчез. Я незадолго до того мать похоронил. Между прочим, семьдесят азербайджанцев, наших друзей, на поминки пришли. Фотографии были, как выносили, как хоронили. А тут гляжу: обрывки фотографий на полу валяются. Посуда вся побита. Следователи — Сидоров, Андронов и Изгожев из Москвы, все сфотографировали, описали. А потом оценочная комиссия оценила ущерб в восемь тысяч триста сорок три рубля. Я согласился.

М. В. Деньги получили?

А. П. Нет, ни копейки не получил до сих пор. Хотя прошло больше года. А потом события еще хуже обострились. Следственная группа и военные нам говорят: «Куда хотите уезжайте, здесь вам оставаться невозможно». Перед отъездом я с теткой пошел в исполком на счет компенсации за ущерб, а они нас обсмеяли: «Слушай,— говорят,— вам бежать надо, а вы за деньгами ходите». Мы уехали в Ставрополь — жена, четверо детей и я. Эти двое и дочки — восьми и семи лет.

М. В. А где же девочки?

А. П. В Виннице, у тети жены. Сейчас обе в первом классе, год потеряли.

М. В. Итак, вы уехали в Ставрополье.

А. П. Мне сказали, что там можно в совхозе устроиться. Но мне в этом совхозе сказали прямо: «Беженцев из Армении и Азербайджана категорически запрещено брать на работу».

М. В. Почему?

А. П. Не знаю, у них устный приказ был. Они нам сочувствовали, но помочь, однако, ничем не могли. А работа есть, руки нужны. Когда я все надежды в Ставрополье потерял, я приехал в Москву, чтобы отсюда заставили Баку компенсировать ущерб, дали эти восемь тысяч. В Москве ночевали на Киевском вокзале. На следующий день в Армянском постпредстве говорят: «Мы вас поселим в доме отдыха на месяц. Временно, а потом посмотрим, что будет». И постпредство купило моим сыновьям пальто, ботинки, нижнее белье. И дали нам сто рублей. Через двадцать четыре дня нас хотели выселить отсюда. Но здесь отдыхала журналистка Вера

Шагина. Она обратилась ко всем отдыхающим, люди собрали нам деньги, съездили домой, привезли одежду — вот это все, что на мне, они привезли. Потом собрали деньги — получилось по тридцать рублей на семью. Шагина добилась, чтобы нас здесь оставили до Нового года. А теперь слух идет, что скоро нас выселять будут...

М. В. Куда?

А. П. Не знаю. Вернемся опять на вокзальную скамейку. А что делать? Мне посоветовали обратиться в Прокуратуру СССР. Я пошел. Помощник Генерального прокурора Уткин побеседовал со мной и посоветовал написать заявление о выплате компенсации. Заявление ушло в Баку с припиской прокуратуры: «Направляем вам для проверки и принятия мер», и мы получили из Азербайджана ответ, что «списки претендующих на возмещение ущерба посланы в Совет Министров Азербайджана для рассмотрения». После этого мы писали в Совет Министров Азербайджана. Они не ответили до сих пор. Еще это трагическое совпадение с землетрясением... Нас бы, конечно, разместили в Армении, но у них сейчас свои люди на улице остались. Пожалуйста, говорят, поезжай восстанавливать Спитак, Ленинанкан, но жить будешь с семьей в палатке. Зимой в палатке,— как это возможно?.. А работать я готов даже дворником. Если дворником меня возьмут, я пойду. В разнорабочие пойду.

М. В. Какие-нибудь источники дохода у вас есть?

А. П. Никаких.

М. В. Неужели никто из ваших до сих пор не устроился на работу?

А. П. Устроились некоторые холостые, живут, где попало, кто как прилепился. А я и в Метрострой ходил, и на ЗИЛ. В Метрострое я им даже облицовал кусок стены, показывал мастерство. Они сказали: «Да, ты нам подходишь, берем». Но как только узнали, что я беженец и у меня семья, дети,— нет, говорят, не можем. На завод Лихачева я обратился. Мне говорят: «Да, нужны люди». Трудовую книжку, паспорт, военный билет кадровичка посмотрела, говорит: «Все в порядке, пишите заявление», у меня от радости в голове закружилось. А тут замдиректора заходит. «Вы,— говорит,— документы просмотрели?» — «Да». Он паспорт взял, сзади открыл и этой женщине говорит: «Что вы! Вы разве не знаете, что мы семейных не можем принять, тем более с иногородней

пропиской. Нет,— говорит,— вы извините, не можем». Все оборвалось...

М. В. Армянское постпредство помогает вам трудоустроиться?

А. П. Вот, они мне дали такую справку: «Дана настоящая гр-ну Петросову Ашоту Мартиросовичу в том, что он действительно с сентября 1989 года находится в Москве по причине обострения межнациональных отношений в Кировабаде. Справка дана для представления при возможности временного трудоустройства». Да только возможности такой не представляется.

Поговорив с другими беженцами, я пришел к невеселому выводу, что после известного миру погромного акта драмы в тиши разыгрывается второй, тихий акт — беженский. Что делают власти для налаживания нормальной, человеческой жизни этих несчастных, оставшихся без крыши над головой, без работы и без имущества? В поисках ответа на этот вопрос я побывал в Госкомтруде СССР у заместителя начальника Управления миграции и переселения Петра Сергеевича Рудева.

— Мы занимаемся беженцами второй год. Мы — это не только Госкомтруд. Это прежде всего правительственная комиссия, а их уже было несколько во главе с зампредами Совмина. Теперь этими вопросами ведают Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Лев Алексеевич Воронин и заместитель Председателя Совета Министров СССР Виталий Хуссейнович Догужиев. Так вст,— продолжал Петр Сергеевич,— всего выехало из Азербайджана, по некоторым источникам, 250 тыс. армян*. (Из них основная масса переселилась в Армению, но 55 тысяч выехали за пределы обеих этих республик. Около семи тысяч находятся в Москве. Остальные осели во многих регионах Российской Федерации, где им была оказана всяческая помощь. Совет Министров РСФСР поручил исполкомам областных и краевых Советов 19 территорий европейской части — в основном юга и центра России — оказывать им содействие при получении жилья и работы на новом месте. В Ростовской области, где старая армянская община, был

* Данные на конец 1989 г.

выделен целый район для расселения беженцев. Там были случаи, когда в один день ставили дома. И проблем нет, никаких писем с жалобами, ничего. Все, кто хотел устроиться таким образом, осели.

М. В. Итак, беженец может приехать, скажем, в Ставрополь, прийти в крайисполком, и ему помогут с жильем и работой?

П. Р. Да. В Ставропольском крае десятки тысяч людей приобрели жилье, построились. Так, во всяком случае, было до последнего времени.

(Признаюсь, оговорка «до последнего времени» меня несколько насторожила, но не хотелось прерывать монолог знающего человека).

П. Р. Разработан механизм компенсации за потерянное имущество и разрушенное жилье. Тот исполком, который готов разрешить беженцам купить дом на своей территории, должен обратиться в «Межреспубликанскую комиссию по вопросам возмещения причиненного материального ущерба лицам армянской и азербайджанской национальности, вынужденно покинувшим места постоянного проживания» — таково ее полное название. Азербайджанскую часть комиссии возглавляет первый зампред Совмина АзССР Раси-Заде, который ведает этими делами. Соответствующее возмещение должно быть переведено обратившемуся к нему райсовету, совету и т. д. То есть сам беженец наличными на руки компенсацию не получит. Денежная операция возмещения ущерба идет между советскими органами власти — теми, кто принимает, и теми, откуда выбыл.

Теперь об армянских беженцах, находящихся в Москве. Есть основание считать, что они прибыли сюда целенаправленно, желая поселиться только в Москве или в Московской области. Между тем правительственная комиссия приняла решение: учитывая остроту с жильем, в Москве, Московской области и Ленинграде беженцев не размещать. Люди, которые этого не знают, подобно Ашоту Петросову, должны быть четко проинформированы, чтобы понапрасну не тратили в Москве время и деньги. 28 министерств и ведомств предоставляли прибывшим в Москву работу в городской местности европейской части страны, и они от всего отказались. Все армянские беженские семьи в Москве были по несколько раз «пропущены» через комиссии, им пред-

лагали по нескольку вариантов, но только десять семей согласались ехать по направлению. В результате было решено прекратить рассмотрение претензий граждан, отказавшихся от предложенных им вариантов или уклоняющихся от принятия решений. Но это не значит, что оказавшимся в Москве не было оказано никакой помощи. Азербайджан выделил 600 тысяч рублей в качестве трехмесячного пособия для беженцев, прибывших в Москву. Из этой суммы по моей подписи три банка Москвы выплачивали по триста рублей на трудоспособного члена семьи.

(Странно, подумал я, Ашот говорил о ста рублях единовременного пособия...).

— Ну а все же, Петр Сергеевич, куда теперь обращаться прибывающим в Москву беженцам — и армянским, и азербайджанским?

— Во Всероссийский центр по трудоустройству, адрес: Москва, Первый Басманный переулок, дом номер три.

Для полноты картины я отправился за информацией в постпредство Армянской ССР в Москве. Принял меня зампостпреда Р. С. Бурназян. В беседе принимали участие сотрудница постпредства — Стелла, сама беженка из Баку.

По подсчетам постпредства, в Москве находятся десять тысяч армянских беженцев. Они осаждают постпредство в надежде получить какой-то спасительный ответ, ценную информацию. Постпредство делает все, что может, а может оно немногое. Главным образом, утешает и успокаивает.

Вот приходят люди, штурмом пробившиеся в гостиницу и бесплатно там живущие.

— Говорят, нас скоро выкинут на мороз? Это правда?

— Надеюсь, что неправда, — отвечает им Бурназян.

— А сколько еще будут держать?

— Вы хотите, чтобы я дал вам гарантию на десять лет? Нет, такой гарантии я дать не могу.

Я спрашиваю:

— А что вы отвечаете, Ремир Саркисович, на прямой вопрос бездомного и безработного беженца: «Куда мне деваться?»

— Отвечаю: в Армению. Там принимают и расселяют всех. Но в сельской местности. А это горожанину не подходит, он не умеет возделывать землю, его тоже можно понять.

— Ставрополь, Краснодарский край, Ростовская область перестали принимать, — печально информирует Стелла. Так вот что значила оговорка Рудева «до последнего времени принимали»! О причинах догадаться нетрудно — перенасыщение беженцами указанных мест, южане хотят разместиться поближе к родным, закавказским краям...

Увы, еще очень и очень далеко до финальной точки в трагической одиссее беженцев. Не так уж хорошо отлажен механизм расселения и трудоустройства, как это кажется работникам Госкомтруда. Что-то недодуманно, что-то явно преждевременно объявлено завершенным.

А тут еще в январе новые дикие эксцессы и новые волны беженцев. Паромы вывезли из Баку в Краснодарск последних армянских оптимистов.

МАРК ВИЛЕНСКИЙ
(Газета «Союз», № 7).

ВОЙСКА ВВЕДены. ПОГРОМЫ ОСТАНОВЛены. ЧТО ДАЛЬШЕ?

Была ли альтернатива применению военной силы в Баку?

Объявлению чрезвычайного положения в Нагорно-Карабахской автономной области и некоторых других районах Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 января и в Баку Указом от 19 января предшествовали погромы и убийства в Баку, нападения на военные объекты с целью захвата оружия и боевой техники в Армении, перестрелки в НКАО и приграничных селах, бесчинства на советско-иранской границе в районе Нахичевани, возобновившаяся железнодорожная блокада Армении, потоки беженцев... События развивались по нарастающей, когда вошла армия. Общественное мнение восприняло этот шаг противоречиво: доверие к армии

как к третьей силе подорвало Сумгаит, где войска появились через три дня после начала резни. Тбилиси, где военная мощь оказалась обращена против безоружных людей. Фергана, где солдаты только и смогли, что охранять лагеря беженцев и вывозить их за пределы республики.

В Баку, к примеру, Москва стала мишенью для обвинений — на этот раз в имперских замашках, рецидивах сталинщины и даже в подавлении национально-освободительного движения в Азербайджане... Массовые митинги протеста против присутствия войск прошли по всей республике. Часть интеллигенции в Москве в появлении на сцене конфликта армии видит угрозу демократизации. «За» голосуют, кажется, только жители сел, попавших в зону «боевых действий», и беженцы из Азербайджана... Родился страшный лозунг: «Войска надо было вводить раньше, а сейчас необходимо как можно скорее вывести».

Отметим, что центру пришлось выбирать меньшее из многих больших зон. Введение чрезвычайного положения, на первый взгляд, подтверждает тезис Народного фронта Азербайджана: события в республике спровоцированы, чтобы найти оправдание вмешательству для поддержки потерявшего власть республиканского руководства. Но в Азербайджане при всем том сейчас даже не двоевластие, как показал ход событий. Там нет политической силы, которая в состоянии была бы контролировать положение и гарантировать гражданский мир и безопасность всему населению — Народный фронт тоже не является таковой. И в этих условиях рефлексировать на тему — вводить или не вводить войска — в буквальном смысле смерти подобно. Неужели жители Баку «не замечали» погромов?

Почему перестроенное народное движение в Азербайджане (как характеризуют его представители Народного фронта) пошло по пути насильственных захватов власти (Ленкорань), разрушения границ (Нахичевань), многотысячных митингов со скандированием «Уходите!», обращенным к республиканскому руководству, а не по пути демократических выборов в местные и в республиканский Верховный Совет, которые могли быть проведены в считанные месяцы?

Вряд ли хоть один трезвомыслящий человек в стране считает, что вступление армии — абсолютное благо. Но сводки МВД из Баку сообщают: погромы прекращены, организован отъезд беженцев, мирное население защищено. Первая и главная цель достигнута.

Вторая задача — найти решение проблем путем переговоров — посложнее. Через несколько дней после введения чрезвычайного положения в газетах промелькнула информация: при посредничестве начальника политотдела Ереванского гарнизона генерал-майора Михаила Суркова достигнуто перемирие между Народным фронтом Нахичевани и Армянским общенациональным движением. Одна из немногих обнадеживающих новостей.

*Мы связались с генералом
СУРКОВЫМ:*

— Какова была обстановка к моменту введения чрезвычайного положения?

— В Армении чрезвычайное положение введено всего в одном районе — Горисском на границе с Азербайджаном. Хотя кровопролития там не было, люди интенсивно вооружались — готовились к самозащите, как они это объясняли... 18 и 19 числа в армянском поселке Ерасх и азербайджанском Садарак были перестрелки. Есть погибшие с той и другой стороны. После начала переговоров, инициаторами которых стали военные и в которых участвовали представители Народного фронта Нахичевани и Армянского общенационального движения, удалось достичь соглашения. Сегодня вооруженные группировки от границы отведены. Армия заняла рубеж между противоборствующими сторонами.

— Каковы основные пункты соглашения?

— Первое — прекращение огня. Второе — обмен людьми, захваченными в плен. Третье — обеспечение работы железной дороги. Пока выполнено только первое условие.

— Не было ли в соглашении пункта о том, что стороны должны разоружиться?

— Это самый трудный вопрос. Мы пытаемся убедить население сдавать автоматическое и стрелковое оружие и не настаиваем, чтобы сдавалось охотничье оружие,

если на него имеется специальное разрешение. Больших успехов мы пока не достигли, хотя случаи сдачи оружия были.

— Когда армия покинет регион?

— Когда будут гарантии, что ни одному народу ничего не угрожает.

— Что вы думаете — как народный депутат — о вводе войск?

— Он был необходим, чтобы пресечь кровопролитие. Это своевременная мера. Нет, даже, пожалуй, запоздалая. Еще несколько месяцев назад можно было бы обойтись меньшей кровью...

— Нужна ли в регионе депутатская комиссия?

— Она нужна была в первые дни событий. Мне не совсем понятно, почему в момент обострения обстановки я не слишком часто встречал на передовой народных депутатов... А ведь их присутствие могло повлиять на ход событий. Сегодня депутаты понадобятся уже, наверное, лишь затем, чтобы усадить все стороны, участвующие в конфликте, за стол переговоров.

— Идет ли в Армении подготовка к выборам — или о них все забыли?

— Дата выборов в Армении пока не определена...

А какова же роль Верховного Совета СССР в этой ситуации? Она могла и должна была быть весьма существенной. Процессы должны были привлечь внимание прежде всего или хотя бы комитета Верховного Совета по вопросам законодательства, законности и правопорядка, комиссии Совета Национальностей по национально-политике и международным отношениям. Но... Верховный Совет на каникулах. И происходящее в двух Закавказских республиках не приблизило дату начала очередной сессии ни на один день. Кто же должен создать в республике конституционные условия для нормального развития событий — свободного волеизъявления, защиты прав личности и разрешения конфликтов? Вот и выходит, что другого гаранта, кроме армии, сегодня нет. Восстановив порядок, она займется организацией «круглого стола» политических сил...

МАРИНА ШАКИНА

УРОКИ НА СЕГОДНЯ

Сообщения из Баку и приграничных районов Азербайджана и Армении звучат сегодня менее драматично. Это если мерить трагедно цифрами убитых, раненых, пропавших без вести. Однако для многих тысяч людей, вынужденных покинуть свои дома, в мгновение ока расстаться с привычной жизнью, работой, впереди не одна драма — социальная, психологическая, нравственная.

Отсюда и выстраиваются первые уроки трагедии не только для этих людей, но и для страны в целом.

Вот каковы, на мой взгляд, некоторые из них уже сегодня.

Урок первый. Незащищенность личности. Государство, прежде всего республика, не смогло защитить своих граждан. Погром — это преступление против личности, человечности. И в этом смысле и ввод войск в Баку, и чрезвычайное положение опоздали на несколько дней.

Пренебрежение правами человека не раз в нашей истории приводило к трагическим последствиям. Тем не менее и общество, и власти до сих пор обнаруживают удивительную терпимость к националистическому экстремизму. Отсутствие должного расследования и публичного наказания виновных за Сумгаит способствовало шабашу в Фергане и погромам в Баку. Безразличие властей к деятельности «Памяти» и примыкающих к ней групп вроде «Союза за национально-пропорциональное представительство», открыто нарушающих Статью 36 Конституции СССР, — дело дошло до рукоприкладства со стороны боевиков упомянутого «союза» в Доме литераторов 18 января — может привести к еврейским погромам в Москве.

Наша страна с разноликими, стремящимися к самостоятельности республиками во многих отношениях напоминает огромный, сообщающийся сосуд. Прибывающие из Азербайджана в Москву беженцы — армяне, русские, — если вовремя не решить их проблем, легко превратятся в материал, вспыхивающий от малейшей националистической искры. Собственно, это и произошло в Баку с беженцами из Армении.

Мне показалось вполне логичным предложение, сделанное на днях на заседании Московской трибуны, со-

бирающей лучших представителей интеллигенции города: возмещение расходов по устройству беженцев за счет республики, допустившей погромы. Думаю, однако, это было бы реально лишь при наличии соответствующего закона, закона о статусе беженцев, который, на мой взгляд, пора принять в рамках Союза. Что касается Московской трибуны, то ее участники, обсуждавшие резолюцию «Об обострении межнациональных отношений и эскалации насилия в стране», решили создать комитет по борьбе с антисемитскими и другими националистическими проявлениями.

Урок второй. Эскалация насилия. Трагические события в Закавказье и в этом отношении чреватые опасностью для страны с ее экономической нестабильностью. Насилие порождает насилие, рост агрессивности в обществе. С одной стороны, количество оружия в руках граждан увеличивается, чем пользуются преступные элементы. С другой — на политической арене действуют силы, не только тайно саботирующие предлагаемые правительством меры оздоровления экономики, но поощряющие насилие в целях дальнейшей дестабилизации общества. Кое-кто из людей вчерашнего дня, мечтающих о дне завтрашнем, не прочь распространить меры против преступников и на борьбу с инакомыслящими. Таким образом, эскалация насилия таит в себе прямую угрозу еще не окрепшим демократическим институтам.

Урок третий. Многомерность конфликта. Он развивался по четырем линиям, постепенно все туже сплетавшимся в один клубок: конфликт между республиками; по линии республика — центр; между неформальными движениями и местными властями; между стихией толпы и правоохранительными органами. Отделить одно от другого невозможно. Поэтому я не могу согласиться с теми, кто называет события в Азербайджане демократическим движением против диктата Москвы и соответственно в действиях Москвы усматривает лишь попытку расправиться с Народным фронтом Азербайджана (НФА). На мой взгляд, это упрощение. Не надо забывать, что между соседними республиками фактически идут боевые действия. Думаю, что нам, «демократам из центра», не терпится разглядеть и наделить НФА демократическими началами в нашем собственном понимании.

Парадокс в том, что НФА, взявший на себя власть в ряде районов Азербайджана и фактически — в Баку, не остановил погромы. Умеренные деятели фронта, выступающие за развитие демократического процесса, строительство современного правового государства в составе обновленной федерации, судя по всему, не контролировали положение, и до ввода войск их буквально поглотила разбушевавшаяся стихия толпы. В то же время надо признать, что сам ввод войск укрепил в руководстве НФА национал-экстремистов.

Отвечая на вопрос коллеги из «Московских новостей», председатель НФА Абульфаз Алиев сказал: «Если бы не Карабах, мы бы быстро двинулись к демократии прибалтийского типа». Но как можно двигаться к демократии через погромы? Признать право на самоопределение республики и отказываться в этом праве входящей в нее автономии?

Урок четвертый. Специфика власти в республике. Сложившиеся феодально-партийные структуры, кланы активно участвуют в борьбе за власть, открыто или подпольно влияя на определенные группы в НФА. Борьба с должностными преступлениями сводилась здесь в последние годы к охоте за взяточниками. Влияние упомянутых кланов подорвано не было.

Другой аспект. Власти оказались неспособными к реальному диалогу с разумными силами в НФА, стараясь сохранить атрибутику власти с помощью уступок национализму.

Урок пятый. Отсутствие закона о чрезвычайном положении и связанная с этим недостаточная конкретизация целей и сроков пребывания союзных войск в Баку. Мне здесь подумалось, что при сохранении федеративного устройства нашего государства союзные войска в чрезвычайных ситуациях можно было бы формировать пропорционально из представителей всех республик. По своим задачам и функциям они могли бы походить на силы ООН по поддержанию мира.

Конечно, вывод войск, как и ввод, не устранит источников напряженности, причин конфликта. Решения возможны только на политическом уровне при соответствующем намерении обеих республик. Необходимы надежные гарантии людям неазербайджанской национальности. Кто их даст? Центр? Республика? Народный фронт?

Прибалтийские парламентарии разработали план встречи за круглым столом представителей Народного фронта Азербайджана и Армянского общенационального движения. Может быть, у неформалов диалог получится лучше, чем у Верховных Советов республик?

Ситуация вокруг Нагорного Карабаха тем временем остается тупиковой.

Урок шестой. Верховный Совет СССР и Совет Национальностей оказались в стороне от принятия решений по чрезвычайному положению. Группа депутатов из межрегиональной группы обратилась к руководству Верховного Совета с требованием немедленно созвать сессию. Однако наряду с активностью части наших избранников наблюдается явная пассивность другой и большей их части, живущей, похоже, исключительно интересами своего избирательного округа.

На Московской трибуне прозвучало предложение в новом законе о федерации предусмотреть пункт о праве Союза исключить республику из своего состава за нарушение определенных норм поведения. Думаю, события в Закавказье выдвинули на первый план необходимость принятия самого нового закона о федерации.

ГАЛИНА СИДОРОВА

«Новое время», № 8, 1990 г.

ЛЮДИ С СОДРАННОЙ КОЖЕЙ

В городе Иерусалиме есть Стена Плача. Если судьба занесет вас в Иерусалим хоть на один день, вас непременно подведут к месту в этой стене, где камни ничем не отличаются от остальных, и скажут: «Вот здесь!» «Что здесь?» — спросите вы. «Здесь он стал на колени». Он стоял и плакал и просил прощения у еврейского народа за грех своего народа». И только когда вы спросите: «Да кто он? Кто просил прощения?» — незнакомец сообразит, откуда вы приехали: «О, совет, рашиа!»

Да, мы единственная страна, граждане которой не знают, что возникшее на развалинах третьего рейха немецкое государство взяло на себя ответственность за геноцид еврейского и других народов, осуществленный

нацистами. Что это государство, само разрушенное и нищее, начало выплачивать и выплачивает по сей день ежемесячную компенсацию всем выжившим узникам концлагерей — кто б они ни были и где б они ни жили.

Только советские узники отказались от этой компенсации — сделать это им было тем проще, что они о ней и не подозревали.

Марина Влади рассказывает, что когда Владимир Высоцкий впервые увидел супермаркет в ФРГ, с ним случилась истерика, кончившаяся судорогами и рвотой. Он повторял в каком-то пароксизме отчаяния: «Кто выиграл вторую мировую войну? Кто?» Один народный депутат, хорошо известный по своим частым и всегда экзотичным выступлениям, во время обсуждения на сессии Верховного Совета вопроса о советско-немецком пакте, по существу, повторил Высоцкого. Этот бедно одетый, измученный человек растерянно спрашивал у элегантных, уверенных в себе прибалтийских депутатов: «Какой же я оккупант, если я живу хуже вас? Разве так бывает?» Зал хохотал, а мне хотелось взять этого человека за руку (уж точно не один мужик в его роду сложил голову в войне с фашизмом) и сказать: «Да, бывает».

Вот такие мы, «оккупанты». Это и есть наша суть и наша судьба. Попытку повернуть эту судьбу в нормальное направление мы и назвали словом «перестройка».

Наша перестройка окрашивается кровью. Кровью турок-месхетинцев, армян, русских, азербайджанцев. Ребята из «Памяти», вдохновленные безнаказанностью погромщиков юга, кричат, что не сегодня завтра прольют еврейскую кровь. Тысячи молодых семей, как правило, смешанных, русско-еврейских, покидают страну. Уезжают одаренные, умелые, волевые, уверенные, что выживут в жестокой конкуренции капиталистического мира. Близкий, дорогой моей семье мальчик, прощаясь, сказал: «Может, и не повезет мне там. Но лучше умереть от голода, чем от пули погромщика».

От пули? Если б от пули или осколка. Да ведь хуже... Это живому смерть страшна в любом обличье. Но умирающему под изощренными, медленными пытками смерть кажется неслышанным блаженством. «Они резали по кускам, — рассказывает мне женщина-азербайджанка о своем муже-армянине, — он кричал: «Убейте»,

и я связанная, кричала: «Убейте, убейте скорее!» Присила убить мужа. Говорит она с гримасой, заменяющей плач. Никто из московских поклонников «бакинской революции», распространяющих фотографии несчастных, убитых при вводе войск в Баку, не набрался мужества взглянуть в глаза этой женщине. Никто из них не пошел в больницы, где умирают старики с отбитыми почками, женщины, изнасилованные до разрыва внутренностей. А ведь больницы ближе, чем Баку, куда поехали они после всех ужасов в воскресающий присмиривший город, чтобы потом на митингах громко назвать себя «очевидцами событий».

Отчего эти люди, в обычной жизни добрые и щедрые, сейчас одели себя броней непробиваемой, монолитной жестокости к жертвам? Отчего мы, победители величайшей в истории войны, живем хуже всех в цивилизованном мире? Это не два вопроса. Это один вопрос, и часть ответа на него надо искать у Стены Плача, там, где — согласно легенде — преклонил колени первый канцлер ФРГ Конрад Аденауэр. В те мгновения, когда он преклонил колени, его родина встала с колен. Нищая и опозоренная, перед всеми виноватая и всеми проклинаемая, она встала, да так встала, что в конце концов восточные немцы (не признавшие, между прочим, вины за геноцид) прорвали собственными телами другую, то есть свою — Берлинскую! — стену, чтобы хоть на мгновение глотнуть воздуха свободы. Когда Берлинская стена — этот материализованный символ разделения двух миров — рухнула, это была детонация того взрыва, который свершился в душах людей, пославших Аденауэра к Стене Плача.

В Иерусалиме прекрасный гид, друг моих друзей, водил меня по старому городу. Меня потрясло обилие христианских храмов: протестантских, католических, русских, греческих, армянских. Разноязыкий говор стоял над священной землей, но в нем явно превалировала немецкая речь. Между прочим, сын моего спутника учился в ФРГ, дочь другого знакомого вышла замуж в эту страну. Обычное дело. Вместе с немецкими туристами мы постояли у «детской стены» в одном из храмов. Стыдно плакать при людях, тем более, что считается, это мы в России сентиментальны, а западные люди

сдержаны. Но немки ревели не хуже меня. И тут меня пронзило странное воспоминание.

Лет десять назад, еще в брежневское злое замышление, я была на научной конференции в одной из южных столиц. За трезвость еще не боролись, и утренние доклады вечером щедро заливались вином. Моим соседом по застолью был молодой, красивый и хорошо образованный историк из Азербайджана. Между нами возникла та стремительно вспыхивающая и столь же стремительно уходящая дружба, какая бывает во время разного рода научных сборов. Когда за столом начались тосты за братские народы и дело дошло до Армении, наряду с дежурными эпитетами «солнечная» и «многострадальная», был помянут тамадой мало кому известный в СССР, но вошедший в хрестоматию всего мира исторический факт: геноцид армян в Османской империи — истребление полутора миллионов мирных жителей — от грудных детей до парализованных стариков — в 1915 году.

В этот момент я услышала хрип и одновременно почувствовала, что мое платье намокло. Мой сосед вскочил, опрокинув бокал, и забился в истерике, повторяя: «Этого не было, этого не было. Ложь. Ложь». Мы дали ему воды, это помогло, но ненадолго. Я хотела было напомнить ему о документах геноцида, но вспомнила, что ведь он историк и сам все знает. Но он никогда не примет этого знания, поскольку живет в ложном абсурдном убеждении, что никакого отношения не имеющий к тем событиям в Османской империи Советский Азербайджан, а значит, и он лично, виновны во всех грехах против армянского народа, что так думает весь мир и сами армяне, которые раньше или позже за это отомстят.

И у меня сердце захолонуло при мысли, что же будет, если тоталитарный режим рухнет, а вместе с ним распадется на куски «новая историческая общность», и каждый «кусок» вспомнит то, что было запрещено ему вспоминать полстолетия. Эта мысль исчезла мгновенно. Ведь тогда, в середине 70-х, кто мог поверить, что предсказание Оруэлла по-своему точно: 1984-й будет рубежным годом?!

Андрей Битов, один из самых интеллигентных русских писателей, приехав в начале 70-х в Армению, с изумлением узнал, что гитлеровский геноцид — не пер-

вый, а второй в новейшей истории, что в 1915 году была его генеральная репетиция. «Достать книгу об армянском геноциде, — пишет А. Битов, — оказалось так же трудно, как Библию». Наконец он нашел ее в Ленинке, раскрыл в четырех местах — «...и я больше не могу. Я кажусь себе убийцей, лишь переписывая эти слова, и почти озираюсь, чтобы никто не видел. Тут сидят сто человек. И никто не знает, чем я занят. Все тихо пишут свои кандидатские диссертации... Если мы думаем, что чего-то нет, что чего-то не может быть, что что-то невозможно, — то это есть».

Тогда, в 1915 году, организатор геноцида, лидер младотурецкой партии Энвер-паша сказал посланцу гуманистической Европы немецкому пастору: «Господин Лепсиус, мы будем придерживаться политики, отвечающей нашим интересам. Воспрепятствовать нам может только держава, которая выше всех интересов и не замешана ни в каких мерзостях. Если вы найдете такую державу в дипломатическом справочнике, то позволяю вам снова явиться ко мне в министерство».

Вот первый ключ к любому геноциду: «Мы плохие, но и все плохие». И точка. Но многие ли из наших современников содрогаются, читая про Энвер-пашу? Почти никто не знает, что партия младотурков, осуществляющая геноцид 1915 года, не только не была религиозно-фанатичной, а совсем наоборот — это была революционно-атеистическая партия, которая проводила репрессии и над подлинной исламской элитой. А элита эта, цвет мусульманского духовенства, образовала тайный штаб сопротивления геноциду, связалась с христианскими миссионерами, организовала спасение людей от погромов и переправку в Европу. Многие ныне живущие в разных странах армяне не подозревают, что их предки были спрятаны и вывезены из охваченных резней районов благодаря исламским мудрецам — поэтам и исследователям Корана. И это незнание побуждает столь несправедливо называть сегодняшних погромщиков «религиозными фанатиками». Культура Корана упала в СССР, толпа ожесточенных людей в Гяндже, Ташкенте и Душанбе свистом и грязной руганью прогоняет своих муфтиев, но охотно слушает безграмотных проповедников, имеющих такое же отношение к исламу, как колотящий по жестянке дикарь — к классической музыке.

Революционный атеизм младотурков покорила сердца вождей пролетариата. Романтика, как всегда, мешалась с трезвым геополитическим расчетом. В результате «дарилась» куски территорий (так случилось и с Карабахом, в чем его нынешние азербайджанские жители не виновны, и их приверженность земле понять можно: что-то никто не спешит отдать назад полученное по несправедливым договорам). Но самое страшное: был наложен запрет на упоминание об исторических фактах геноцида армян. Ни памятника его жертвам, ни одной о нем публикации, ни мемуаров. Разве что стихи — только в зашифровке.

Армяне были оскорблены, но вместе с тем произошла духовная мобилизация и консолидация нации. Ребенок вырастал в тайных преданиях, в заветах, в рассказах бабушек и дедушек, в самиздате и тамиздате. Это все способствовало формированию «оппозиционного сознания». Армения дала непомерно большое для маленькой нации число диссидентов. И там же на почве протеста против АЭС и ядовитых производств возникло первое массовое перестроечное движение — прообраз Народного фронта. Запрет на память о геноциде имел и обратную сторону — консервацию в народе обиды и неутоленной боли.

Но гораздо страшнее обернулся расстрел исторической памяти для азербайджанского народа. Как могли понять люди тот факт, что ни в одной книге не написано о том, что было на памяти их отцов и матерей? Они поняли это по пословице: «В доме повешенного (или повесившего) не говорят о веревке». Молчанием азербайджанцев побуждали думать, что их предки в чем-то виноваты, но говорить об этом нехорошо: обидно для нации. Так ведь рассуждает и И. Р. Шафаревич: признать, что десятилетиями одни россияне казнили, ссылали и грабили других россиян — значит оскорбить Россию. Но кто же казнил? Евреи? Но их полпроцента, на один большой город палачей не хватит, куда уж на одну шестую земли! И была придумана не отмеченная ни на одной географической карте нация — масоны. Вот эти-то никогда не существовавшие масоны были и есть всему виной.

Как утверждает Фазиль Искандер, на его родине, в Абхазии, где про масонов никто и слыхом не слыхал,

люди придумали другую фантастическую нацию — эндурцев. Пока дела шли хорошо, их не вспоминали, но стойло прийти беде, как началось: умеют эндурцы устроиться. Нам беда — им радость.

Азербайджанский народ не смог придумать ни эндурцев, ни масонов. Защититься от необъявленного трибунала (а замалчивание истории есть самый страшный трибунал) ему было нечем. Если бы целое поколение азербайджанской интеллигенции не было поголовно истреблено в репрессиях 30-х годов, если бы мафия не затаптывала способных и честных и не одаривала ловких и бесчестных, не произошло бы того, что после Сумгаита одни члены творческих союзов славляли погромщиков, другие осуждали погром, кратко, одной беглой фразой, а потом представляли жертвам геноцида встречный иск, целый лист аргументов, начинавшийся с рокового в таких ситуациях слова «НО...»

Эти аргументы я слышала от лучших представителей НФА, вышедших из него в знак протеста против погромов. Но ведь все эти оправдания мог бы представить городу Иерусалиму и всему человечеству и тот человек у Стены Плача. «Да, — мог бы сказать он, — преступления были, но;

1) Лично мне не за что просить прощения, я был антифашистом и, когда совершались все эти преступления, сам сидел в гитлеровском концлагере.

2) Что касается моего народа, то почему вы говорите о сожженных белорусских и украинских селах, о разоренной Смоленщине, о Бабьем Яре и не говорите о миллионах погибших немцев, о мирных жителях, которых грабили и убивали победители, о варварских бомбежках наших городов?

3) И почему все говорят о миллионах угнанных в Германию и не говорят о десятках тысяч немцев вовсе не эсэсовцев и не нацистов, которых поляки изгнали в 1945-м из родных для них мест?

4) И что значит фраза «шесть миллионов невинных погибли в газовых камерах»? Разве среди этих миллионов не было воров, убийц, проституток, шулеров и прочей дряни?

5) А вы знаете, что в городе X некий директор завода V — еврей уволил пятерых рабочих, и все пятеро были немцы?»

Мог бы сказать так Аденауэр и был бы субъективно прав.

1) Да, он лично боролся с фашизмом и страдал от него.

2) Да, гибли немцы не только на поле боя. Да, мародерство и насилие в армии, вступившей в Германию, было пресечено только жестким приказом Рокоссовского: расстреливать виновных! Да, бомбежки англичанами Дрездена — варварская акция.

3) Да, немцев, прежде живших в Западной Польше, в 1945 году выселили.

4) Да, в такой выборке, как шесть миллионов, не может не быть разных людей. И шестьдесят — то одинаково хороших вслепую не наберешь.

И ведь все эти аргументы изложены сегодня в неонацистской литературе. В библиотеке, где я обычно работаю, есть даже книга, в которой Освенцим описывается как санаторий для евреев. Есть у меня и книга на английском, в которой утверждается, что геноцид 1915 года историческая мистификация: несколько армян подрались, а свалили на турок. (Советую любителям конъюнктуры перевести эту книгу на русский, заменив «армян» на «аппаратчиков». Это будет, как говорится, и дешево, и сердито).

Но ни Конрад Аденауэру, ни его соотечественникам не пришло в голову в те времена предъявлять встречный иск по Нюрнбергскому процессу кому бы то ни было. Кровь своих отцов и матерей, кровь детей, которых фашисты ставили на берлинские баррикады, они записали на счет третьего рейха. И поклялись построить государство, которое заставит мир уважать и ценить немецкий народ.

Скажу больше. Японцы, над которыми было совершено в конце второй мировой войны одно из самых страшных в истории человечества преступлений — уничтожение Хиросимы и Нагасаки атомным взрывом и заражение радиоактивным ядом нескольких поколений, — великой скорбью до сего дня отмечают эту дату, создали на ее основе мощное антиядерное движение, но, повинувшись глубоко нравственному и разумному инстинкту, не сделали из Америки образа врага, не сосредоточили всю энергию нации на обличении американского империализма. Они умудрились соединить протест против

Хиросимы с прятием жестокой правды о безумии японского милитаризма, сумели отказаться от позорного прошлого, взять в учителя тех же американцев и, не теряя ни капли национальной самобытности (дай нам Бог так сохранить свою русскость, как они сохранили свое японство), обогнать своих учителей в мирном состязании цивилизаций.

Тоталитарное государство не дало такой возможности ни одному народу, его населяющему.

Страшен был первый посттоталитарный геноцид — сумгаитский.

Но страшное продолжалось потом. Радио объявило, что произошел «межнациональный конфликт», но благодаря мудрому руководству он улажен. Телевидение показало роскошную армяно-азербайджанскую свадьбу. Честные, талантливые репортажи с мест событий были отвергнуты цензурой. Видеофильмы запрещены для публичного показа. Прорвавшиеся в передачу «Позиция» крупинцы правды были названы «семенами вражды». Русский солдат в этой передаче растерянно говорит: «Но они даже не сопротивлялись. И не мстили». В видеофильме другой русский солдат говорит: «Армяне — какой-то странный народ. Если б убили моего отца, изнасиловали мою сестру, я бы не знаю, что сделал!»

Пройдет несколько месяцев — армяне ответят: будут выгонять с работы, из домов, наконец, возьмут в руки оружие. И в горах Карабаха, в армяно-азербайджанском приграничье, возникнет уже не геноцид, а действительно межнациональный конфликт. Такие межнациональные конфликты сопровождают всю человеческую историю. Сейчас они идут в Стране Басков, в Ливане, на Кипре, в Косово, в Ольстере... Любой честный ученый знает, причина национальных конфликтов — в диспропорции между количеством претендующих на государственность этносов и количеством удобных и желанных территорий. Почему-то эти конфликты идут неравномерно, волнами: то тихо в мире, то — как по команде — Косово, Кипр, Карабах. Чижевский считал: все от расположения звезд. Во всяком случае, не от товарного голода. Проездом в Израиль, я видел Кипр: нет слов в советском языке, чтобы рассказать об избытке этих мест, где войска ООН стоят между двумя враждующими группами.

Сейчас мир живет в фазе подъема этноволны: специалисты это знают. Одно из ее проявлений — межнациональные конфликты. Они бывают во всех государствах, кроме тоталитарных: там само государство проводит такой обширный и тотальный геноцид, что для частных попыток просто места ни остается. (Витни, называющие сегодняшнее наше государство тоталитарным, должны бы это помнить). В период перехода от тоталитаризма к демократии межнациональные конфликты неизбежны.

Но национальный конфликт и геноцид — совершенно разные вещи. Геноцид можно остановить. Но при одном условии: не называть его межнациональным конфликтом, не смешивать его с национальным конфликтом. Назвать геноцид межнациональным конфликтом так же преступно, как налить в стакан вместо воды соляной кислоты и дать человеку выпить. Но в цивилизованном мире, расследуя такого рода преступления, прежде всего ставят вопрос: ошибка это или умысел? На этот вопрос ответу позже. Пока же напомним: старушка в Сумгаите, которая готовила внукам обед, когда в комнату ворвалась пьяная орава, не имела никаких территориальных притязаний к Азербайджану. Сами пьяные подростки тоже не имели никаких притязаний ни к Армении, ни к старушке, которую они видели впервые в жизни, как и она их. Назвать то, что произошло в то утро между ними, межнациональным конфликтом можно только при условии, что и с давних пор памятное убийство маньяком с армянской фамилией московского ребенка, доверчиво открывавшего дверь «дяде из Москва», мы тоже должны назвать «русско-армянским конфликтом». А газовую камеру тогда надо называть «территорией еврейско-немецкого конфликта»?

Все эти примеры я приводила два года назад московским журналистам — хорошим, честным людям. И они отвечали в отчаянии. «Но у нас же нет частной типографии! А в газетах — цензура, говорят: не надо разжигать страсти, так скорее залечатся раны». Ну да, разумеется, если не разбинтовать рану, не промыть, не залить йодом, если ткань будет преть и гнить, то уж, конечно, рана заживет. Недавно известный тележурналист показывал американских детей, которых несколько лет назад всеми силами медицины лечили от рака и

при этом внушали: в тебе сидит рак, твой враг, борись с ним каждый день, каждую минуту. Сегодня все они, кроме одной девушки, живы, здоровы и счастливы. Потом Познер спросил советских врачей: а что вы об этом думаете? И одна начальственная докторша отвечала: «Мы тщательно скрываем от ребенка, чем он болен». «И долго же скрываете?» — «До конца».

Вот и мы скрывали до конца. А конца не было видно. Неожиданно явились в Москву обезумевшие от ужаса и горя люди — турки-месхетинцы, народ уникальный, переживающий второй в жизни геноцид на памяти одного поколения. (В конце 40-х годов Сталин выслал их из родной Грузии). На вопрос «кто вас резал?» беженцы отвечали: «Они». Не могли выговорить: «узбеки» — так жива в благодарном сердце народа память о щедром узбекском братстве полвека назад. Но как «они» решались на погромы — соседи-благодетели, единоверцы? «А это после Сумгаита! Раз те погромы не объявили геноцидом, то и этот не объявят».

И вот уже качает права подвыпивший «памятник»: «Мы что, у Бога тельенка съели? «Азеру» можно армяшку в огонь бросить, а русскому человеку нельзя жиду и морду набить? Где ж равенство?» Дожили: требуем равенства в геноциде.

Межнациональные споры иногда тянутся веками. Нет у человечества еще противоядия. С геноцидом яснее. После Освенцима, после поголовного истребления племени, ибо запрет на геноцид стал властной международной нормой. Никаких «с одной стороны, с другой стороны». Погромщик — вне закона, жертве — независимо от того, сопротивляется она или нет, — статус пострадавшего и помощь.

Почему же, удивлялся тот солдат, несколько месяцев не отвечали злом на зло армяне? Это заслуга церкви, интеллигенции, заслуга демократического движения Карабаха и Армении. Сразу после Сумгаита было сказано с экрана, повторено на митингах в Ереване: «Народ не виноват. Ни один волос не должен упасть с головы азербайджанца. Мы требуем: наказать виновных — погромщиков, и помогавшую им милицию, и прокуроров-обманщиков. Только их. Но прежде всего объяснить стране: никаких войн, стычек, драк между нашими народами нет. В одном месте был геноцид. Произнесите

эти семь букв. Ведь оба народа помнят 1915-й и 1918-й: один открытой памятью, другой — скрытой. Скажите слова и залейте опасную жажду памяти».

Мы в Москве — в «Мемориале», в «Московской трибуне», в «Демократической перестройке» — писали воззвания, собирали подписи, посылали наверх: скажите! Из Еревана шли отчаянные телеграммы: еще контролируем ситуацию, но из последних сил. В одном городке, рассказывали очевидцы, весь митинг молча встал на колени перед вышедшим на балкон московским начальником в мольбе: ге-но-цид! Но у начальника не было такого указания. И что им, может быть, думал он, эти семь букв? В их нищий горный край, где дети годами не видят сливочного масла, прислали вагоны деликатесов. Не разгружают! Слова требуют. Слова! Что делать? Они возвращены в культуру, в коде которой записано. «Вначале было Слово».

Раньше или позже все тайное становится явным. Недавно перед закрытым заседанием сессии по ситуации в Закавказье показали видеофильм — нет, не о погромах (их даже сфотографировать было невозможно), показали фильм о выживших после погрома, прибывших на пароме в Красноводск. Потом выступили очевидцы. И рухнул миф о каком-то «межнациональном конфликте», завершившемся комсомольской свадьбой по телевизору. Депутаты перестали твердить: «Там какие-то передрались, надо им поровну всем постановление вынести». Наконец ощутили себя частью человечества, уже давно, освободившегося от людоедства. В тот день был сделан первый шаг по освобождению от великого зла двух несчастных народов.

Освобождение произойдет не сразу. Как скоро? А тут и гадать нечего: проверено — с каждым показом в ФРГ фильмов о преступлениях фашизма росло национальное достоинство. И добросжелательность к другим народам росла вместе с ним.

Есть формула, выстраданная веками истории человечества: скорость спада волны национальной или расовой ненависти прямо пропорциональна интенсивности информации о самых страшных результатах этой ненависти. Вот страшная запись в дневниках Короленко:

«Эти дни прошли в сплошном грабеже. Казаки всюду действовали так, как будто город отдан им на раз-

грабление «на три дня»... Мальчишки указывают грабителям жилища евреев и сами тащат что попало. В покупке награбленного участвуют «порядочно одетые люди»...

На улице лежит труп учителя гимназии Ямпольского — еврея.

«Многие искренне возмущены. Среди других — смущение... Эта искупительная жертва меняет настроение большинства».

Слово правды о геноциде и для тех, кого бьют, и для тех, кто бьет, равноценно воде во время пожара. Воды не может быть слишком много, ее может быть только слишком мало. Потому в Америке 60-х годов этого века тысячу раз показали и рассказали, спели знаменитый сюжет в кафе кампуса одного из южных штатов: черного парня не обслужил официант; он выскочил, пошел по дороге; все белые студенты пошли за ним; нашел по дороге; все белые девушки, те — своих братьев, сестер, знакомых. Потом это было названо — «личностная политика»: ты идешь со мной, я иду с тобой, у нас нет идеологии, просто мы идем. Так смывала Америка черное пятно со своей демократии. А «черная месь», «черные пантеры», безумно вспыхнувший терроризм «революционной армии», подорвавшейся на собственных бомбах, — зловещие спутники 60-х годов — ничего не смывали. Они только тормозили, искажали движение к освобождению. И те «новые левые», что путали терроризм с освобождением, совершали ту же роковую ошибку, что и поклонники «революции в Душанбе», утверждающие без всякого юмора: «Что громят — плохо, а что прогневившие структуры — хорошо».

Воды не может быть слишком много при пожаре. Поэтому многосерийный фильм о холокосте, который я еле выдержала один раз (он идет несколько часов), в ФРГ показывали несколько раз. Нужно очень любить свою страну, чтобы так показывать совершенные ею преступления.

Свою страну любят депутаты и ученые Таджикистана, пославшие телеграмму президенту Академии наук Армении с извинением за вспышку насилия в Душанбе.

Свою страну любят русские, добывающиеся расследования о расстреле польских офицеров в Катыни.

Смутное, неосмысленное чувство вины разлагает душу и человека, и народа. Жажда истины распрямляет душу, вытесняет глухую вину, заменяя ее разумным покаением, неотделимым от веры в свои силы.

Не по своей воле молчала пресса о геноциде — ей так велели. А велели не от жестокости, не от презрения к тому или иному народу, а от повального, сверху донизу, убеждения, что если грипп назвать «ОРЗ», так гриппа и не будет. Это предрассудок нашего общества, разделяемый и властями: они ведь тоже нашего роду-племени. Увидеть предрассудок трудно: легче обвинить начальство в тайных связях с мафией, в армянском или, наоборот, азербайджанском родстве, приписывать ему сознательное провоцирование погромов и даже устройство искусственного землетрясения.

Прежде чем написать эту статью, я несколько лет сопоставляла четыре ряда данных: свидетельства участников и очевидцев в Армении, свидетельства и документы Азербайджана, официальные документы, неформальную и зарубежную прессу. Я проверяла эти данные всеми доступными мне материалами науки о социальной психологии национального насилия и геноцида. Я слушала беженцев и бывших членов Народного фронта Азербайджана; слушала доклады Сергея Лезова и Игоря Крупника; Галины Старовойтовой и Гасана Гусейнова. Я прислушивалась к тому, что думали об этих событиях и говорили А. Сахаров, М. Гефтер, Л. Баткин, В. Библер. Перечитывала свои конспекты работ А. Камю и Т. Адорно, Ханны Арентс и Н. Бердяева. Слушала рассказы лидеров «Карабаха», «Крунка», Народного фронта Азербайджана, пресс-конференцию Вольского, рассказы «огоньковцев» и «известинцев» — те, что им так и не удалось напечатать. И я увидела, что на бушующую стихию этнической вспышки наложилась не только борьба политических, экономических, групповых интересов, но и предрассудки, и стереотипы, и страхи, страхи. Страх показаться левым, страх показаться правым, страх прослыть русским шовинистом, человеком с имперским сознанием.

А во мне жил другой страх, и стало легче на душе, когда услышала, как незнакомый человек, писатель Кабаков (автор новой антиутопии), сказал интервьюеру

«Взгляда»: «У меня сейчас один страх: вдруг накажут невинного». Можно ли было не допустить насилия в Баку? Можно. Только одним способом — арестовать тех, кто собирал оружие и организовывал банды. Но в условиях тотального недоверия к власти и поголовного наркотического опьянения формулой «Народный Фронт» это требовало отчаянной смелости. А ее не оказалось. Ни у власти — решиться, ни у общественности — поддержать. Нам всем не хватило мужества встать на сторону горстки бедных, слабых людей (богатые и сильные давно уехали) против уверенных, горластых, размахивающих знаменами. Нам не хватило мужества встать на сторону закона.

В письме к А. Кремневу Короленко вспоминал, что, когда он выступил в защиту вотяков, обвиненных в ритуальных жертвах (известное «мултанское дело»), часть общественности на него набросилась:

«...Разве дело этих людей так уж важно... Еврей писал о том, что евреев притесняют больше, чем вотяков, поляк писал о положении Польши, а украинец говорил о притеснении украинской культуры».

Когда мне случалось выступать в защиту евреев — упреков раздавалось еще больше. Когда же в 1905 году, а позже в 1911 году я нарисовал картину усмирения сорочинских мужиков и полицейских истязаний над мужиками Саратовской губернии, то даже и тогда у меня спрашивали, считаю ли я эти случаи более важными, чем многое другое, о чем я не писал...

На это я отвечал и отвечаю, что считаю себя вправе писать правду, не справляясь, самая ли она важная в данную минуту, лишь бы была правда».

Потому я говорю: геноцид — это все мы. Кровь замученных и слезы бездомных, которых гонят с улюлюканьем по всей стране, нигде не принимая, держатся не только на мафии и террористах. Они и на власти, не сумевшей назвать вещи своими именами и прямо, открыто стать на сторону человечности и закона. Они и на демократическом движении, которое заблудилось в трех соснах и растерянно спрашивало: а как отличить девочку, тихо певшую молитву на тбилисской площади, от мужика, насилующего ребенка? Бедное демократическое движение хотело иметь формулу раз и навсегда: армию вводить можно или армию вводить нельзя.

В романе Солженицына «В круге первом» интеллигентные зеки рассуждают на прогулке: вот революция вроде делалась для справедливости, и насилие было во имя этого, а кончилось все лагерями. Спорят, ссорятся: кто прав, кто виноват? Огромный узловатый мужик — дворник Спиридон — не участвует в споре. Вроде и не слышит. Его и воспринимают как неозвученную массу. И вдруг масса заговорила. «Волкодав — прав. А людоед — нет». Я не знаю другой формулы.

Мы легко признаем, что человек может впасть в состояние шока, транса, помутнения. Но факт того, что это может случиться с массой людей, почему-то признать не хотим. Мы ставим перед собой абсурдную задачу: описать событие честно, не упоминая, где оно происходит, кто были его участники. Чтобы нацию не обидеть! Так возникает ложь, и ее следствие — жестокость.

Не обижают же нормальных русских людей самая уничтожающая критика «Памяти» и ее идейного арсенала. Критика идеологии Ле Пена не может обидеть нормального француза. Казалось бы, ясно,

Однако же есть причины, побудившие многих людей и целые организации, известные вроде бы своим демократизмом, в ситуации геноцида стать не на сторону солдата, выносящего обожженного ребенка из залитого бензином барака, а на сторону революционеров, выставивших молодых камикадзе, чтобы помешать солдату это сделать. Отчего именно наше правительство не признает очевидного для всего мира геноцида? Отчего иные представители элиты, составляя резолюции против бесчинств в ЦДЛ, называют по имени виновника — «Память», описывают пострадавших писателей, а вырезанные турки-месхетинцы вместе с сожженными армянами попадают в этой резолюции в скромную рубрику «и другие»? Отчего на митингах клеймятся какие-то таинственные лица, переодевающиеся то в узбеков, то в таджиков, то в азербайджанцев, то в молдаван, но обходятся стороной известные по именам убийцы? Отчего депутаты, как рассказала нам Г. Старовойтова, весело смеясь, проходят мимо женщин, кормящих грудью детей прямо на ступеньках депутатской гостиницы? Отчего москвичи, столь щедро обогревшие жертв землетрясения, с жертвах геноцида говорят зачастую с раздражением и безразличностью? Отчего автобусы с несчастными

людьми, второй месяц не мывшимися, не менявшими белья, не спавшими на мягком, подвезжая к подмосковным пансионатам, встречают митинги и демонстрации протеста: уберите назад?!)

В черствость нашего народа я не верю: я слишком много видела примеров сострадания. Известна мысль о том, что наше общество не может активно сострадать пострадавшим, потому что оно само в целом ощущает себя пострадавшим. Не говоря уже о прошлом, в которое просто страшно оглянуться, тревожные сигналы подает и будущее. Конечно, большинство не расшифровывает эти сигналы рационально, но люди смутно чувствуют, что могут оказаться заложниками в борьбе между вчерашней и завтрашней властью. Ведь сама логика войны, любой войны, такова, что меньше всего воюющие стороны думают о человеке, который на этот случай называется «обывателем». При этом оговаривается: обыватели бывают и образованные, с дипломом. Считая себя таким вот обывателем с дипломом, то есть человеком, который может, ссепив зубы, подсобить нести крест политической борьбы, но которому жизнь в тысячу раз милей, когда в ней нет политической борьбы, я чувствую эти сигналы и как профессиональный политолог могу попытаться их расшифровать. Так вот, я склонна думать, что пассивность, неотзывчивость объясняются просто: не хватает душевных сил на турок, когда сам завтра будешь в их положении. Но главная тревога сегодня не в равнодушии, а в активной агрессивности к пострадавшим. Агрессивность-то откуда? Это страшный вопрос, глубоко философский и абсолютно житейский. Мы входим в глубокую рану; скальпель здесь не должен гнущься.

Я читала не раз в американских социологических исследованиях, что между дискриминированными группами населения, например, неграми и пуэрториканцами, не только нет солидарности, но есть некоторое отталкивание и напряжение, какая-то скрытая, вывернутая наизнанку конкуренция: «Это не нас не любят, это вас не любят! Нас тоже, конечно, но меньше и ошибочно, по недоразумению, может быть, путают с вами? Так вот, не путайте... И я не хочу жить в этом квартале! Ну и что из того, что квартал тихий и чистый? Я не знаю, почему не знаю...»

— Я не знаю, почему, может быть, я плохой человек, — сказала мне соседка по палате в Остроумовской больнице, — но с тех пор, как я узнала, что у Люси «это» (тогда еще не выговаривали слово «рак»), я не могу больше с ней дружить.

— Ты считаешь, это заразно?

— Нет-нет, и если б так, давно б уж... Мы еще на приеме подружились, уже месяц вместе. Но мне кажется: вот она хочет, чтобы и я была такая же...

— Но она же не знает! От нее же скрывают. И мы-то случайно узнали.

— Ну, все равно. Я не могу. Я ее скоро возненавижу.

Увы, это не расовое, не классовое, не национальное. Это страх заразиться несчастьем. Зараженного СПИДом малыша надо оперировать за границей: ни один хирург в стране не рискнул. Пытались поджечь дома инфицированных семей в Элисте. Дезактиваторам, которые ценой своего здоровья спасли нас от тотального распространения чернобыльского радиопада, говорили злобно: «Когда вы уже подохнете?» И не только из зависти к внеочередному получению ими квартир. Из страха тоже. Но это страх физический, в нем есть рациональная основа: СПИД действительно заразен, и никто еще точно не знает — как.

Страх заразиться чужим несчастьем лишен разума и оттого еще опасней. Именно он, этот страх, родил крылатую фразу: «Но почему всегда бьют евреев и армян? Значит, они в чем-то виноваты. Дыма без огня не бывает».

В последний раз я слышала эти слова от московского таксиста, очень симпатичного средних лет человека. Я стала рассказывать о географическом положении древней Иудеи, о судьбе Армении. О местах на земле, где нет ни евреев, ни армян, но в их роли выступают другие народы. О том, что в 20-е—30-е годы в СССР практически не было антисемитизма, но были миллионы других «евреев»: кулаки, попы, бывшие дворяне, троцкисты, бухаринцы. Не раз прерывала рассказ: «У вас же время—деньги, а мы стоим у моего дома». Но таксист хотел слушать. Потом сказал: «Вообще-то у меня и друзья среди них есть, они нормальные. Но народ так говорит. Конечно, не знаем ничего. А чего б вам по телевизору все это не рассказать?»

Милый человек, да кто ж пустит меня на телевидение с таким? Раньше можно было только про «дружбу народов», теперь — только про «прогнившие структуры». В очень официальном издании не взяли кем-то туда отнесенную статью о ситуации в Закавказье: говорят, и логика есть, и аргументы живые, но главного нет — не сказано, что во всем виноваты прогнившие структуры. Очень грозное и парадное издательство, туда в прежние времена без славословий «развитому социализму» и не подойти. А теперь вот нельзя обойтись без проклятий «прогнившим структурам». А если у человека правая рука такая, что тогда не могла эти буквы выписать: «раз-ви-той»? А теперь не может: «про-гни-вшие». Может, на левую руку перейти, она послушнее будет?

Можно, конечно, играя словами, сказать, что «прогнившие структуры» — это наше «старое мышление», наши анахронистичные понятия. Но я не верю в «новое мышление» и «нового человека». Мышление и душа — не платье: новым старое не заменишь. Мы люди и не можем превратиться в «новых человек». У нас есть зубы, печень, живот. И боль то в одном, то в другом управляет жизнью большинству из нас. Если б не было живота, печени, зубов, ничего б не болело, но тогда б и нас не было. Мы не можем избавиться от своих страхов, тревог, обид, подозрений или, как говорят в науке, комплексов. Но мы можем о них знать и лечить их каждый день без абсурдной и вредной надежды излечиться навсегда.

Меня передергивает, когда я слышу, как очередные витки сулят народу «счастливую жизнь». Нет на земле страны счастливых людей, нет места, где не льется ручей слез и крови человеческой. Но на нашей земле они лились и льются морями. Все, что мы можем сделать, — это жить, как люди живут. Не пытаться создать на одной шестой земле то, что невозможно создать на пяти шестых. И в стремлении к этому опираться не только на заветы альтруизма, но и на нормальный эгоистический расчет. Прежде чем лихо требовать, чтобы завтра все республики объявили себя суверенными государствами, а кому не нравится, пусть уезжают — вспомним, что изгнанные из родных домов люди — естественная почва правого переворота. Если б не умная, твердая политика сильного президента де Голля, изгнанные из Алжира

французы могли, наверно, устроить во Франции фашистский путч. А изгнанные из Анголы португальцы сильно способствовали фашистскому перевороту в этой стране. Пусть люди недобросовестные упрекают меня в сочувствии колониализму. Я не сочувствую колониализму — ни заморскому, ни отечественному. Но я не сочувствую и тем, кто спешит отметить в своей «левизне», поставив подпись под требованием немедленно вывести войска, ни минуты времени не потратив на продумывание способов расселения и трудоустройства семей военных. Это, мол, не наше дело. Но если так, и войска выводить — не наше дело.

Но почему у Вацлава Гавела, пострадавшего во время пражской трагедии, болит душа: как устроятся семьи советских демобилизованных офицеров, когда в стране тысячи бегущих от геноцида, а еще надо переселять миллионы «чернобыльцев» из Белоруссии. И Гавел соглашается ждать год, хотя наши войска в Чехословакии абсолютно не нужны ни нам, ни им. Он предлагает сто тысяч сборных домиков для военнослужащих.

Почему Роберт Конквест, первый и непревзойденный историк сталинизма, потративший жизнь на исчисление наших жертв, на летопись наших страданий, радуясь горбачевским реформам в армии, обеспокоенно спрашивает: «Но что с ними будет, с офицерами? Уже есть бомжи. Как будут учиться их дети? Есть ли специальность у их жен?» Он спрашивает это в гостинице, где я по заданию «Книжного обозрения» беру у него интервью, и возвращается к этой мысли вновь, когда мы идем в гостиницу из издательства, заключившего с ним договор на «Большой террор». «Фантастика! — говорит он. — В Москве будут печатать мою книгу! Да, но как все обойдется? Столько людей не у дел! Еще эти несчастные беженцы».

Эти беженцы сейчас будто раскачиваются на чаше политических весов. Правые кричат левым: «Ваших рук дело!» «Ха-ха, — отвечают левые, — кто вам поверит? Ваших!»

А людям на весах больно. Ведь у них содрана кожа.

ВИКТОРИЯ ЧАЛИКОВА,
политолог
«ЛГ—ДОСЬЕ» март 1990 г.

«ЧЕРНЫЙ ЯЩИК» НА МИННОМ ПОЛЕ

Народный депутат СССР ГАЛИНА СТАРОВОЙТОВА
беседует с корреспондентом «ЛГ»
ЛИДИЕЙ ГРАФОВОЙ

«...нужна мудрая фундаментальная концепция для решения судьбы беженцев. Нужна опережающая политика. А мы все еще пребываем в позе страуса, спрятавшего голову в песок...»

Кто не знает, что в Москве и во многих других городах сегодня бедствуют тысячи неприкаянных людей! «Ах, беженцы — это ужасно...» А что мы делаем для беженцев? Что должно сделать государство? Что может общество?

С народным депутатом Галиной Старовойтовой мы беседовали поздно вечером в гостинице «Москва». Она только что вернулась, расстроенная, из Армянского постпредства, где выслушала немало горьких упреков от беженцев, которые уже второй месяц ночуют на полу: «Никому мы не нужны... Депутаты спорят о президентских выборах, а до нашей судьбы им дела нет».

Корр. Галина Васильевна, насколько мне известно, на недавнем заседании Верховного Совета СССР по национальному вопросу именно вы требовали принять закон о статусе беженцев?

Г. Старовойтова. Не одна я. Еще депутат Чельшев из Запорожья. И некоторые другие вскользь касались. Очень сильно выступил депутат, актер по профессии, Сос Саркисян. Он подчеркнул, что не политик, и говорит на простом житейском языке о зверствах в Баку, об изнасиловании старух... Это звучало жутко. Но наше предложение не было принято. А я предлагала, чтобы Комитет по вопросам законодательства немедленно, в двухнедельный срок разработал проект Закона о статусе беженцев в СССР с учетом международных правовых норм.

Корр. Разве нет у депутатов такого проекта?

Г. Старовойтова. В том-то и дело, что пока нет. Мне случайно испалась разработка, сделанная Госкомтрудом. Я была поражена: с какой безответственностью, легкостью собирается государство решить эту кровотокающую проблему. Там сказано, что беженцев, заполнивших сейчас Москву и Московскую область, нужно «сти-

мулировать» к отъезду на их историческую родину — в Армению. Причем за счет Армении! Беженцев из Азербайджана должна, значит, расселить и трудоустроить разрушенная землетрясением республика?!

Корр. Это какое-то недоразумение. На всех совещаниях в Госкомтруде СССР (там каждую пятницу собирают сотрудников министерств, причастных к работе с беженцами) идет речь о том, что материальное возмещение пострадавшим армянам должен выплачивать Азербайджан. В свою очередь Армения должна расплатиться с азербайджанцами, там ведь тоже тысячи людей бежали, лишившись крова.

Г. Старовойтова. Сравнить нельзя. В Армении сегодня около миллиона человек без жилья. 540 тысяч пострадали от землетрясения, 300 тысяч беженцев из Азербайджана уже приехали в Армению (без всякой, заметьте, агитации!), а около 200 тысяч и ранее жили в ужасных условиях. И это в республике, где население всего 3 миллиона 300 тысяч.

Корр. То есть каждый третий нуждается в жилье?

Г. Старовойтова. Ни в одной республике нет подобного. Прибавьте еще блокаду, замораживание строительства, отъезд строителей, в том числе из других стран, которые после землетрясения взялись помогать. Все это настолько деморализовало армянский народ, что вековая дружба с Россией (300 лет усилий того же царского правительства) ставится под сомнение. В одной армянской деревне меня спросил простой крестьянин: а помнят ли русские, что мы, армяне, вместе с вами воевали против турок? Я подумала и с горечью признала: нет, не помнят. Им это трудно понять. Вся ментальность армян проникнута историей.

Что касается русских беженцев, их в той разработке Госкомтруда рекомендуется «стимулировать» к возвращению в Баку. Уже само это разделение судеб пострадавших по национальностям вызывает протест. Получается, государство как бы входит в положение гонителей, молча с ними соглашается. Мол, не нравятся вам армяне, выгнали всех до одного — и ладно. А вот без русских (их еще много в Баку) остановится промышленность... Да и стратегически важно государству, чтобы русские жили в Азербайджане. Поэтому русские пусть возвращаются.

Я не в силах понять такую «концепцию», она мне представляется настолько же аморальной, насколько и нереальной. Я огдала депутатский запрос председателю Госкомтруда Щербакову: «Владимир Иванович, на чем основаны эти положения проекта?.. Не забыли ли вы, что Армения разрушена землетрясением?..» Ответа не получила.

Корр. И все-таки, Галина Васильевна, оптимальное решение проблемы беженцев — это, конечно же, возвращение. Как бы хорошо кого-то из них ни устроили, любой бакинец, думаю, до конца жизни будет тосковать по своему городу, как по потерянному раю. И нельзя же исходить из того, что азербайджанцы вечно будут резать армян... Правда, стоит в разговоре с беженцами, независимо от национальности, заикнуться о возвращении, слышишь: «Никогда! Ни за что на свете!» Люди до сих пор полны страха — радуются, что остались живы. И ничто другое им, кажется, не нужно, ни о чем будто бы не жалеют. Но вот опомнятся от пережитого...

Г. Старовойтова. Надо смотреть правде в глаза, она жестока: некуда им возвращаться, ни армянам, ни русским. Их квартиры давно заняты.

Корр. Ради справедливости уточним: многие квартиры в Баку заняты, очевидно, теми несчастными ерецами (ереванскими азербайджанцами), которые были вынуждены бросить свои дома в Армении и долго скитались без крыши над головой...

Г. Старовойтова. В общем, я считаю, что об оптимальном решении проблемы сегодня не может быть и речи. Может быть, лучше для этих людей, если они сразу отрешатся от иллюзий.

Корр. На одном из совещаний в Госкомтруде выступал заместитель председателя Бакинского горсовета. Он приехал встретиться с русскими беженцами: не хотят ли они вернуться в Азербайджан? Его спрашивали: а гарантируете ли вы безопасность этих людей? Он отвечал неопределенно. Вспомнил, что однажды Везиров уже давал армянам такую гарантию и многие тогда поверили, вернулись...

Г. Старовойтова. Депутаты от Азербайджана требовали на сессии, чтобы из Баку были выведены войска. Я, выступая, сказала, что согласна с азербайджанскими товарищами: не может Советская власть держаться

силой оружия, это должно быть делом свободного выбора самого народа. Войска нужно вывести, но с условием: никто из оставшихся в Баку людей не должен больше пострадать. Для этого необходимо в месячный или другой ограниченный срок предоставить всем, кто не чувствует себя там в безопасности, право спокойно выехать из республики. Независимо от национальности. Есть ведь много азербайджанцев, женатых на армянках. Или те же демократы, разошедшиеся с политикой народного фронта. И так уж пролито много крови, больше рисковать людьми государство не вправе.

Корр. Но сегодня страх погромов стал как бы составной частью атмосферы во многих регионах страны. Живем, как на заминированном поле, неизвестно в какую минуту где рванет. Неужели предложить заранее всем «иноязычным» покинуть республики? Куда же им ехать — скрываться?

Г. Старовойтова. Около 60 миллионов человек проживает сегодня на территории своей республики. Как автор монографии об этнических меньшинствах я прекрасно осознаю бездонную сложность этой проблемы. Но за то и ратую, что нужна мудрая фундаментальная концепция для решения судьбы беженцев. Нужна опережающая политика. А мы все еще пребываем в позе страуса, спрятавшего голову в песок. Никаких серьезных выводов не делаем из своего же трагического опыта. А порой кому-то выгодно делать выводы, противоположные здравому смыслу. Так, в оправдание позднего ввода войск в Баку выдвигается... «тбилисский синдром». Мол, центр находился в гамлетовских сомнениях. А людей в это время жгли и резали! Центр не получал правдивой информации из республики? Что ж, могу допустить.

Я много говорила с депутатами из комиссии по тбилисским событиям. Они выяснили, что существует пять источников информации, на основе которых принимаются такого рода решения. Пять источников, и все, по сути, бесконтрольны. Прежде всего это информация по партийным каналам. Она бывает двух сортов: письменные шифровки (их сравнительно мало) и телефонные разговоры по ВЧ. Каждый день кто-то в ЦК, отвечающий за какую-то республику, получает телефонную сводку с места. Только в случаях, когда нужно официальное под-

тверждение, чтобы исполнителю снять с себя ответственность, он просит: дайте шифровку. Телефонная же связь по ВЧ абсолютно неуловима и невосстановима, Третий источник — данные МВД. Далее — независимая армейская разведка, кстати, наиболее достоверная. И наконец — сводка КГБ. Казалось бы, уж КГБ все всегда точно знает.

Корр. Сейчас люди с надеждой думают о КГБ: вот кто может предотвратить возможные погромы в других местах. Во времена Андропова в общественном сознании утвердилось мнение, что там работают наиболее компетентные люди, что уж эту структуру коррупция не разъедает...

Г. Старовойтова. Ну так вот... Мне довелось познакомиться со сводкой КГБ за декабрь — январь. Хорошо знаю положение дел в Армении, избравшей меня депутатом, так что могла сравнить. Обнаружила массу неточностей! Речь, заметьте, идет о событиях, подтолкнувших бакинские события. В сводке КГБ говорится, например, об антиармянском митинге в Степанакерте. Якобы там собралось 10 тысяч... Кто это? Откуда? Ведь в Степанакерте азербайджанского населения нет. Неужели такая «деталь» неизвестна? Еще в той сводке сказано, что 1 декабря выступал Ашот Манучарян и якобы именно после этого — «началось»... Но Манучарян вообще не выступал в то время! А вот роковое выступление Везирова по бакинскому телевидению 13 января в сводке вообще не упомянуто. Если даже КГБ допускает такую путаницу, то как же полагаться на компетентность других источников? Можно ли после этого удивляться, что, когда случается очередная социальная катастрофа, общество не может ответить на вопрос: кто виноват?

Горбачев сказал на той сессии, что, по его мнению, создавать парламентскую комиссию по бакинским событиям не нужно. Действительно, комиссий и так уж слишком много, а КПД их деятельности (кроме комиссии по пакту Молотова — Риббентропа) слишком мал. Комиссии лишены возможности документально восстановить ход событий. На уровне государства у нас нет такого «черного ящика» информации, какой вскрывают, когда гибнет самолет. А он жизненно необходим! Эти тайные разговоры по ВЧ, самое страшное орудие власти партаппа-

рата (и орудие его самоспасения!), нужно обязательно фиксировать, записывать, допустим, на пленку. Пусть эта пленка хранится в особом сейфе, пусть до поры до времени будет абсолютно секретной, но она должна в принципе существовать для истории.

Корр. Наверное, не только для истории...

Г. Старовойтова. Конечно же, в первую очередь это необходимо для выработки правового механизма принятия решений в таких острых ситуациях.

Корр. Столкнувшись довольно близко с проблемой беженцев, я увидела не только отчаяние этих людей, которые чувствуют себя людьми без будущего, но и растерянность, доходящую до отчаяния, у официальных лиц. Около 90 министерств, союзных и российских, участвуют в расселении беженцев по пансионатам и домам отдыха. Ну, расселили, выбившись из сил. Причем — толпую. Тысяч шесть — семь. А ведь в РСФСР около полумиллиона беженцев, и основная часть — «неорганизованные», устроились сами кто где. Ну, а у «организованных» сейчас трехмесячный срок бесплатного проживания уже на исходе. Дальше что? Никто не знает. В том же Госкомтруде сообщалось: проект закона о вынужденных мигрантах «находится на снятии противоречий». То есть кочует из кабинета в кабинет. Оказывается, Госплан вообще против такого закона — считает, что достаточно правительственных постановлений. МВД тоже возражает. А вот Минюст настаивает...

Начальник службы миграции и переселения граждан Госкомтруда СССР П. С. Рудев рассказывал мне, что многие высокие должностные лица начинают помогать беженцам с энтузиазмом, а потом отшатываются, упираясь в тупик. Так, например, первый заместитель Предсовмина СССР Л. А. Воронин горячо взялся, «давил» на министерства, как выразился Рудев, «всей доступной ему властью», а через месяц развел руками. «Нет, эти люди в нашей помощи не нуждаются». Якобы сами беженцы вредничают, отказываются от предлагаемых вариантов трудоустройства.

Г. Старовойтова. Конечно, работа с беженцами — страшная работа. Это ведь глубоко травмированные люди, каждому, наверное, нужна помощь психолога или священника. Жаль, что в большинстве они неверующие. Но чиновники не хотят, да и не могут войти в положение

ние этих людей. А сами люди, увы, наивно надеются, что государство все за них решит. И эти иллюзии, эта инфантильность людей — тоже вина государства, воспитания. Помню, после землетрясения в Спитаке я спросила врача из итальянского госпиталя: в чем он видит психологические особенности наших больных? Он сказал: поразительная пассивность, вплоть до того, что человек ждет, пока врач переложит ему раненую ногу с места на место. «Ваши люди все время ждут чего-то извне и очень мало полагаются на себя».

В том же постпредстве, в гостиницах наряду с больными, старыми людьми месяцами живут молодые и сильные мужчины. Что они делают? Просто ждут! Ставлю себя на их место. Да я бы двух дней не стала ждать «манны небесной». Сказала бы себе, что я в эмиграции, в чужой стране, пошла бы мыть посуду в столовую, устроилась бы в кооператив, где не требуется прописка. Мы ругаем американскую систему с ее жесткой конкуренцией, на самом деле это более здоровый подход, чем создавать у людей иллюзию социальной защищенности, а потом бросать их на произвол судьбы.

Корр. На днях к нам в редакцию приходил гонец от группы бакинских летчиков. Они живут пока в подмосковном пансионате, это высококлассные специалисты, чья профессия всюду нужна, но вот объездили много городов, а жилья им нигде не дают. И даже не обещают. Люди дошли до предела. Захватим, — говорит, — кабинеты в Министерстве авиации и станем там с семьями жить». Я понимаю, этот вопрос не к вам, но что таким людям делать?

Г. Старовойтова. Ко мне тоже обращались, правда, не летчики — пассажиры «ИЛ-86», который прибыл из Баку во Внуково и три дня простоял на стоянке номер 27 с людьми. У них не было ни документов, ни теплой одежды, а их никуда не хотели расселять. Мне позвонил один из беженцев: держать ли дальше оборону? Они решили не выходить, пока не получат каких-то гарантий.

Аэрофлот их кормил, но можете представить, что там творилось в туалетах и вообще. Я позвонила начальнику службы перевозок, он был в растерянности, возмущался этими «настырными людьми». Еще бы — самолет на три дня оказался прикованным к земле. Потом их все-таки поместили в гостиницу.

И еще довольно символическая сцена. Во время второго депутатского Съезда группа беженцев, которых никуда не принимали, прорвала кордон милиции и захватила вестибюль нашей депутатской гостиницы «Москва». И вот на полу были разложены их жалкие пожитки, плакали дети, а мимо ходили невозмутимые депутаты и обсуждали довольно абстрактные вопросы — где в законе лучше поставить запятую. А вопрос о статусе беженцев так и не был поставлен, повторяю, в повестку дня.

Корр. Наверное, потому, что никто не знает, как к его решению подступиться. Все дело в нашем ниществе...

Г. Старовойтова. Нет, в приоритете ценностей. Провозгласив главенство общечеловеческих ценностей, мы по-прежнему ставим нужды людей на последнее место. Нет средств на людей, которых государство не смогло защитить от погромов? Но тогда зачем запускать корабли в космос? Зачем содержать самый большой в мире танковый корпус? Почему не продать эти танки той же Ливии, как это уже делалось? Каждый танк стоит 800 тысяч долларов...

Корр. Сами беженцы предлагают другой вариант продажи их рабочей силы за рубеж. Весьма популярный в мире наем по временным контрактам, так называемой «гастарбайтер» — «гостевые рабочие». Мы, бы, говорят, могли бы сами заработать валюту на строительство жилья для своих семей, а кроме валюты, привезли бы еще в страну навыки высокого индустриального труда, как это произошло, например, в Алжире... Еще они недоумевают: почему мы мыкаемся без работы, а в это же время наше государство нанимает массу вьетнамских граждан, которые в той же Москве занимают целые общежития и работают без особого энтузиазма, о чем не раз сообщала пресса? Наконец... В тех же гостиницах ВДНХ, где в ожидании, как вы говорите, «манны небесной» томятся беженцы, проживают привозимые из дальних концов страны рабочие по спецнабору. Замечательные специалисты? Но месяц поработав и получив крупную сумму, многие из них запивают втемную. Вызовы милиции, «Скорой помощи»... Беженцы ставят вопрос: почему не используют наши силы на этих же работах до окончательного решения нашей проблемы?

Г. Старовойтова. Меня особенно волнует, что безразличность политики в отношении беженцев возбуждает к ним злобу и ненависть у местного населения. Эти люди, которых государство не смогло защитить от погромов, имеют право хоть теперь рассчитывать на особую заботу государства. Но — подчеркиваю — не за счет других, тоже нуждающихся граждан. Например, я отношусь с опаской к заявлениям о том, что материальное возмещение за разграбленное имущество, потерянные квартиры, переезды и прочее должна выплатить беженцам республика в целом. Справедливо ли материально наказывать (штрафовать!) целый народ? В чем повинны, допустим, азербайджанцы, с риском для жизни спасавшие соседей-армян? Таких было много. И вообще решать проблемы беженцев, обедняя и без того скудные социальные фонды, — значит, усиливать напряженность в обществе.

Корр. А вы считаете, это нам удастся — вернуть мораль в политику?

Г. Старовойтова. В той мере, в какой мораль возвращается в общество. Сахаров, как мы помним, всегда ставил нравственность на первое место, нарушал правила всех игр, и в этом была его политическая мощь. Один заменял целую парламентскую фракцию, заставлял весь мир слушать себя, потому что действовал с позиций морали и права.

Пока мы не признаем, что кровавые трагедии, которые мы стыдливо именуем «межнациональными конфликтами», — это настоящий геноцид, пока на самом высоком уровне не наступит покаяние, проблема беженцев из тулика не вырвется. Слово «геноцид» не раз произносилось на последней сессии, но официально это заявление так и не признано. Помните: еще в июле 1988 года, когда старый Верховный Совет обсуждал карабахскую проблему, писатель Вардгес Петросян впервые говорил о геноциде. Горбачев ему тогда возразил: вы же писатель, умеете пользоваться словом. О геноциде, мол, можно говорить, если это целенаправленная государственная политика... На этом возражении дело и застыло.

Я внимательно изучила Конвенцию ООН о геноциде, которую СССР подписал. Так вот, там в статье 4-й есть специальная оговорка: геноцидом считаются не только

действия властей, но и преследования, осуществляемые частными лицами.

Корр. Вчера у меня была приятная встреча: из Калининской области специально приехала одна из бывших (настрадавшихся!) постояльцев Армянского постпредства, переполненная чувством благодарности к работникам санатория-профилактория завода «Центросвар». Кстати, эта женщина, Эльмира, наполовину армянка, наполовину азербайджанка, имеет двоих детей и еще двое стариков у нее на руках. Она плакала, рассказывая: «Нас приняли, как родных...». Это я к тому, что доброта в наших людях не иссякла, и если дело нормально организовать... Опять же радуется, что в своей первой президентской речи Горбачев поставил проблему беженцев в число первоочередных. У вас, Галина Васильевна, есть надежда, что эта тупиковая проблема будет по-человечески решена?

Г. Старовойтова. Жить — значит, надеяться.

«ЛГ — ДОСЬЕ» март, 1990 г.

«ВРЕМЯ ЛОЗУНГОВ УХОДИТ...»

...Национальные беды, конечно, не исчерпываются положением с советскими немцами, советскими евреями и армянами, которое должно быть исправлено немедленно. По крайней мере руководство страны должно недвусмысленно высказаться, дать понять на деле всему нашему народу, есть ли у каждого человека за спиной закон или его судьбой, судьбой его народа вольны распоряжаться разнообразные темные силы бандитского толка. Подлежит отмене любой закон любой республики, если он признает за кем-либо право на дискриминацию по национальному признаку. Это совсем не значит, что следует не признавать права на суверенитет прибалтийских или других республик. Но русские должны понимать, что татары в Москве такое же коренное население, как и они. Литовцы не должны забывать, что поляки не менее коренные жители Литвы, чем они. Корейцы в Казахстане должны располагать теми же правами, что и казахи. И если негры в США могут быть мэрами городов, то наши «инородцы» должны быть по крайней

мере уверены в том, что имеют право создавать свои театры, учить детей на своем родном языке, что никто не смеет оскорблять их, запрещать выбор места учебы или работы по причине существования государства, где этот народ представлен большинством населения. Каждый человек должен быть уверен, что, если кому-нибудь маньяку вновь пришла в голову мысль переписывать инородцев в городе для подготовки погрома (а с турками в Фергане, армянами в Баку это было и кончилось резней; с евреями в Москве и Ленинграде это происходит сейчас и чем кончится — никто не знает), то подобные противозаконные действия впредь будут в своем зародыше пресекаться в соответствии со статьями Уголовного кодекса.

Непоправимые дела творим мы в национальной политике: ничего не знаем, не помним, ничему не учились. Это мы ввозим дешевую рабочую силу из Вьетнама, а квалифицированную свою сбываем (выживаем) за рубеж. Кто-то догадался пригласить на Дальний Восток китайских земледельцев, а что же делать в это время в Средней Азии безработной молодежи? За сотни лет до нас люди пробовали ввозить чернорабочих из слаборазвитых стран. Потом они дорого оплачивали свою погоню за дешевизной. Может быть, Вьетнам и заинтересован в вывозе своей молодежи, может быть, с нашей стороны эта иммиграция скорее является гуманитарным актом помощи дружественной стране. Но если у нас своя безработица, можно ли такой вопрос решать за закрытыми дверями? Мы все время латаем сиюминутные дыры. Никто не имеет ничего против Китая, но он может и сам разобраться со своими крестьянами.

За последний год бегство из СССР (эмиграция), как это видно из интервью начальника управления виз, разрешений и паспортной работы МВД СССР Р. Кузнецова, более чем утроилось в Израиль, почти удвоилось в ФРГ, почти в пять раз возросло в Грецию. В определенной мере за пределами этих цифр остались армяне, которые бегут не только из Азербайджана, но и из Армении, бегут, помимо США, в Южную Америку, Австралию. «По моему мнению, сам факт эмиграции нормален — это реализация права человека на свободный выбор места жительства, провозглашенный во Всеобщей декларации прав человека еще в 1948 г....» (из интервью

Р. Кузнецова). Но ведь уезжают хорошие головы, хорошие руки, те самые, которые обеспечивали тем большим прирост народного богатства, чем выше была их квалификация. Почему наших эмигрантов охотно принимают за границей? Их, как правило, берут на менее квалифицированные работы, чем на родине, на меньшую зарплату, чем своих. Очень, очень мало кому удается там сделать карьеру. Зачем же покидают они дома, квартиры, близких, могилы предков? Значит, стало невмоготу. Нельзя обвинять сотни тысяч людей в непатриотизме. Чувствую это.

И вот возникает вопрос: кто же за все это ответит? Да никто не ответит. Как никто не ответил за уничтожение Арала и гигантских площадей отравленной и засоленной земли, за опустынивание в России, за... Список этот слишком длинен, всем известен, вызывает у людей теперь уже скорее досаду, чем возмущение.

Ну тогда другой вопрос: кто исправит? только мы сами. Должен срочно проснуться от летаргии Совет Национальностей Верховного Совета СССР: он проспал резню в Азербайджане, ему и спрашивать с тех, кто отвечает за национальную безопасность. Только давайте без дураков: не надо обвинять безымянных армян, что будто бы они сами себя резали, или первыми начали, или сами бросались из окон, сами заблокировали железную дорогу (как это утверждал один гражданин на предпоследнем Съезде народных депутатов). Не надо опять разводить руками: дескать опоздали немного. Тут все ясно: как и раньше, опоздали не случайно. Дело серьезное. Было бы целесообразно созвать Съезд народных депутатов только по национальному вопросу, предложить желающим заранее прислать свои предложения, заранее их опубликовать, потом систематизировать, а на Съезде, не занимаясь реченесением, обсуждать конкретные предложения, принимать их, выбрав предварительно дееспособную редакционную комиссию.

И последнее. Пока мы возмущаемся, Армения находится в настоящей осаде: прекращено строительство разрушенных землетрясением домов, нет топлива, плохо с питанием. Ну, если нам не стыдно все это терпеть, то ведь армяне принадлежат не только нашей стране, они дети всей земли. Разве люди разучились наводить воздушные мосты? Разве человеческая порядочность

реализуется только через министерства иностранных дел, правительства? То, что происходит в Армении, — не «внутреннее дело СССР», а всемирная беда. Мир людской должен, наконец, заявить, что он больше геноцида не допустит и не позволит считать право на суверенитет правом на суверенный национальный террор. Хватит с нас памятников жертвам Бабьего Яра, Трехлипки, резни армян в 1915 г. ...

А. И. ВОРОБЬЕВ,
народный депутат СССР
Отрывок из одноименной статьи.
«Огонек» № 14, март 1990

«К СОЖАЛЕНИЮ, ЭТО РЕАЛЬНОСТЬ...»

Пятый номер нашего еженедельника за нынешний год вызвал большую почту. Много писем пришло от читателей из Азербайджана. Неудивительно — в номере, о котором идет речь, мы опубликовали материалы о русских беженцах из Баку, интервью Г. Херисчи литовской газете «Атгимимас» и комментарий к нему доктора философских наук Э. Володина. Все эти публикации касались трагедии, разыгравшейся недавно в Азербайджане, когда экстремисты, умело направляемые коррумпированными политиками, вышли на улицы с оружием, чтобы таким образом решить проблемы межнациональных отношений. Часть откликов на эти публикации была напечатана в нашем еженедельнике. Сегодня мы остановимся на некоторых письмах непосредственно из Азербайджана.

Сначала хочется привести письмо директора Института востоковедения АН Азербайджана, Героя Советского Союза академика Зия Бунятова:

«Я постоянный читатель и почитатель «Литературной России»... Пишу вам по поводу «Откровений» жестокого человека» в № 5 от 2 февраля.

Дело в том, что пресловутый Гамид Херисчи — человек, живущий у нас по «виду на жительство». Он не гражданин СССР, а подданный Ирана... Этот подонок вовсе не олицетворяет азербайджанский народ и никакого права выступать от его имени не имеет. Раньше таких, как он, выдворяли из Советского Союза в 24 ча-

са, а сейчас им предоставлена возможность болтать, что за благорассудится...

Я прекрасно понимаю доктора Э. Володина. Можно было бы дать этому Херисчи и ему подобным по мозгам еще покрепче! Во всяком случае, прошу вас не ставить знак равенства между азербайджанским народом и жуликами типа Гамида Херисчи.

Уважаемый Зия Мусаевич!

Спасибо за поддержку нашей позиции. Публикуя интервью Г. Херисчи литовской газете, мы, конечно же, не ставили знак равенства между ним и азербайджанским народом. И это отметил в своем комментарии Э. Володин. Дело в том, что интервью Г. Херисчи, на наш взгляд, очень точно отражало настроения и определенные воззрения наиболее оголтелой части пантюркистов, мечтающих об «Объединенных советских эмиратах» от Северного Кавказа до Якутии. Характерно для таких, с позволения сказать, мечтателей и полное пренебрежение мнением народов России, на территории которой оголтевшие «боевики» вроде Гамида Херисчи собираются воздвигать свою исламскую конфедерацию.

Именно потому, что Г. Херисчи недвусмысленно выразил далеко идущие планы пантюркистов, мы сочли нужным познакомить с ними читателей. Вашу статью «Куда мы идем?» в газете «Бакинский рабочий», уважаемый Зия Мусаевич, мы прочли. Полностью разделяем Вашу озабоченность экстремистскими настроениями части руководителей Народного фронта Азербайджана. Ваша статья, появившаяся еще 1 декабря прошлого года, на наш взгляд, была серьезным предупреждением всем горячим головам: нельзя будить дракона национализма, это может кончиться кровью... Жаль, что не все Вас услышали, и кровь пролилась. Но Вы, Зия Мусаевич, поступили мужественно и мудро. Уверены, что здоровые силы азербайджанского народа это не забудут.

Теперь о письме ученых Института литературы имени Низами АН Азербайджана Я. Караева, В. Кулиева, Э. Ахундовой, И. Сеидова, С. Лукьяновой и С. Османлы. Именно в этом институте, хорошо известном в стране серьезными работами по истории и современному развитию тюркоязычных литератур, числится младшим научным сотрудником Гамид Херисчи.

Сначала авторы письма выражают недоумение: почему, дескать, интервью Г. Херисчи перепечатано сразу десятком газет? Действительно, непонятно? Тогда повторим еще раз: интервью выражает самые крайние взгляды исламских «правых», взгляды, которые не могут не тревожить и христиан, и мусульман, проживающих в России и на Кавказе. Самое главное — январские события в Азербайджане показали, как «теории» Г. Херисчи, высказанные им в ноябре 1989 года, были претворены в «практику» экстремистами всех мастей. Какие еще требуются резоны для подтверждения права «Литературной России» и остального «десятка газет» на перепечатку откровений воинственного младшего научного сотрудника?

Авторы письма в редакцию нашей газеты сообщают, что Г. Херисчи не является «идеологом» Народного фронта Азербайджана, «каким его пытаются представить в глазах всесоюзной общественности некоторые средства массовой информации, но даже не состоит ни в одной из первичных организаций Народного фронта как его рядовой член». Извините, уважаемые ученые, но идеологом Народного фронта представили Г. Херисчи не «некоторые средства массовой информации», а конкретно газета «Атгимимас», которой Г. Херисчи дал интервью. И если бы не этот факт, о Г. Херисчи не знала бы и «всесоюзная общественность». Смехотворно, уважаемые товарищи ученые, выглядит ваша попытка уверить, что мысли, высказанные Г. Херисчи, — «отнюдь не выражение какой-либо общей идеологической платформы НФА (тем более целой нации), а личное, сугубо субъективное мнение, которое далеко не во всем совпадает с позицией ученых Азербайджана». Смехотворно потому, что чуть выше вы сообщаете об опровержении, направленном Г. Херисчи в газету «Атгимимас». Что же он, по-вашему, опровергал? Свое «сугубо субъективное» мнение? Тогда почему вы так настойчиво откровенничаете от него, расширяя свою небольшую группу до всех «ученых Азербайджана»? Мы уже привели письмо одного ученого, академика З. М. Буниятова...

Нам кажется, что запоздавшее опровержение Г. Херисчи и ваше стремление отмежеваться от «сугубого» мнения коллегии продиктованы сегодняшним пониманием того, как безответственная националистическая бол-

товня может оборачиваться на практике кровавыми погромами.

Не случайно большая часть вашего письма этому и посвящена: вы представляете Г. Херисчи таким простачком, который по наивности дал интервью, первое в жизни, а теперь на этом интервью акулы из «некоторых средств массовой информации» сбивают политический капитал, обвиняя в экспансионистских настроениях азербайджанский народ. Далее вы предъявляете претензии к «Литературной России» в том, что на своих страницах она нагнетает «массовый психоз среди довольно многочисленной читательской аудитории» «лживыми рассказами о «русских беженцах»... Интересно, в каком именно месте Баку располагается ваш институт? Да и в Баку ли? Не хочется даже спрашивать, как поднялась у вас, ученых, рука написать это слово — «рассказни».

«С сожалением приходится констатировать, — пишете вы, — опасную тенденцию, наблюдаемую в столь авторитетной газете, как «Литературная Россия», охотно представляющей свои страницы для публикаций националистического толка... Сотрудники Института имени Низами не могут не выразить обеспокоенность позицией газеты...»

Вероятно, публикациями «националистического толка» следует считать письма беженцев? А интервью Г. Херисчи в таком случае пойдет по разряду «интернационального толка» — ведь он рассуждает о проблемах всех тюркских народов на территории СССР... Извините, уважаемые ученые, но ваши сожаления, ваша обеспокоенность позицией газеты вкупе с определением «рассказни», относящимся к материалам о трагедии беженцев из вашей республики, носят одно название: лицемерие.

Огорчило нас и другое письмо, тоже коллективное, из Баку. Подписали его главный редактор журнала «Литературный Азербайджан» ветеран Великой Отечественной войны Иван Третьяков, главный редактор газеты ЦК КП Азербайджана «Вышка» Юрий Иванов и главный редактор газеты «Бакинский рабочий» Геннадий Глушков. Правда, в редакцию нашего еженедельника письмо попало кружным путем: сначала авторы отослали его почему-то в Союз писателей Азербайджана, откуда оно с «сопроводилкой» пошло в Союз писателей

СССР, а потом — под конвоем уже двух сопроводительных писем — в редакцию еженедельника. Очень удобный, сразу заметим, способ пересылки писем: во-первых, не надо тратиться на марки, во-вторых, позиция трех главных бакинских редакторов ненавязчиво «заявлена» во всех писательских инстанциях. В «сопроводилровке» СП Азербайджана, кстати, написано, что, «ознакомившись с данным письмом», секретариат правления «разделяет изложенную авторами позицию». Так что это уже получается не только письмо бакинских редакторов...

Шестистраничную ксерокопию письма мы не можем напечатать полностью. Публикуем лишь главные тезисы. «Уважаемые коллеги!

До чего же горько это читать! Нагромождение лжи, инсинуаций, угроз, неточностей... Тем более, что беженцы из Баку, к сожалению, — это реальность, но общая наша беда, раздуть которую — преступление. Тем больше, что город наш и сегодня в трауре по жертвам трагических событий «черного января» — людям разных наций. Тем больше, что в Баку продолжают жить и трудиться многие десятки тысяч русских. Но их судьба, кажется, мало интересует вас, коллеги из «Литературной России». А вот мы — из их числа...

Непогашенный вовремя огонек провокаций разросся, и дикий огонь межнациональных столкновений охватил наш регион — впрочем, разве только наш? При бездействии или даже попустительстве союзных и местных властей в Закавказье, по существу, вспыхнула война. Поисками путей нормализации должны, по нашему убеждению, заниматься и писатели, и органы печати, сознавая при этом всю полноту ответственности за публикации на эти трудные темы в нынешних труднейших условиях.

Но вы-то, говоря о своем, обращаясь прежде всего к русским, многозначительно отмечая, что беженцы **первые**, — вы-то к чему зовете? Когда пишете, что в Баку «вошли наши войска», — что, собственно, имеете в виду?

Вам неметя показать «азербайджанскую угрозу» русским. Чего бы еще придумать? И вот из литовской газеты перепечатывается (уже перепечатанная в Армении газетой «Коммунист») беседа с Гамидом Херисчи — или Хериши, в вашем изящном понимании. Вы даете

слово аж доктору наук, который с юмором обличает незадачливого автора.

Да, много места выделили Азербайджану и его проблемам в этом номере газеты. А то ведь годами имени республики не встретишь на ваших страницах... Тот, кто действительно хочет помочь людям, должен представлять себе, какие средства для этого пригодны, а какие только усугубляют трагедию. Бог вам судья, коллеги.

Кроме этого, авторы письма выражают сомнения в достоверности сообщений беженцев (опять «россказни!»), сообщают, как замечательно живется в одной семье братских народов на земле Азербайджана, как мирно и спокойно сейчас в Баку, и приглашают нас посетить этот город. Но мы погодим брать билеты в Баку... В центральной прессе снова замелькал Азербайджан.

Давайте еще раз перечитаем письмо. Вам, коллеги из Баку, горько было читать материалы номера, посвященного беженцам. Тогда вы должны представлять, как нам горько об этом было писать. По поводу неточностей, лжи и инсинуаций... Это заявление оставляем на вашей совести. Наш корреспондент почти две недели провел в Баку и других районах Азербайджана. Именно в те дни, когда оттуда хлынул поток беженцев. Мы ему верим. Вы вольны не верить. Тогда отсылаем вас к публикации в «Литературной газете» от 7 февраля с. г. «Баку: до и после приказа». Вот что написал спецкор. «ЛГ» А. Кружилин: «К утру 19-го Баку оказался отсеченным от страны пикетами, взвинченным погромами и митингами до полной истерии, с бездействующей милицией и, по сути, с атрофированной местной властью».

Это обобщение — тоже нагромождение лжи? А как быть с публикациями в других газетах? Ведь в наших материалах не было ничего, о чем бы не писала пресса в те горькие дни. Просто все дело в том, что «Литературная Россия» выступила по проблеме именно русских беженцев, о чем почти не писала ни одна союзная газета, о русских с Кавказа, у которых до сих пор нет официального статуса беженцев. Этой позиции не могут простить нашему еженедельнику «интернационалисты» вроде ученых Института литературы.

Вы пишете, что в Баку живут и трудятся десятки тысяч русских. Но их судьба, мол, не волнует «Литературную Россию». Волнует, тут вы не правы, коллеги.

Нам бы хотелось, чтобы она и вас волновала, вас, руководителей русскоязычных средств массовой информации. Однако сейчас нас больше занимают русские, оставшиеся без крова, приехавшие искать защиты и справедливости в Россию. Это наша проблема, приоритетная проблема русских беженцев в России, ибо газета наша — республиканский орган. По этой же причине мы и не писали в свое время об Азербайджане. И не пишем сейчас. Мы пишем о русских, изгнанных из Азербайджана. Чувствуете разницу? Мы пишем, что их плохо принимают в Москве, что они неделями околачивают пороги ведомств. Мы пишем о том, что по инициативе издательства «Современник», общественно-патриотических организаций создан Фонд помощи русским беженцам, о которых пока очень плохо заботится союзное правительство. Вот это и есть наше участие в решении проблемы, это наш путь поисков нормализации.

Отмечая, что беженцы — первые, мы никуда и никого не зовем, в чем вы несправедливо подозреваете газету. Мы пишем горькую правду — это первые беженцы. Потом были вторые — из Душанбе. Вы можете дать гарантию, что не будет третьих? А они уже есть — из Литвы!

По поводу НАШИХ войск... Наши войска — это советские войска. В отличие от других войск, для которых в Баку было припрятано два «КамАЗа» полевой военной формы (см. статью А. Кружилина в «ЛГ» от 7. 02. 90).

По поводу интервью Г. Херисчи мы уже все сказали. Что касается точного написания его имени, то мы, как вы понимаете, лишь перепечатали интервью и не несем ответственности за ошибки наших (и ваших) литовских коллег.

И самое главное: вы обвиняете наш еженедельник не больше и не меньше как в преступлении, ибо «Литературная Россия» якобы раздувает беду. Вы предлагаете «не раздувать»? То есть молчать? Так, например, молчать, как газета «Вышка», которую редактирует один из авторов письма Ю. Иванов? 5 января 1990 года, когда по Закавказью, словно по бикфордову шнуру, уже побежал огонек. «Вышка» на первой полосе дала колонку новостей из Гянджа. Что же писала «Вышка»? Об ударной работе шебеночного завода, о строительстве печи для выпуска гажи, о возведении объектов соцкультбыта

для работников железной дороги. Той самой дороги, которая уже была заблокирована боевиками...

А о чем сообщила «Вышка» читателям 18 января, в самый пик кровавых событий? «Нефть идет, люди работают», «Прибыль сама не прибывает», «Эксперименты московского биолога», «Признание заслуг в области культуры», «Школа искусств» — вот заголовки номера... Да крохотное сообщение «От ЦК КПСС...»

Извините, коллеги, но так молчать мы не умеем. И не хотим. Позвольте усомниться в искренности Ю. М. Иванова, с которой он «удичает» наш еженедельник в «раздувании беды». Скорей всего на руку националистическим погромщикам работало молчание республиканской прессы. А потому и не вам, Ю. М. Иванов с товарищами, взваливать на нашу газету вину за преступление. Нам хватит забот, чтобы поддержать изгнанников, ваших читателей. Действительно, побойтесь Бога, коллеги!

Спасибо всем читателям, кто поддержал беженцев словом и средствами, перечислив деньги на счет №700507 МГУ Госбанка СССР в Москве, филиал 201791, по адресу: 117042, Москва, ул. Житная, 12.

**ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРНОЙ
ЖИЗНИ И ИНФОРМАЦИИ
«ЛИТЕРАТУРНОЙ РОССИИ»**

«Литературная Россия»
06. 04. 90, № 14/1418)

АРМЕНИЯ В 90-Х ГОДАХ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ОПАСНОСТИ*

Автор публикации, которую мы предлагаем вниманию читателей, крупный английский историк, арменовед. Но не только. В публикации, повторяющей с небольшими сокращениями текст доклада, прочитанного им несколько месяцев назад в Оксфордском университете,

* Статья К. Уокера ввиду ее важности включена в сборник в порядке исключения.

немало чисто политических оценок и суждений. Некоторые из них отнюдь не бесспорны. Но бесспорно другое — объективность и дружеское участие в судьбе армянского народа, трезвость и аналитичность мысли, которых нам так порой не хватает.

Итак, взгляд со стороны..

В восьмидесятых годах мы стали свидетелями значительных перемен, касающихся Армении и армянского народа. В первую очередь, это — широкомасштабная кампания за объединение Армении и Карабаха. Эта борьба, начатая самим народом Карабаха и проводимая на протяжении двух лет, продолжается. Нежелание властей принять справедливое и основанное на принципах демократии решение по проблеме не только вызывает разочарование армян, но и создает опасность во всем регионе. Существует возможность расширения и ужесточения конфликта. На протяжении восьмидесятых годов проводилась и другая кампания — за признание геноцида 1915 года. В этом плане достигнут определенный прогресс, в частности, в Европейском парламенте, однако вопрос этот потребует больших усилий и во многом остается на повестке в девяностых годах. В рамках диаспоры заметно большее единство, частично как следствие карабахского движения и отчасти как результат борьбы за признание геноцида. Прошлогоднее трагическое землетрясение на севере Армении также повлияло на рост этого единства. Как бы то ни было, ясно, что задачи, начатые в восьмидесятых годах, потребуют большей работы в девяностых.

Поскольку Советская Армения является единственным на сегодня армянским государством, она и должна быть, в первую очередь, в поле нашего зрения, а не гипотетическая Армения или какая-либо из общин армянской диаспоры. Кроме Карабаха и восстановления севера республики, Армении предстоит решать и другие важные задачи: оздоровление окружающей среды, демократизация общественной жизни. Эти вопросы, вероятно, будут на повестке и в девяностых годах. Однако наиболее важной темой, занимающей умы людей и не сходящей со страниц нашей прессы, является именно Карабах.

Можно лишь поражаться фиаско Комитета особого управления, возглавляемого Аркадием Вольским. Име-

ется много неясностей относительно причин неудачи Вольского и возникает множество вопросов, на которые трудно ответить. Имеется ли у властей, старающихся создать видимость объективности, секретный план в Закавказье, втайне благоприятствующий азербайджанцам? В итоге событий прошедших двух лет позиции азербайджанцев выглядят предпочтительнее. Сегодня вооруженные азербайджанцы окружают Карабах, и Баку навязывает экономическую блокаду Армении. Странно, что Москва не предпринимает никаких акций против агрессивных и насильственных действий Баку. Вооруженные банды азербайджанцев нападают на транспорт с грузами для Карабаха, для Армении, в том числе и с поставками в помощь пострадавшим от землетрясения, грабят и уничтожают их и не несут за это никакой ответственности. Более того, в СССР информация о событиях в регионе подается в благоприятном для азербайджанцев свете. Если и в самом деле все это происходит согласно секретному плану, то как в этом случае следует действовать армянам как на родине, так и в диаспоре? Это — сложные вопросы, которые необходимо рассмотреть, даже если на них нет ясных ответов.

В то же время армяне уже тем, что подняли карабахский вопрос, сделали его злободневным. Мы не должны упускать из виду этот благоприятный для армян фактор. Проблема поставлена на повестку дня. Ее сокрытие и отрицание — прошедший этап. Это открывает определенные возможности. Хотя армяне сейчас и в менее предпочтительной ситуации, возможно, что проявляя достаточно упорства, терпения и дипломатии, постоянно и непоколебимо проводя политическую кампанию, Карабах сможет со временем быть объединен с Арменией. Но, если это и случится, это произойдет не скоро.

В карабахской проблеме есть два аспекта: сама борьба за изменение административного устройства и освещение проблемы, что столь же важно. Следует рассмотреть вопрос освещения проблемы ТАСС и другими советскими агентствами новостей. Почему они не дают беспристрастную информацию по армянской позиции? Сумгаитская резня упоминается лишь вскользь, игнорируется тот факт, что к насилию в Закавказье впервые прибегли азербайджанцы сумгаитской резней. В то же время армян обвиняют за то, что они требуют объедине-

ния Армении с Карабахом, хотя это полностью соответствует идеям перестройки. Справедливые требования демократии и культурной автономии подавляются, а шовинистические выпады Зия Буньятова и его приспешников получают зеленый свет в Баку. Армянское требование Карабаха отличается недвусмысленностью и прямотой. Это могучая и простая идея: справедливость и демократия для народа Карабаха. Поэтому любые власти, неспособные удовлетворить это требование, естественно, должны стремиться затуманить, насколько это возможно, истинный характер конфликта. Отсюда важность манипуляции информацией в карабахском вопросе. Даже если мы не можем объяснить причину подобной манипуляции в СССР, важно признать, что это происходит, и всегда помнить об этом.

Почему такое происходит в СССР, причем в эпоху гласности — это лишь одна из загадок. Но есть и другая: почему западные средства массовой информации следуют советской линии и в основном неудачно освещают или объясняют умеренные и законные требования армян? Мы видим, как московский корреспондент «Нью-Йорк таймс» Билл Келлер соглашается с бакинской версией и скрывает истинную природу конфликта — угнетение карабахского народа азербайджанским правлением. В «Спектейтор уикли» опубликована статья московского корреспондента «Дейли стар», где преобладает антиармянская настроенность. Достойно сожаления и то, что Руперт Корнуэлл из «Индепендента» пишет о конфликте, побывав лишь в Баку, не посетив Ереван или Степанакерт. Фактически в сфере чисто политических дискуссий как в Европе, так и в Америке антиармянские взгляды получили больше поддержки, чем армянская точка зрения. Из сказанного ясно, что за доступ к средствам массовой информации в США армяне должны бороться. Один из примеров, используемых антиармянским лобби, и довольно широко, является то, что борьба за Карабах преподносится не как борьба за демократию и справедливость (т. е. проблема, которую можно решить), а как этническая, родовая, религиозная и т. п. и потому тупиковая, не имеющая решения.

Те, кто поддерживает на Западе карабахское движение, должны выражать свои аргументы просто, ясно и полно. Все, что касается фактического положения кара-

бахского народа, должно получать отражение, комментироваться: ничего нельзя отбрасывать как очевидное. Любой проазербайджанский аргумент или заявление, какими бы абсурдными они ни были, должны комментироваться; их нельзя оставлять без ответа, ибо это будет рассматриваться как свидетельство поддержки азербайджанской точки зрения. Любой аргумент, выдвинутый Зия Буньятовым, должен быть полностью исследован. Необходимо комментировать и статьи западных журналистов, необъективно освещающих проблему.

При продвижении своих взглядов армянам следует быть аналитичными, скрупулезными и точными в деталях. Справедливость требований еще не означает их автоматическую реализацию. Права нужно доказывать, защищать, писать о них, бороться за них, лоббировать на национальных и международных форумах. Призывы за права человека и демократические свободы являются лишь частью политического процесса во всем мире, хотя это самая важная база для любого политического требования. В этих обстоятельствах глобальные заявления неуместны, их не должно быть в обсуждениях по Карабаху. Они лишь усилят стереотипы на Западе, а стереотипы и обобщения не могут помочь. Необходимо создавать подборки конкретных случаев нарушения прав человека, ущемления национальных прав и т. п. Это требует тщательной и кропотливой работы.

Анализ карабахского вопроса показывает, что требования армян в переводе на язык демократии и прав человека звучат намного весомее. Они направлены против утвержденных в Карабахе Азербайджаном с 1923 года беззакония, отрицания естественных прав человека, запрещения обучать детей армянскому языку, поселения азербайджанцев на территориях, оставляемых армянами из-за невыносимых условий жизни на родной земле. Армянам необходимо делать упор на демократические принципы, а это как раз и не получило должного звучания за последние 20 месяцев.

Борьба за демократию и права человека легко может переродиться в конфликт на почве традиционной межнациональной вражды. Мы видели, как это произошло в Ливане и Ольдестере. Было бы трагедией, если бы это случилось и в Закавказье. А это может случиться, если заглухнет голос армян за демократию и его заменит

звонкий призыв к Западу своим христианским братьям и сестрам. Если такой призыв когда-либо прозвучит, тогда конфликт возможно станет неразрешимым. У армян есть уникальный шанс сделать выбор: либо поддержать борьбу в Закавказье, выражая ее суть согласно принципам демократии, либо замуровать конфликт навсегда и неразрешимо в средневековых крепостных стенах племенной ненависти.

Давайте рассмотрим странную приверженность западных журналистов азербайджанской точке зрения и отрицанию возможности изменения статуса Карабаха. Возможно, это следствие журналистской неосведомленности; возможно — результат дружеского давления со стороны азербайджанцев или иного влияния. Но я думаю, что следует учитывать и западный настрой мышления, позволяющий появляться статьям типа келлеровских. Я бы отважился на такую мысль: упрощенческий негибкий западный ум хочет, чтобы весь Запад был христианским и «хорошим», а весь Восток — мусульманским и «плохим», куда можно спроецировать все свое «плохое». Наличие таких восточных наций как армяне, которые являются христианами, идет вразрез с этой базисной категоризацией. Западное мышление как раз не хочет знать о христианских нациях в Азии.

Я понимаю, что это лишь теория и что она может показаться надуманной. Но важно распрощаться с идеями, довольно распространенной среди армян, что другие христианские нации всегда будут помогать им. Это — нереалистическая политика и полностью искаженное отражение реальных связей между людьми и нациями. Язык христиан против мусульман (будучи языком неизменности) не только противоречит интересам армян: это фальшивый и неточный язык и не соответствует историческому прошлому. Христианство как общность существует лишь со средних веков; и лишь с XVII века, т. е. 300 лет, Европа, в каком-то смысле, — христианский континент. Народы Европы омывались волнами океанов рационализма, материализма и демократии. Более того, экономические и стратегические интересы Британии заставили ее рассматривать последние 150 лет в качестве своего главного союзника на Ближнем Востоке не какую-либо христианскую страну, а Османскую Турцию.

Королева Виктория обожала Турцию Абдул Гамида. В 1870-х годах она грозилась отречься от престола, если ее правительство не будет проводить более акцентированную протурецкую политику. Ничто не может более ясно продемонстрировать, насколько нежизненной является идея преданности, верности наций, основанной на религии. Однако именно этой идее до сих пор продолжают придерживаться многие армяне. Это — мертвая идея, которая не продвинет дело армян ни в какой борьбе. Демократия, гармоничные отношения между всеми народами, каково бы ни было их культурное или этническое прошлое — вот принципы, единственно возможные в настоящее время и в будущем. И именно эти принципы представляют армяне, выдвигая проблему Карабаха, хотя они и не очень явственно проглядывают. Народу Карабаха более всего может помочь язык демократии, звучащий громко и ясно. Если вы хотите помочь ему, говорите на языке демократии. Если же вы хотите помочь азербайджанцам, — говорите на языке религиозных различий, крестовых походов и средневековья.

В Армении, помимо Карабаха, на повестке есть и другие важные проблемы. Экологическая борьба — одна из них, и она ведется. Кроме экологической борьбы, есть проблема депопуляции (эмиграции), на которую нельзя закрывать глаза. Выгодно ли Армении да и всему армянскому народу, чтобы тысячи армян эмигрировали в Калифорнию? Нужно ли им давать статус политических беженцев в США? Я не хочу здесь входить в дебаты по этому вопросу, но хочу отметить лишь то, что может быть упущено из виду в дебатах, — что действия имеют последствия.

Другой важной сферой армянской политической активности, конечно, является борьба за признание геноцида 1915 года. Мы должны признать огромные успехи в этом направлении, достигнутые в восьмидесятах: приговор Постоянного Трибунала Народов в 1984 году, принятие ООН 24-го параграфа, подготовленного Бенджамином Витакером, в подкомиссии в Женеве и голосование в Европейском парламенте в Страсбурге в июне 1987 года. Однако не должно быть места благодушию, и армяне должны бороться за каждый дюйм на пути признания своих требований другими мировыми форумами, и это потребует больших усилий. Дело в том,

что, как и с карабахской проблемой, налицо инстинктивная стойкая тенденция, бытующая в некоторых ведомствах и правительствах Европы, как и во всей Америке,— воспринимать, в первую очередь, а возможно и только лишь антиармянскую точку зрения. Мы видели это в ответе госсекретаря США Джорджа Шульца Алексу Манукяну, выразившему армянскую точку зрения. Американские власти показали, что они готовы принять во внимание взгляды тех, кто совершал насилие и несправедливость, но не взгляды и чувства их жертв. Вот структура, в рамках которой ведутся дискуссии о геноциде 1915 года в США. Нужды Турции, ее желания, чувства возмущения и оскорбленного достоинства сразу же и машинально берутся во внимание. Настоящая и прошлая боль, испытываемая армянским народом вследствие уничтожения, чудовищной резни и, как следствие, потеря родины администрацией не воспринимается. Вот почему борьба должна быть продолжена.

Каковы же выводы? Главное, чтобы любое высказывание, исследование по геноциду было как можно более простым, ясным, обеспеченным первоисточниками как можно тщательнее. Можно лишь сожалеть, что армяне так долго полагались на вторичные или сомнительные источники, объясняя случившееся в 1915 году, а не обратились сразу же к лучшим архивным материалам. Жаль, что никто не подготовил сборника на английском языке оригинальных документов из архивов Германии и Австрии, хотя некоторые документы были переведены на французский язык. Необходимость в этом особенно ощущается, когда ведется дискуссия по факту геноцида или когда требуется дополнительная информация по нему: однако такого сборника нет. В этой области в девяностых годах нужно провести огромную работу. Многие важнейшие исследования по армянскому геноциду еще предстоит сделать.

Имеется и большой пробел. Он состоит в том, что не предьявляется понятный мотив геноцида и его обстоятельства. Любый неармянин, когда слышит впервые про геноцид, хочет узнать, почему это случилось. Почему турки убили всех армян? Иногда дается серьезный ответ, по-видимому, правильный: вследствие пантюркизма — создание тюркоязычными народами единого государства на базе турецкого этноса, что предполагает

уничтожение армян. Те, кто не столь хорошо знакомы с историей, говорят, что геноцид совершен, потому что турки являются мусульманами, а армяне — христианами, а мусульмане всегда хотели убивать христиан. Однако это не объясняет, как армяне смогли выжить до тех пор, находясь в мусульманском окружении. Давайте обратимся к самой истории.

В начале этого века, когда с введением османской конституции было поставлено под сомнение традиционное превосходство турок, они стали искать новую идентификацию. Были три альтернативы. Первая — османизм, поиск общего османского патриотизма, независимо от расы или происхождения. Вторая — ислам, который обещал трудности не только с христианскими народами, но и христианскими державами, и, кроме того, многие лидеры новых турок придерживались атеистических и позитивистских взглядов. Третьей альтернативой был тюркизм, доктрина, незаметно перешедшая в пантюркизм.

Итак, что же выбрали турки? Они выбрали тюркизм, и к 1911 году младотурки были полностью пропитаны тюркистскими идеями. Приняв тюркизм, турки отбросили ислам. Поэтому веру армян в то, что все их несчастья исходят из мусульманской природы османской империи, определенно нужно поколебать. Триумvirат младотурок: Энвер, Талаат и Джемаль были неверующими. Они никогда не ходили в мечеть. Они даже не были втайне неверующими, как султан Абдул Гамид. Все же очень часто, когда читаешь об армянском геноциде, видишь, что не только особо подчеркивается исламская природа турок, но, что более серьезно, не выявляется истинная и угрожающая природа тюркизма.

«Бютюн Тюрклер бир орду»: это жестокая и ужасающая суть тюркизма. Это не цитата из Корана. Это лозунг, отточенный Зия Гекальбом, который и является истинным мотивом убийства сотен тысяч армян в Кемахе, Мексине и Тер-эль-Зоре. Погромы в Сумганте в феврале 1988 года также говорят об этом. А много ли армян знают, что означает этот лозунг, и многие ли смогут объяснить его значение неармянам? Этот лозунг означал смерть для армян. Сколько турецких текстов, отражающих сущность «Бютюн Тюрклер бир орду», было переведено с турецкого языка на английский или

французский? Пока они не будут переведены, всегда останется пробел для тех, кто ищет серьезного и продуманного объяснения событий 1915—16 годов. Сегодня неармяне — конгрессмены, парламентарии, министры иностранных дел или члены комитетов защиты прав человека — хотят понять, просто те, кто мог бы им помочь понять, еще этого не сделали. Исследовал ли кто-либо в печати концепции «Туранчилик», «Тюркюлюк» и «Тюрклюк», используя тексты того периода? Насколько я знаю — нет. Будем надеяться, что к концу девяностых годов, когда будут опубликованы некоторые тексты, указывающие на жестокую, грубую антиармянскую природу, основанную на расизме, пантюркизме, каждый интересующийся сможет постигнуть суть проблемы.

Для сравнения посмотрим, какой тезис об армянах наиболее известен во всем мире. Это гитлеровское заявление, сделанное накануне нападения на Польшу: «В конечном счете, кто сегодня помнит об армянах?». А это заявление даже не касается ситуации, когда бы под угрозой был армянский народ. Оно касается совершенно другого комплекса обстоятельств и другого народа. Я могу лишь удивляться, что армяне продвигают такое заявление про другой народ, сделанное через 24 года после самих событий, и не заостряют внимание на мотивах своего собственного геноцида. Это явно тот случай, который психотерапевты называют замещение: фокусировка на состоянии других людей, поскольку, возможно, концентрация на собственном состоянии слишком болезненна и трудна.

Никто не отрицает, что армянам трудно обращаться к этим делам. Искать идеологию, санкционирующую геноцид, — значит пристально вглядываться в самые темные сферы человеческого зла, возможно, в наиболее запретные сферы, являющиеся табу. И все же, если мы хотим хоть как-то понять, что же случилось с армянами в 1915 году, все это должно быть исследовано и мысленно все страдания должны быть пережиты исследователем. К сожалению, без обращения к самым темным сторонам человеческой сущности нельзя достичь сколько-нибудь исторически правильного понимания геноцида армян.

Другой момент, на который надо обращать внимание, — это высокий интеллект турецких лидеров периода

первой мировой войны. На своих тайных советах образованные турки, особенно доктора, были наиболее способными, изощренными и дальновидными торговцами смерти и расовых убийств. Армяне часто концентрируют внимание на фигуре вульгарного политика Талаата. А я говорю, обратите внимание на получивших европейское образование докторов Бехаеддина Шакира и д-ра Назима и вы найдете истинных типажей иттихадистов — убийц, людей утонченных и спокойных манер, которые просто провели работу по планированию уничтожения армян. Исследуйте их труды и деятельность: читайте произведения Зия Гекальба. Вот задачи на девяностые годы.

В США и в европейских странах, следующих в фарватере американской внешней политики, имеется нечто вроде набора интересов, препятствующих ясному изложению армянской точки зрения или реалистичному отражению армянской проблемы. Возможно, в это свой вклад внесли и сами армяне в своем стремлении угодить западному обществу с его предрассудками относительно всего восточного.

Однако сотрудничество между народами и разрушение стереотипов будут способствовать созданию благоприятной атмосферы для того, чтобы армянский вопрос был услышан. Прежде чем обратиться к природе правды и неправды на Кавказе, нужно, чтобы были условия, при которых армяне будут услышаны.

Кампания по дискредитации прошлого Армении и ее сегодняшних требований подкрепляется коварным использованием денег правительством Турции. В частности, программа исследований по современной Турции Института восточных и африканских исследований (SOAS, London University) получила годовое пожертвование в сумме 10.000 фунтов стерлингов от турецкого правительства. Я желал бы знать, какова степень независимости этих исследований после такого подарка, не повлияет ли это на свободу исследований институтом проблем курдов и других национальных меньшинств в Турции, левых сил и даже самой структуры государственного устройства с наличием восьми типов полицейских сил, причем все восемь — вооруженные? Я думаю, что можно быть уверенными, что армяне не будут рассматриваться.

Как бы ни сожалели мы об упадке британских академических традиций и методов, в какой-то мере нужно отдать должное умной акции турецкого правительства, сумевшего внести свои «годовые субсидии» в момент, когда университеты и их исследовательские программы открылись для субсидирования иностранными правительствами по мере размывания британского интеллектуального наследия и стандартов.

В свете официальных турецких дотаций SOAS интересно узнать, что пишут турки об армянах, что они сейчас публикуют? Недавно я посмотрел книгу, изданную в Стамбуле под заголовком «Армяне в истории и армянский вопрос». Автор — Эсат Урас. Это перевод книги, изданной впервые в 1950 году в Турции, с некоторыми дополнительными материалами. Эта книга является одновременно и неточной, и напыщенной и, местами, злобно расистской. Ее содержание демонстрирует мышление средневекового тюремщика, но не гражданина современного государства, называющегося республикой. В ней подтверждается позиция, выражаемая в огульных нападках на армянскую историю, язык, культуру и общество. Отрицается не только их право на стремление к лучшей доле, развитие культуры и т. п., но и сама их этническая самобытность. Резня Абдул Гамида игнорируется, а геноцида 1915 года не было и не могло быть, если судить по информации в этой книге. Эту книгу можно действительно назвать пособием для башибузуков. Даже в старые османские времена публиковались более здравые и современные взгляды, касающиеся армян.

В самой Армении сегодня ведутся дискуссии относительно будущей ориентации страны: нуждается ли все еще Армения в России как защитнице против пантюркизма или такая позиция свидетельствует о рабской психологии, присущей колониям, поскольку старые идеи пантюркизма мертвы, государства, окружающие Армению, заняты сейчас своими собственными проблемами. В этом контексте я бы хотел сказать следующее: давайте помнить о физической кампании азербайджанцев против армян — Сумгаит, Кировабад, Баку, каждодневные убийства в Карабахе. Давайте также помнить, что азербайджанцы открыто призвали к аннексии Зангезу-

ра, и, насколько я знаю, совершили несколько нападений на Зангезур.

Физическая кампания — это с одной стороны. Теперь посмотрите, что происходит к западу от Армении. Физической кампании нет, но есть постоянная кампания интеллектуального терроризма, крайне расистские нападки, являющиеся фактически призывом к уничтожению армян. Вот это и представляет собой книга Эсата Ураса и именно эту книгу власти нашли целесообразным опубликовать в 1989 году. Нет ли тут взаимодополняемости между физическими нападениями на армян в Баку и интеллектуальными нападениями на них из Анкары.

Удивительно, что в дебатах о будущем Армении никто, по-видимому, не хочет исследовать позиции двух империй: России и османской Турции, поделивших Армению между собой в колониальный и постколониальный периоды. Необходимо сравнить и противопоставить их. Конечно, Россия действовала и действует в отношении Армении в колониальной манере. А разве Турция — нет?

Естественно, со времени возникновения карабахского вопроса было много критики в отношении подхода Москвы к Армении. И действительно, есть что-то очень странное и расстраивающее в том, как Москва подходит к решению проблем Кавказа, причем и в действиях, и в манипуляциях информацией. Однако между Москвой и Арменией нет идеологических противоречий. Москва не стремится к отрицанию Армении и не утверждает, что Армения — это лишь древнее географическое понятие, как это делает Анкара. Может быть, советский коммунизм не лучшее лекарство для Армении в настоящее время, однако надо подумать и о том, а какова может быть альтернатива. По-моему, нельзя забывать о судьбе Северного Кипра. Никто особо ничего не сделал для вывода турецких войск оттуда. Если Турция двинется на Армению, когда русским в конце концов надоест быть объектом ругани со стороны армян, то мир, по-моему, останется равнодушным. Трудности Армении с Москвой являются случайными, тогда как конфликт с Турцией и тюркизмом на данном этапе является глубоким и идеологическим.

Какие бы перемены ни произошли в девяностых годах, я не предвижу особых изменений в Турции в отношении армян. Отсутствие какой-либо интеллектуальной гласности, по-видимому, будет сохраняться. Это означает, что останется корректируемая история, отрицание ярких фактов османской (турецкой) истории, появление одобренных государством материалов, вместо серьезных академических исследований. Все же некоторые турецкие журналисты-эмигранты ставят под сомнение правильность акцентов в турецких ценностях, а именно оспаривают ценность достижений государства и армии в ущерб правам человека, человеческой самобытности и мировой культуре. Хорошо, что имеет место такая постановка вопроса и, возможно, армянам следует отреагировать на нее и поддержать ее.

Один из возможных способов противостоять господствующей официальной антиармянской идеологии Турции — это показать, что она идет вразрез с надеждами Турции вступить в политический союз, в Европейское сообщество. Если удастся показать, что культурные и политические репрессии в тех масштабах, в каких они практикуются в Турции, не приемлемы для Европы, это может заставить призадуматься. Может быть, целесообразно напомнить, что, варварски разрушая величайшие армянские церкви, Турция разрушает прекраснейшие архитектурные памятники, имеющие важное значение для истории архитектуры именно той группировки, к которой она хочет присоединиться. Конечно, нельзя быть уверенным, что будут реальные результаты, однако попробовать стоит.

В условиях угроз со стороны Азербайджана и Турции и отсутствия ясности в политике Москвы в области межнациональных отношений Армения переживает трудные времена... Не может быть, чтобы на политической карте Кавказа и северо-западной Азии появились абсолютно новые союзы. Возможно, хотя и маловероятно, ослабление или же прекращение власти России в регионе. Заявления г-на Горбачева по прибалтийским республикам, особенно по Литве, указывают на приоритетность сохранения существующих границ СССР. Можно предположить, что то же самое верно и для Закавказья. Но в любом случае армянам следует предусмотреть и эту возможность: ослабление Советской власти, особенно,

если усилится давление Грузии с требованиями об отделении. Каковы в этом случае перспективы для Армении?

Не имеющая выхода к морю страна на Кавказе совсем не то же, что такая же страна в Европе. О каком-либо союзе с Азербайджаном или Турцией не может быть и речи, поскольку эти страны придерживаются стойкой антиармянской идеологии.

Другой момент, который, по-моему, армянам следует знать, это изменившаяся вследствие очевидного окончания холодной войны ситуация в Турции. Турция всегда пользовалась военной, дипломатической и экономической поддержкой пропорционально ожидаемой угрозе, исходящей от России (имперской или советской). Поэтому, если окажется, что угроза из Москвы действительно уменьшится (а в данный момент оказывается, что так оно и есть), то отпадет и фактор, побуждавший оказывать Турции всяческую помощь. В результате госдепартамент США может продемонстрировать независимость в отношении вопросов, затрагивающих интересы Турции, хотя, как я могу судить, это произойдет не очень уж скоро. Я бы все же настоятельно советовал не строить воздушных замков и не впадать в иллюзии (как это склонны делать некоторые), что с первым дуновением ветра перемен полностью вступит в силу Севрский договор.

Перспективы для армян в девяностых годах будут очень отличаться от тех, которые были раньше. Я лишь надеюсь, что армяне диаспоры достаточно осведомлены о сегодняшних реалиях и имеющихся возможностях, чтобы смогли использовать в своих интересах создавшуюся ситуацию. Обстоятельства сегодня требуют большой гибкости ума, огромных знаний в области идеологии и истории, знания настроений и предрассудков Запада, а также умения делать правильные выводы. Не будет преувеличением, если сказать, что в Армении сейчас возможно любое развитие событий. Армяне должны иметь соответствующую стратегию для любой из возможностей, иначе они буквально рискуют стать жертвой второго геноцида. Архаичное и закостенелое мышление, старые конфликты, разъединявшие армян диаспоры последние шестьдесят с лишним лет, конечно, уже не приносят пользы. Хорошо, что разлад церкви, в сущности, прео-

долен, однако жаль, что в армянских общинах перемены происходят, преодолевая сопротивление, вместо того чтобы была готовность к сближению, когда появляется возможность. Если армяне диаспоры должны помочь своим соотечественникам на родине, то, по-моему, в самой диаспоре должно быть более серьезное и большее взаимопонимание, а также широкая осведомленность в международной политике.

Возможности армянской диаспоры оказать помощь в борьбе своих соотечественников в Степанакерте и в Ереване во многом ограничены. Но она может содействовать этой борьбе, пропагандируя ее, приковывая к ней внимание, добиваясь признания справедливости этой борьбы, как на государственном уровне, так и в прессе.

Постоянная поддержка диаспоры чрезвычайно важна для продвижения дела соотечественников на родине, для достижения справедливого урегулирования в Закавказье после десятилетий несправедливости и отрицания естественных прав населения Карабаха. Давайте пожелаем им удачи в эти опасные и трудные для них времена. Давайте также твердо решим делать то, что реально может быть сделано на Западе, чтобы помочь им в борьбе за справедливость и безопасное будущее.

«Коммунист» 24 мая 1990 года

КРИСТОФЕР УОКЕР

№ 115 (17002)

Я ОТКРЫЛА СВОЮ АРМЕНИЮ

Только недавно случилось мне прочитать анонимное письмо русской женщины из Ставрополя в МВД Армянской ССР, опубликованное в газете «Коммунист» 24 февраля 1990 г. Я тоже русская. Я тоже мать солдата. Работаю уборщицей в одном из детских садиков Смоленска. Так сказать, простой русский человек. Но не могу себе представить, что письмо писало мыслящее существо. Иначе как понять, что до сих пор человек не попытался разобраться в том, что происходит между двумя союзными республиками, не взглянул на карту

Закавказья? 72 года в русских душах убивали духовность. И преуспели! Горько видеть, что вокруг так много людей, у которых «проблема колбасы» затмила все, кому свои волосы дороже чужой головы. Я хочу дополнить ответ журналиста.

25 месяцев назад я тоже мало что знала об Армении и Азербайджане. А потому произошедшее в Сумгаите меня потрясло. Но еще больше потрясло то, как отреагировали на это наша пресса, наши власти. Не могла понять, как могло, практически безнаказанно, случиться такое в великой державе мира, что или кто заставил наши власти укрывать бандитов? Много воды утекло с тех пор, но и сейчас мне не понятно, как может находиться на своем посту генеральный прокурор Союза тов. Сухарев, который должен олицетворять собой справедливость, основанную на строгости закона.

Сейчас очень многие требуют, чтобы была дана политическая оценка сумгаитских событий. Именно безнаказанность разнесла кровавые семена из Сумгаита в Фергану, Новый Узень, Абхазию, Баку.

Если бы была такая возможность, я бы обратилась к каждой матери Союза со словами: «Если вы не хотите, чтобы пролилась кровь вашего сына, брата, мужа — решительно защищайте сыновей и дочерей любого народа, безвинную кровь которых проливают погромщики!»

Жизни ваших мужей или сыновей угрожает опасность потому, что, узнав о резне в Сумгаите, именно вы не потребовали строгого суда над убийцами! Именно вы живете с коростой равнодушия на душе, которая не позволяет вам самим вникнуть в суть конфликтов.

Не стыдно ли нашей центральной и областной прессе за то, что у людей такая каша в голове? Но это мое письмо не о роли прессы в одурачивании народа, в данном случае русского. Это особый и долгий разговор. А я вновь обращаюсь к «матери солдата внутренних войск» с просьбой не идеализировать русский народ, не впадать в розовый шовинизм: мы такой же народ, как и сотни других. Мы разные. И каждый найдет в русском человеке то, «куда смотрит сам». Вы пишете: «...русский народ такой великодушный...» Да. Есть такое. А приходилось ли вам читать или слышать о еврейских погромах и о том, что идея борьбы с «жидо-масонским» заговором

жива и поныне? Хотя каждому честному, не зараженному фашизмом человеку понятно, что еврей-рабочий, еврей-интеллигент по пользе своей Отечеству имеет больше права называться россиянином, чем какой-нибудь лодырь и алкоголик русский.

Вам непонятно, почему многие относятся к русским не так хорошо, как нам того хотелось бы? А потому, на мой взгляд, что многие народы Союза и Восточной Европы отождествляют русский народ и тех коммунистов, ошибки и преступления которых теперь общеизвестны. И пока мы не восстанем против такого отождествления, нам не следует ждать только приветливых улыбок от поляка, прибалта, венгра и многих других. А еще потому, что и среди других народов есть люди ленивого ума и сердца, как вы, как я. Они еще долго не поймут, что руками русских простых невежественных парней пользовались вожди-преступники, называя эти преступления служением Отечеству или интернациональным долгом.

Вам непонятно, почему армянам так дорог «клочок земли» НКАО? А вы представьте себе, что живете в одной половине Ставрополя, подчиненного народу, дискриминирующего основное население, т. е. вас, а ваши родители остались на свободной территории. Хотели бы вы воссоединиться со своими родителями? Вы ведь, наверное, знаете, что даже М. С. Горбачеву и руководителям Азербайджана пришлось признать, что была дискриминация армян в Карабахе.

Я не могу заниматься политическим ликбезом. Сами просыпайтесь от летаргии. И если вас интересует история отношения России и Армении, то вы узнаете, что издавна за свои прорусские настроения Армения платила жизнями тысяч своих сыновей.

Вы не могли не читать о том, что тысячи беженцев и русской национальности выехали именно из Азербайджана. В упрек им и таким депутатам, как Ярин, хочу сказать о том, что, если бы они подняли голос протеста, когда появились первые беженцы (независимо, какой национальности), то одним не пришлось бы стать беженцами, а другим — создавать фонд помощи русским беженцам. Теперь не секрет, что и через границу в Азербайджан поступало оружие. Ведь границу с Ираном разрушали и с этой целью.

Вы возмущаетесь тем, что армянские парни для защиты жизней захватывали оружие и в музеях. А вам не показалось святотатством то, что в Азербайджане город Кировабад переименован в Гянджу? И не заинтересует ли вас, почему азербайджанским властям и лидерам НФА так неприятно имя Сергея Мироновича Кирова — одного из честнейших руководителей Советского Союза? Наверное, вы не знали, что в Азербайджане уничтожены памятники великим сынам армянского народа, родившимся на земле теперешнего Азербайджана, даже таким, как знаменитый полководец маршал Баграмян, не знали, как уничтожали армянские церкви (даже засыпали искусственными холмами), но о том, что при разгроме границы жители, или, как теперь говорят в сводках МВД, лица азербайджанской национальности, разрушали христианские кладбища — вы не могли не читать. Возмущались ли вы таким изуверством?

Этими напоминаниями я не хочу у читающих вызвать чувство неприязни к азербайджанскому народу. Уверена, большинство его — люди честные. Просто хочу докричаться до чувства справедливости у «матери солдата внутренних войск», которое, может быть, поможет ей понять, почему убийцы из Сумгаита на свободе, а к «боевикам»-армянам власти так строги.

В заключение хочу сказать, что до «сумгаита» я думала и знала об Армении и Азербайджане чуть больше, чем, к примеру, о Зимбабве. И мне тоже могли бы сказать: «...вашей вины тут немного». Всех так плохо учили. Но тревога и возмущение погнали меня на Кавказ: в Сумгаит, Баку, Ереван. Оба отпуска (за 88-й и 89-й годы) я была там, и то, что я теперь знаю, — малая часть верхушки айсберга. Но все-таки хоть что-то. Я ездила. Смотрела. Слушала. Я открыла свою Армению. Поняла, что там живут наши братья, которых мы, россияне, вольно или невольно предали, изначально оставили в беде.

ЛЮДМИЛА из Смоленска

От редакции:

Автор письма просила поставить именной такую подпись, но ее адрес и фамилия редакции известны.

«Коммунист» 17 июня 1990 г.

НУЖНА ПРАВДА

30 мая ЦТ показало репортаж о том, как группа армян «перестреляла» советских солдат на окраине Еревана. Те, в кого стреляли, потеряли убитыми одного человека, те кто стрелял, десятки. Странно... Опять раненые и убитые. Иные ни в чем не виноваты. Офицер показал дом, от которого велась стрельба. Рассказал, как солдаты оборонялись, и как они аккуратно это делали, чтобы не пострадали жители. Потом показал оружие, отнятое у армян-«бандитов». И все это было правдой. Единственно, что не сказали телезрителям, — с чего же все началось? Просто так? На пустом месте?

Не знаю, как другим, но мне эта передача напомнила бесчисленные «афганские репортажи», с 1980 года и по 1989 заполнявшие наш «голубой экран». Там тоже наши мирные, добрые ребята помогли сеять хлеб, строить школы, а бандиты-душманы за это стреляли в них из-за угла. И пятнадцать тысяч матерей у нас в стране не дождалась своих сыновей. И почти миллион афганских — тоже. А потом шок на всю трехсотмиллионную страну: оказывается, нас там не ждали и туда не звали! Оказывается, мы принесли на их землю и кровь, и смерть, и голод, и пять миллионов беженцев. Есть виноватые? Нету. Были да вышли. «Дорогие покойнички» — Брежнев, Устинов, а кто третий — забыла. Да и неважно это. Важно (хотя с Афганистаном не все еще ясно и кому-то все еще не хочется расстаться с остатками «афганской идеи»), что душманов, то есть бандитов, мы стали уважительно называть муджахедами. И впереди нас ждет полная правда об этой войне, которая, может, будет не менее страшной и такой же пронзительной, как правда о Калитниковском кладбище, «Золотой горе» под Челябинском и Катюни. Но так или иначе часть правды про Афганистан мы уже получили.

Может, пора подумать про Армению? И, говоря о том, что там происходит, начинать с начала, а не с конца. Ведь армянские парни-«бандиты» не развлекаются тем, что стреляют в русских, молдавских или украинских ребят, а доведены до отчаяния ложью или умалчиванием всех наших средств информации и в первую очередь ЦТ, политикой, не защищающей слабого и тем

разрешающей разгул насилия по принципу «сила есть — ума не надо». Погибшие солдаты не виноваты в том, что их привезли на эту землю. Но те, кто их туда послал, — не идут ли они по пути зачинателей афганской авантюры? Они обязаны были задуматься, чем закончится многомесячное напряженное пребывание армии в городе, где отродясь не было национальных конфликтов. Только кровью. Есть же психологи — военные, государственные и всякие прочие — и, наперс, должны с ними консультироваться государственные и военные руководители страны.

У нормального человека, хоть сколько-нибудь осведомленного о том, что было с Арменией и в Армении за эти два года, в голове не укладывается, как могло совершиться столько несправедливого за столь невеликий срок. Я задаю себе тьму вопросов и ни на один не нахожу ответа.

Почему наша гласность в этом вопросе всегда не срабатывает?

Почему письмо Андрея Дмитриевича Сахарова, которое он принес в «Московские новости» в марте 1988 года, было опубликовано отрывками и до сих пор неизвестно стране?

Почему страна не видела по ЦТ фильм о Сумгаите?

Почему мы не знаем, были ли осуждены участники погромов в Сумгаите и в других местах? Кто и где их судил? Почему телезрителям не были показаны суды?

Почему были арестованы после землетрясения члены комитета «Карабах» — единственные люди в республике, которым доверял народ? Почему, когда были почти миллионные антиармянские митинги в Баку из-за того, что армяне якобы вырубает священную рощу в Топхане, стране и Азербайджану не показали это место? Все бы увидели, что никакой рощи нет (и не было никогда). Не верите? Спросите у Вольского. Он достаточно долго был в Карабахе.

Почему солдаты, депортирующие армян из Карабаха, говорят, что это необходимо, как как армия не может гарантировать безопасность? Почему фактически продолжается блокада Армении и особенно Карабаха, несмотря на решение Верховного Совета? Правда, на последние два вопроса лично я ответ знаю — потому что армия торчит в Ереване, где ее присутствие является

объективно провокационным, вместо того, чтобы охранять дороги и быть демаркационной линией между враждующими людьми.

Только получив от ТВ и других наших «органов гласности» ответы на эти вопросы, страна сможет понять, что произошло, что происходит с нами. А в газетах на все лады звучит: «информация должна быть правдивой и взвешенной». Интересно, как это сочетать? Ведь правда только тогда, когда она полная, а если взвешенная (кем? по чьему мнению?), то она будет полуправдой, четвертьправдой и в конце концов — ложью.

Не вспоминая наше общее «далекое», стоит еще раз вспомнить Афганистан — как раз тот случай, когда мы девять лет жили «взвешенной» правдой. Год назад в Армении вышла книга «Сумгаит в показаниях свидетелей». Сегодня она опубликована в США и в Англии. Ни слова от составителя. Только голоса тех, кто пережил те дни — сплошная кровоточащая рана. Их воспоминания, как разговор с собой. Не перед камерой, не в микрофон, не для печати. Так говорят в темноте ночи себе, молча, сжав губы. А ты читаешь. Глаза заливают слезы, ноет то ли сердце, то ли душа. И жгучий стыд, что это случилось здесь, в мое время, в моей стране. И ты вроде как соучастник. И память снова возвращает тебя в те дни.

Сумгаит потряс армянский народ. Потряс жестокостью, цинизмом. Потряс азербайджанский народ организованностью и безнаказанностью. А вся необъятная страна — одна шестая планеты — по сей день не колыхнулась. Она не знает правды. Гласность? Хоронили погибших, разыскивали тела пропавших. Бастовала Армения. Бастовал Карабах. С экрана телевидения российский рабочий класс упрекал, мол чего они не работают, мы из-за них плана не выполняем. Хотелось отвести глаза от экрана, чтобы не видеть лиц людей, которым в очередной раз заморочили голову.

Бесспорно, Сумгаит получит историческую оценку. Но как же они запаздывают эти наши исторические оценки, будь то Советско-Германский пакт (в свое время подписание документа с аналогичной оценкой, вынесенной Верховным Советом СССР, составленного нашими друзьями прибалтами, стоило добавочного пункта в наших уголовных приговорах), ввод войск в Афгани-

стан и многое подобное. Сейчас страшно, что постоянно запаздывает трезвая оценка того, что происходит в эти уже перестроечные годы. А уж смотреть на два хода вперед — ни-ни.

Опаздываем! И сразу же стремительно несемся вперед к следующей беде. А других «вперед» у нас в последнее время не отмечается. Я думаю, что сегодняшнее политическое топтание на месте нашей страны и всеобщее неверие корнями уходят в предсумгаитские дни.

Карабах, может, первым поверил в лозунг «Вся власть Советам» и законным решением своей Советской власти постановил идти тем путем, который выбрал народ — 75 процентов людей, живущих на этой земле. Армения поддержала это движение. Оно было именно перестроечным, и если против, то только против сталинского способа решения, какому народу где быть и как жить. Не поняв этого, власть защитила только сталинскую Конституцию, больше никого, даже себя. Нигде в стране и больше никогда не было у перестройки и ее лидера такой поддержки, как в Армении и Карабахе. Вспомните главный лозунг тех дней: «Горбачев — да». Но страх перед любым массовым народным не санкционированным движением — изначальная доминанта нашего государства. Власти испугались. Их страх дал возможность темным силам устроить Сумгаит. Началась ложь. Стыдно вспомнить, как высокие чиновники твердили стране — мы опоздали на три часа, это была кучка хулиганов и т. д.

И покатила на нас с Карабаха (вроде как преступного — вспомните летнее (1988 года) заседание Президиума Верховного Совета СССР и полукрытого Сумгаита) лавина трагедий: провокации вокруг Топханы, Кировабад, Тбилиси, Фергана, Узень, Абхазия, Осетия, Киргизия... Еще долго будут с ними разбираться комиссии Съезда и Верховного Совета. И разгул насилия. И потоки беженцев. Без войны умудрились стать страной беженцев. Сколько их — армян, азербайджанцев, русских, татар, месхов, евреев, немцев? И даже на «отца народов» нельзя сослаться...

А потом новый ужас — Баку. Высокое светлое небо, пирс, уходящий далеко в море. Девичья башня... На улицах жгут людей, завернутых в ковры и облитых бен-

зином... И танки... Господи, Боже ж ты мой... Что же еще у нас будет? И каждый ищет ответ — надо ли было вводить войска? Для чего? Спасать людей или спасти власть. Ну например, Везирова? Хоть и вчерашний день, но...

В декабре 1988 группа москвичей вместе с Сахаровым была в Закавказье. Встреча с первым секретарем ЦК КП Азербайджана. Везиров два часа, как на сцене, читает нам лекцию об азербайджанско-армянской дружбе. С трудом Андрей Дмитриевич пробился через его рокошущий, привычноораторский голос. Рассказали, с чем приехали. Не заметил. Опять о дружбе: «Мы — народы-братья». Я и скажи, что братья, бывает, ссорятся, но в беде забывают прошлое. Вот землетрясение — такая беда. Вы обижены, что мир не замечает вашего дружелюбия. Отдайте армянам сейчас Карабах. Ведь там сейчас нет клочка земли, чтобы приткнуться. Весь мир ваш народ на коленях поблагодарит. И песни в веках петь будут. Видели ли вы его лицо, когда он отрубил: «Землю не дарят. Землю завоевывают. Кровью». И еще повторил со вкусом: «Кровью!» Так закончился разговор с властью в Баку. Везиров обещал кровь. Она пролилась!

Вот и Баку стало прошлым. Как быть дальше? Самый частый ответ — не вспоминать эти два года. Начинать с трагического января 1990. Но у нас теперь все месяцы трагические. Ничего нам это не принесет, если не начать с начала этого страшного двухлетия. Руководство должно, обязано рассказать стране всю цепь своих ошибок, бездействия или недопустимых действий. Рассказать правду теперь. Пока теплится еще малая надежда на наш парламент. И не бояться ни мусульман, ни христиан, ни даже атеистов. И понять, наконец, что виновником всех наших бед является страх. Страх властей потерять свою власть.

Может, мне, полуармянке, полуеврейке, не надо было это писать. Лучше написала бы женщина-азербайджанка, спасшая армянскую семью. В книге о Сумгаите приведены ее слова, сказанные во время сумгаитского погрома: «Посмотри, что творится, ведь мой ребенок видит это, завтра он будет такими же вещами заниматься». Это предупреждение всем нам. Если мы не найдем пути

сделать так, чтобы государство было для людей, а не люди для государства, — наши дети, наши внуки станут толпой озверелых нелюдей.

г. Москва.

ЕЛЕНА БОННЭР
«Коммунист», 19 июня 1990 год

ГАЗЕТА «АРМАНДЖ» О ПОЛОЖЕНИИ КУРДОВ

В последние годы зарубежная курдская периодика не раз публиковала статьи об армяно-курдских отношениях, положении в закавказском регионе, отмечая справедливый характер стремления армян Арпаха к воссоединению с матерью-Арменией. Выходящая в Швеции и широко распространяемая в странах проживания курдов газета «Армандж» («Цель») недавно поместила обширную статью о положении курдов в СССР и арцахской проблеме.

Автор статьи, курдский публицист Хасан Мзгин выступает с интересными размышлениями об изменениях, происходящих в СССР и социалистических странах, подчеркивает их исторически неизбежный характер. Анализируя проблему межнациональных отношений в СССР на современном этапе, автор статьи пишет: «Я был крайне удивлен, ознакомившись с одной публикацией относительно положения курдов в Азербайджане. Почему? Да потому, что в ней постоянно повторялась фраза о том, что в Советском Союзе курды не имеют никаких проблем, их национальный вопрос решен». «Я склонен был когда-то верить этому, — продолжает он, — потому что верил «вождю» Сталину. Увы, оказалось, что мы обмануты». Курдский публицист приветствует сам факт признания нерешенности национального вопроса в СССР и отмечает, что это явилось результатом того, что «интернационализм и равноправие остались на бумаге». «Идеи интернационализма, — размышляет автор статьи, — в некоторых местах и для некоторых народов остались мертвым словом. Показательный пример тому — Азербайджанская республика».

Обосновывая свою мысль, Х. Мзгин пишет: «Если одна «социалистическая» (кавычки автора — Ш. М.) республика вследствие разногласий подвергает блокаде другую республику, закрывает транспортные дороги, ведущие туда, и тем самым ставит другой народ в тяжелое положение, то это не что иное, как насмешка и издевательство над интернационализмом». «Действия Азербайджана против Армянской республики хорошо иллюстрирует характер азербайджанского интернационализма», — заключает автор свою мысль.

Х. Мзгин видит органическую связь между политикой, проводимой в Азербайджане в отношении армян, и положением курдов в этой республике. «В курдском вопросе деяния Азербайджана также показывают, что Азербайджан находится на позициях не Ленина, а Сталина». Он отмечает, что игнорирование национальных прав курдов, их депортация и ассимиляция представляют собой составные части национальной политики в Азербайджане. «Политика в отношении курдов является частью политики, проводимой по отношению и к другим народам. Эта реальность иллюстрируется насилием, применяемым Азербайджаном против армянского населения».

Достойны внимания размышления автора о растоптанных национальных правах курдов и армян после первой мировой войны как результат международных дипломатических и политических сделок (от Севра до Лозанны). «Планы создания армянской и курдской государственности, — пишет он, — окончательно были захоронены вследствие коварной и нечистоплотной политики Мустафы Кемаля и сил, поддержавших его». По мнению Х. Мзгина, эта политика имела свое продолжение. «Эта политика Мустафы Кемаля и его единомышленников продолжалась в Азербайджане... Выполняя заветы своего духовного вождя, руководители Азербайджана начали ассимиляцию курдов, а часть Армении насильственно включили в пределы своих границ». Автор справедливо замечает, что «именно это является причиной того, что в Азербайджане никогда ни слова не говорится и не пишется о чудовищных преступлениях Турции против курдов».

Говоря о факторах, лежащих в основе политики, направленной как против армянского, так и курдского

народов, публицист пишет: «В политике, направленной против курдов и армян, слова и дела Азербайджана и правительства Турции исходят из одной основы. В вопросе о правах курдов и геноциде армян Турция дипломатическими трюками и другими действиями, старается отвести внимание международной общественности от широко распространенных и известных фактов». Автор критикует «абсурдность утверждений азербайджанских руководителей о якобы «добровольном» характере ассимиляции курдов». И дальше: «С другой стороны, они (руководители Азербайджана — Ш. М.) притворяются глухими перед справедливыми требованиями армян Нагорного Карабаха». «Эти политические линии взаимосвязаны и имеют один исторический корень», — делает вывод автор.

Подытожив свои мысли в конце статьи, Х. Мзгин пишет: «Совершенно очевидно, что в курдском вопросе позиции азербайджанского и турецкого руководства сходятся».

Ш. МГОЯН,
доктор исторических наук,
профессор

«Коммунист» 28 июня 1990 года

О СТАТЬЕ В. РАММА И ВОКРУГ НЕЕ

1. «ВОКРУГ НЕГО» ДА ОКОЛО

Так хочется охарактеризовать статью Владимира Рамма «Межнациональный конфликт? Нет! Но что тогда?» о пребывании в Азербайджане по приглашению НФА («Час пик» от 21 мая с. г.). При том, что статья написана живо, и хочется надеяться, искренне, ее нельзя назвать удачной. К сожалению, серьезность темы, за которую взялся В. Рамм, констатирует с поверхностным, чтоб не сказать легкомысленным, подходом к ее разработке. Не хотелось бы втягиваться в полемику по поводу отдельных фактов (впрочем, довольно немногочисленных), затронутых в статье. Поучительнее проанализировать коренные пороки в самом подходе к проблеме.

1. КТО ЕЗДИТ В ТУЛУ ЗА АРБУЗАМИ, ТОМУ ДОРОГА ЗА САМОВАРАМИ — В АСТРАХАНЬ

От очевидца, пробывшего в Азербайджане по приглашению НФА почти два месяца, интересней всего было бы узнать о положении в этой республике и в первую очередь о самой этой организации — Народном фронте Азербайджана, о которой говорят и пишут очень по-разному и далеко не всегда со знанием дела. Обо всем этом в статье В. Рамма сказано очень мало, а об НФА — просто ничего. Взамен этого читателю предлагается пересказ услышанных В. Раммом (и, по-видимому, им разделяемых) суждений об армянских боевиках. Кто же был информатором Владимира Рамма? Читатели: «представители внутренних войск, МВД и КГБ Азербайджана рассказали нам о трех независимых военных формированиях, базирующихся на территории Армении...» и т. д., об окладе жалования рядовых и командиров, внутренней структуре формирования, их численности (40 тыс.), об иностранном вооружении. Все это, как можно понять, без предъявления каких-либо документальных подтверждений: «рассказали нам...» — и все. В одном романе Стругацких это называется «слухи, рекомендованные к распусканию». На чем основывается доверие В. Рамма к неназванным «представителям»? Надо полагать, что если представители тех же учреждений беззастенчиво лгали комиссис А. Собчака по Тбилисским событиям, то уж В. Рамму сокрут, не моргнув глазом. Странно, что его не насторожило точное совпадение цифры 40000 с оценкой численности боевиков НФА, данной ранее министром Язовым.

Следовало бы обратить внимание и на полную нелепость утверждения об иностранном вооружении армянских формирований. В отличие от Азербайджана, имеющего по ту сторону госграницы соплеменников и единоверцев, Армения граничит с откровенно враждебной Турцией и отнюдь не дружественным Иранским Азербайджаном, и границы эти были и остаются, не в пример некоторым другим, в полной неприкосновенности. Так что заграничное оружие могло бы быть доставлено в Армению лишь в результате тщательно спланированной серии контрабандных операций, небольшими порциями, и, скорее всего, по воздуху. Никаких сведений о за-

держании ввозимого в Армению из-за границы оружия от пограничников или таможенников, как известно, не поступало, следовательно, это оружие, если оно существовало, попало в Армению «не наследив». Значит, наши друзья «представители» могли его идентифицировать только в том случае, если оно — иностранного производства. Но какой простофиля станет рисковать разоблачением и ввозить оружие иностранных марок, если стараниями нашего ВПК мир нашпигован автоматами Калашникова и другой советской военной техникой? Стоило ли ехать на 55 дней в Баку за этой «лапшой для ушей», если ее ежедневно и в избытке поставляет «Красная Звезда»? Между прочим, миф об иностранном оружии привозил в Ленинград член правления НФА Этибар Джафаров еще в октябре 1989 года. Изложенные здесь элементарные соображения он парировать не смог. Сказанного, к сожалению, еще не достаточно, чтобы установить, где родился этот миф — в НФА или в КГБ, ибо Э. Джафаров связан с обеими этими организациями. По его словам, он (тележурналист по профессии) выполнял для КГБ съемки с вертолета во время Сумгаитского погрома. Впрочем, как говорили автору настоящей статьи (хотя за достоверность этих сведений он поручиться не может), за отъездом Э. Джафарова из Ленинграда последовал звонок из НФА, дезавуирующий его выступление и характеризующий его как самозванца.

2. ГДЕ ЭТА УЛИЦА, ГДЕ ЭТОТ ДОМ?

С непростительной небрежностью В. Рамм обращается с такими теперь, увы, далеко непрозрачными понятиями, как «азербайджанская деревня (село)» или «армянская деревня (село)». Так, например, за термином «армянская деревня» может скрываться:

- 1) деревня, теперь и прежде населенная армянами;
- 2) пустующая деревня, в которой прежде жили армяне, ныне оттуда изгнанные или бежавшие;
- 3) такая же деревня, населенная теперь азербайджанцами (возможно, беженцами), пришедшими в уже пустые дома;

4) то же, но с той разницей, что деревню населяют люди, изгнавшие ее законных жителей.

Число возможных вариантов удваивается, если учесть, что деревня может находиться на территории одной из двух республик, и еще удваивается, если слово «армянская» обозначает не исходный, а нынешний этнический состав ее населения. Очевидно, столько же толкований у понятия «азербайджанская деревня».

Нетрудно понять, что в зависимости от того или иного толкования многие сообщаемые В. Раммом сообщения, в частности, его бойко, но не очень вразумительно описанное приключение на БТР, приобретают совершенно различную окраску.

Статья, вообще, изобилует недоговоренностями и умалчиваниями. Члену комиссии ЛНФ по межнациональным отношениям следовало бы знать, а зная, не таить от читателей, что рассказанный ему ст. лейтенантом Есиным инцидент с «девятнадцатью армянскими пастухами» уже нашел отражение в официальной печати, где он толкуется совершенно противоположным образом. (Ереванская газета «Коммунист» 11. 04. 90, корреспонденция журналиста Власенко, по данным которого эти люди были захвачены на армянской территории военными, вторгшимися из Азербайджана). Проглочено и продолжение этой истории, Рамм пишет: «Возбуждено 19 уголовных дел. Потом следователи из центра уехали. И... тишина». Что это за «тишина», которую не дерзает нарушить В. Рамм? Что стало с задержанными: отпустили, возвратили в Армению, увезли в «центр», оставили в азербайджанской тюрьме? Неужели нет разницы?

3. В СТИЛЕ ПЛОХОГО ДЕТЕКТИВА

Описывает В. Рамм обнаруженные неизвестно где, кем, когда и чьи человеческие останки со следами истязаний. Нельзя о таких вещах говорить полунамеками. Без указаний на то, кто убийца, кто жертва, без точной ссылки на источник информации это сообщение приобретает характер легкомысленной, а потому кощунственной бравады своими острыми впечатлениями.

Показательно, что в своей статье В. Рамм не касается карабахской проблемы, слово «Карабах», вообще, ни разу в статье не встречается. За этим без труда угадывается тактика Народного фронта Азербайджана, чьим гостем был Владимир Рамм. Известно, что НФА в качестве предварительного условия любых контактов с армянскими представителями выдвигает категорическое требование не касаться карабахской проблемы. Уклоняются от таких обсуждений и миссионеры НФА, прикомандированные к различным общественным организациям, депутатским группам, проповедующие на митингах. Что же, можно об этом и помолчать, но (перифразируя известное изречение), когда умолкают дипломаты, в разговор вступают пушки. Кому это выгодно? — спросим мы словами В. Рамма.

5. СПРАШИВАЙТЕ, НО И ОТВЕЧАЙТЕ

В. Рамм совершенно прав в том, что «межнациональная рознь является не причиной конфликта, а следствием». Но что же является причиной? Вопросительным знаком заканчивается и сама статья и ее заглавие. В. Рамм держится в рамках умеренного свободомыслия недавнего прошлого, когда и на то, чтобы спросить, нужно было набраться духу. «Межнациональный конфликт? Нет! Что тогда?» — спрашивает В. Рамм. Автор настоящей статьи берется ответить на этот вопрос во второй ее части.

II. ОТВЕТ НА ВОПРОС В. РАММА

1. КРЕМЛЕВСКО-АРЦАХСКИЙ КОНФЛИКТ

— Вот тот стержень, на который нанизываются все коллизии в многострадальном регионе. Возьмем на себя смелость утверждать, что с первых дней арцахского (карабахского) национально-освободительного движения Кремль повел против него непримиримую войну на уничи-

тожение, которая в последние месяцы приобрела вполне открытую форму.

Думается, не нужно объяснять, почему кремлевские власти в той или иной степени и форме преследуют либерально-демократическую оппозицию от демплатформы в КПСС до Демократического союза. Вследствие информационной блокады, воздвигнутой вокруг Карабаха, мало кто осознает, что пионером едва ли не всех демократических начинаний в нашей стране является карабахское движение. Попробуем обосновать этот тезис.

1. Программа большинства демократических движений предусматривает получение большинства в Советах и проведение своей политики через эти органы власти. В Ленинграде первая часть этой программы выполнена буквально на днях, и работа нового Ленсовета только начинается. Несколько дальше продвинулись балтийские республики. В НКАО эта задача была решена к февралю 1988 года, и 20 февраля Областной Совет НКАО принял, по-видимому, первое в истории СССР решение, не продиктованное вышестоящими инстанциями, преодолев при этом мощное давление партийно-бюрократических верхов АзССР.

2. Более радикальные силы, например Демсоюз, отвергают работу в Советах и призывают к созданию альтернативных структур власти, но реальных успехов на этом пути не демонстрируют. В Карабахе к необходимости таких структур пришли летом 1989 года после того, как власти распустили Облсовет. В результате этого был создан Национальный совет НКАО, принявший на себя всю полноту ответственности и пользующийся огромным авторитетом у населения.

3. Учредительное собрание существует сейчас лишь в радужных мечтах радикал-демократов. В Карабахе роль учредительного собрания сыграл Съезд народных представителей, избравший Национальный совет НКАО и принявший другие основополагающие решения.

4. Идея референдума носится в воздухе, но нигде в СССР не реализована. Историческое решение Облсовета НКАО от 20 февраля 1988 года было основано на результатах т. н. технического референдума, в ходе которого подавляющее большинство населения высказалось за присоединение к Армении.

5. Пионером в деле национального самоопределения большинство читателей полагает, видимо, Литву. Как видим, Карабах опередил ее на два года.

6. То же можно сказать о «партийном» самоопределении. Нагорно-Карабахская организация КПСС отложилась от КП Азербайджана задолго до XX съезда Литвы.

7. По-видимому, первая в новейшей истории страны политическая стачка произошла в Степанакерте в феврале-марте 1988 года.

2. СНАЧАЛА — МЫТЬЕМ

Случись все это несколько раньше, расправа была бы скорой и откровенной. Облсовет — к стенке или в тюрьму, всех карабахских армян — следом за крымскими татарами. Но к началу 88-го года имитация строительства правового государства была в самом разгаре, и властям пришлось изобретать более сложные ходы. Наряду с быстро исчерпанными мерами (перестановки в местном руководстве, волеречивые обращения, неисполнимые партийно-правительственные постановления и обещания) главная ставка была сделана на разжигание национальной ненависти среди окрестного азербайджанского населения, провоцирование кровавых столкновений, которые оправдали бы самые крутые меры. Параллельно с этим была организована и продолжается доселе кампания дезинформации в печати, на радио и ТВ, цель которой — представить карабахское движение как кучку оголтелых экстремистов, жуликов и казнокрадов.

Первой пристрелкой можно считать Аскеранское побоище на подступах к Степанакерту на следующий день после сессии Облсовета НКАО. (Сколько убог арсенал «кремлевских мечтателей» и как, тем не менее, плохо мы его изучили. Не то же ли самое произошло на днях в Риге, где коротко остриженные представители «общественности» с неуспешными разглядиться рубцами от фуражек на лбу и красными флагами в руках пытались устроить свалку на пороге Верховного Совета?) Все последовавшие затем кровавые события двух лет, включая сумгаитские, бакинские погромы, суть не что иное, как недолеты и перелеты залпов, выпущенных по Степанакерту.

Особенно показательны в этом отношении январские события в Азербайджане. Многие недоумевают, почему центральные власти так долго терпели погромы в Баку и не только не вводили войска, но и не задействовали войска, находившиеся в городе, почему почти месяц позволяли беспрепятственно громить госграницу. Предположение, что власти забеспокоились, когда погромщики, расправившись с армянами, набросились на русских, не выдерживает критики. Нынешнее положение русских беженцев в Москве, вынужденных пикетировать ВС РСФСР, показывает, что они интересуют Кремль не больше, чем жертвы Сумгаита или суверенитет Азербайджана. Все станет ясным, если предположить, что все эти «фокусы», террористам позволялись до тех пор, пока сохранялась надежда их руками устроить резню в непокорном Карабахе, а прогулки через границу нужны были, в частности, для того, чтобы запастись оружием и боеприпасами. Когда же стало ясно, что бандиты не оправдывают возложенных на них надежд, и в Карабах, защищаемый ополченцами, ворваться не могут, а предпочитают громить беззащитных инородцев и подбираются уже к партгосучреждениям, решено было прекратить становившуюся все более рискованной затею, что и было исполнено 20 января с. г.

3. НЕ МЫТЬЕМ — ТАК КАТАНЬЕМ

Когда в свое время в Москве иссякли надежды на то, что удастся справиться с афганской оппозицией силами кабульского режима, Москва уничтожила проштрафившегося Амина и ввела в дело свои войска. Когда в январе 1990 года иссякли надежды на то, что удастся справиться с карабахским движением руками снаряжаемых в Баку боевиков, Москва свергла Везирова и ввела свои войска в Азербайджан. Кто-то должен был заменить не справившихся с задачей бакинских боевиков. Эту роль взял на себя ограниченный контингент советских войск под командованием ген. Сафонова, введенный в НКАО. В истории Кремлевско-арцахского конфликта начался новый этап — этап прямого военного подавления.

Чем занимаются военные в Карабахе? Тем же, чем занимались в Афганистане: силой насаждают власть

кабульского (пardon — бакинского) правительства. В области введен жесткий оккупационный режим. Приказами № 1 и № 125 от 20. 01. и 25. 04 коменданта района особого положения (см. газ. «Советский Карабах» от 20. 01 и 29. 04) запрещены митинги, демонстрации (включая первомайскую), театрално-зрелищные мероприятия. 24 апреля военные напали на траурное шествие, посвященное 75-летию геноцида 1915 года, имеются пострадавшие и задержанные.

Запрещена деятельность армянских общественных организаций и Национального совета НКАО. Фактически пресекается и деятельность местных органов Советской власти. Генералу Сафонову принадлежит неологизм «несанкционированная сессия» в применении к областному Совету народных депутатов. Запрещено использование множительной, звуко- и видеозаписывающей, радио- и телепередающей техники. Приказано изъять звукоусиливающую аппаратуру. Все почтовые отправления подвергаются досмотру. Не работают местные радио и ТВ.

Ограниченный контингент ген. Сафонова перенял от вооруженных формирований НФА на заботы по блокированию дороги Горис—Лачин—Степанакерт, так что блокаду НКАО осуществляют теперь вооруженные силы СССР. Связь с Арменией разрешена только по воздуху, причем число самолетов ограничивается военной комендатурой. Еще более суровой блокаде подвергнуты населенные армянами Шаумяновский район и Геташенский подрайон АзССР, которые отрезаны войсками и от Армении, и от НКАО, сообщение с ними возможно только вертолетами.

Большая часть президиума Национального Совета отсидела месяц без суда и следствия в Ростовской тюрьме, с ними и некоторые другие видные деятели области, например, зам. главного редактора областной газеты.

4. ЕЩЕ ДВУХ ЗАЙЦЕВ ТЕМ ЖЕ ВЫСТРЕЛОМ

Открывая необъявленную войну против Карабаха, в Москве преследовали еще две цели: нейтрализовать оппозиционные движения в Армении и Азербайджане,

сравнить их между собой и подтолкнуть к экстремизму и терроризму, ибо при вынужденной оглядке на общественное мнение с террористами справляться легче, чем с мирной ненасильственной оппозицией. Это в разной степени и в разном качестве удалось в обеих республиках. В Азербайджане все оппозиционное движение приняло, по-видимому, откровенно экстремистский характер, все едва прозвучавшие при создании НФА задачи социального, культурного и т. п. характера были вскоре отставлены. В настоящее время самое гуманное средство в арсенале НФА — блокада железных дорог.

В Армении партгосаппарату удалось ссылками на внешнюю опасность, зависимость от поддержки из Москвы и тому подобные вещи притормозить развитие демократического движения, убедить многих в неактуальности задач общедемократического характера в настоящей тяжелой обстановке. Это проявилось, например, в дискуссии по поводу пресловутого п. 6 в ВС Армении осенью 89-го года.

5. ВЕК ЖИВИ — ВЕК УЧИТЬСЯ

в том числе и у своих противников. С таким пожеланием хотелось бы обратиться к деятелям либерально-демократического движения народным фронтам, МДГ, МАДО и т. д. Как видим, кремлевский истеблишмент очень тонко распознал в карабахском движении своего непримиримого противника. Видимо, это произошло раньше, чем осознали это сами карабахцы, которые в феврале-марте 1988 года с доверчивостью, заставляющей вспомнить 9 января, выходили на митинги с портретами Горбачева и просили его «лично» приехать в Карабах, от чего их быстро отвадили последовавшие меры партии и правительства. Наверное, в сходной стадии находятся сейчас балтийские республики, где подчеркнутой лояльностью и сговорчивостью во всех вопросах, кроме главного — самоопределения, пытаются заслужить снисходительность Москвы. Литва продвинулась несколько дальше двух других республик, и к ней по карабахскому сценарию уже применили блокаду, однако поскольку ни Белоруссия, ни Калининградская область на роль Азербайджана не годятся, блокаду пришлось откровенно декретировать из Кремля.

К. ВОЕВОДСКИЙ

25 мая 1990 г.
г. Ленинград

От редакции:

Совершенно очевидно, что искомая статья В. Рамма, вернее, ее содержание — не более чем заправка для К. Воеводского, построившего вокруг заданной темы достаточно серьезный политологический трактат. Отдавая должное стремлению ленинградского журналиста внести свою лепту в «разъяснение» причин межнационального конфликта, следует вместе с тем, на наш взгляд, с определенной долей скепсиса подходить к подобным точкам зрения, даже К. Воеводского. И не только потому, что все намного сложнее и вместе с тем проще.

В свое время российские социал-демократы сумели привлечь на свою сторону многих пламенных революционеров Кавказа (в основном армян) тем, что разоблачили преступную роль царских властей в разжигании (в имперских, конечно, целях) межнациональной армяно-татарской войны 1905 г. Разоблачили, доказали, назвали врага (царское правительство и, шире, общественный строй!) и направили против него революционный порыв бакинского пролетариата и национально-освободительное движение армянской буржуазии. Поскольку само собой подразумевалось (и, естественно, прямо обещалось), что с победой в России революции и уж тем более с приходом РСДРП к власти все национальные проблемы будут решены, а национальные чаяния — удовлетворены. Как они были «решены» и «удовлетворены» — известно. Обжегшийся на молоке дует на воду. Где гарантии, что проявившиеся на новом историческом витке очередные российские (то бишь союзные) радикалы и демократы с приходом к вождельной власти пожелают (мы уже не говорим о возможностях) решить и удовлетворить законные, вытекающие из всех международных правовых норм — те же, что стояли на повестке в начале этого мрачного века — наши требования и чаяния? По сути, армянскому национально-освободительному движению предлагают впрячься (вновь) в общедемократическую упряжку...

«Комсомолец» 12 июля 1990 г.

«ПРЕДОТВРАТИТЬ ВТОРОЙ ГЕНОЦИД АРМЯН»

30 мая в репортаже Центрального телевидения рассказывалось, как группа армян в пригороде Еревана открыла огонь по солдатам Советской Армии. Снова погибшие и раненые. Ни в чем не повинная молодежь. Офицер показывает какой-то обстрелянный дом, уверяет, что солдаты лишь защищались, защищая также и жителей. Потом он показал отобранные у армянских «бандитов» боеприпасы. Все правильно. Только телезрителям не было сказано, что было причиной всему этому, с чего все началось. Не знаю как другим, но мне эта передача напомнила бесчисленные афганские «репортажи», которые с 1980-го по 1989-й год наводняли наши телевизоры. И в Афганистане, казалось, наши смелые и миролюбивые ребята помогают сеять зерно, строить школы, а банды душманов их обстреливают.

Неужели по этой причине 15 тысяч матерей в нашей стране и около миллиона в Афганистане больше не ждут своих сыновей? А душевный удар, нанесенный 300-миллионному населению? — Оказывается, нас там не ждали, даже не звали, это мы сеяли на земле этих людей смерть и голод, превратили в беженцев пять миллионов людей. Есть виновники?

Ни один нормальный человек не может поверить,
что возможно сделать так много ошибок
за столь короткое время

Нет, были, но теперь уже их нет в живых — «наши дорогие покойники» Брежнев, Устинов и еще третий, чье имя я запомнила.

Хотя не это главное, а то, что в вопросе Афганистана не все еще выяснено, многие с трудом забывают «афганскую идею», удивляются, почему мы душманов, то есть бандитов, теперь называем уважительно муджахедами.

Будущее, возможно, вскроет всю правду об этой войне, которая, думаю, будет не менее потрясающей и страшной, чем правда о недавно обнаруженном недалеко от Москвы Калитниковском кладбище — сталинской

мясорубке, правда о горе Доре близ Челябинска или правда о катынской бойне польских офицеров. Тем не менее, мы так или иначе уже кое-что знаем про Афганистан, пора, пожалуй, вернуться к Армении, и описывая что сейчас происходит там, дойти до истоков. В конце концов, не ради удовольствия молодые армянские армянские ребята «бандиты» стреляют в русских, молдавских и украинских парней. Их довели до отчаяния ложь и молчание всех средств массовой информации, и в первую очередь Центрального телевидения, а также те политики, которые, не защищая слабых, делают возможной эскалацию насилия по принципу «сильный всегда прав». Конечно, убитые солдаты не виноваты, что их послали в Армению, но те, кто сделал это, не прощигают ли они новую афганскую авантюру? Они давно должны были додуматься и снять тяжелое, многомесячное военное давление с города, где никогда не было самого ничтожного межнационального столкновения. Нельзя все решать с помощью крови. Наши гражданские и военные руководящие органы должны были обсудить эти вопросы с военными психологами, со своими официальными советчиками.

Ни один нормальный человек, как бы мало ни был информирован о всем том, что произошло за последние два года в Армении, не может поверить, что возможно сделать так много ошибок за столь короткое время. Я и сама задаюсь вопросами, ответы на которые не могу найти. Почему наша гласность оказалась столь бессильной в армянском вопросе? Почему из письма Андрея Сахарова, которое он направил в газету «Московские новости» в марте 1988 года, был опубликован лишь отрывок, да и тот остался почти неизвестным в нашей стране? Почему Центральное телевидение не показывает кадры о Сумгаите? Почему мы практически ничего не знаем о суде над организаторами сумгаитского и других погромов? Кто их судил, когда? Почему по телевидению не показан суд? Почему сразу после землетрясения арестовали членов комитета «Карабах» — то есть тех, кому больше всего доверял народ? После этого ареста в какой дырявый мешок провалилось 85 процентов союзной и международной помощи? Поскольку говорят, что после того как армяне «осквернили» святой лес Топхана, в Баку состоялся почти миллионный антиармянский

митинг, почему эту местность не показали ни всей стране, ни хотя бы народу Азербайджана? Ведь все бы увидели, что подобного леса не существует (и никогда не существовало), там только и только дачи азербайджанских номенклатурных работников. Не верите мне — спросите А. Вольского, присланного из Москвы управлять Карабахом, он довольно долго оставался там.

Пусть эти дачи увидит азербайджанский народ, 33 процента которого живет ниже уровня бедности. Почему блокада Армении, и в частности Карабаха, продолжается, несмотря на решение Съезда народных депутатов? Честно говоря, лично я знаю ответ на последний вопрос: армия вместо того, чтоб охранять дороги и создавать разделительную линию между противоборствующими сторонами, остается в Ереване, где ее присутствие играет роль только раздражающего фактора.

Только тогда, когда по телевидению и с помощью других средств информации, созданных гласностью, прозвучат ответы на эти вопросы, страна узнает, что произошло и что сейчас происходит в Армении. Все газеты и радиостанции все время повторяют, что информация должна быть «убедительной и взвешенной». Интересно, возможно ли такое? Правда только тогда правдива, когда она цельная. А если она взвешена (к тому же не ясно, кто должен взвешивать, какой мерой?), то превращается в полуправду, в четверть правды, в конечном счете — в ложь. Чтоб не залезать в дебри нашей истории, вспомним еще раз Афганистан и то, как мы долгие девять лет жили во «взвешенной» правде.

Изданная в Армении год назад книга «Сумгаит. Глазами очевидцев» уже вышла в свет в Соединенных Штатах и в Англии. В книге без всяких комментариев звучит голос тех, кто пережил дни кровавых мучений. Эти воспоминания — не интервью, зафиксированные видеопленкой или звукозаписывающей техникой, данные прессе, а монологи.

Причина всех наших несчастий — страх властей — страх потерять власть

Каждый будто бы разговаривает сам с собой, наедине, не разжимая губ, не произнося вслух ни слова. А ты, ты читаешь, и глаза твои наполняются слезами, сердце

сжимается. И жгучий стыд охватывает за то, что это произошло здесь, при твоей жизни, на твоей земле! Чувствуешь себя виновной, воспоминания вновь возвращают тебя к тем дням.

Сумгаитская резня своей жестокостью и цинизмом дестабилизировала армянский народ, своей организованностью и безнаказанностью — азербайджанский народ. А эта бескрайняя страна, занимающая шестую часть земли, до сих пор никак не проявила своего отношения, потому что не знает правды. Гласность ищете? — Пожалуйста. Покойников похоронили, искали тела пропавших без вести, Армения бастует, Карабах — тоже. По телевидению русский рабочий класс укоряет: «Они не работают, и поэтому мы не можем выполнить план». Хочется отвернуться от экрана, чтоб не видеть лиц тех людей, головы которых опять наполнили ветром.

Несомненно, Сумгаит удостоится суда истории, но очень уж запаздывают у нас суды истории — будь то германо-советский договор, вторжение в Афганистан или многочисленные подобные события. Страшно подумать, что приговор всему тому, что происходит в наше перестроечное время, также будет запоздалым. И без того мы уже опоздали в выборе правильной дороги в будущее и, не видя уже перспективы, все время попадаем в объятия несчастий. Думаю, топтание на месте нынешней политики нашей страны и всеобщее недоверие готовят нам новые сумгаиты.

Карабах, пожалуй, первым поверил в лозунг «Вся власть Советам!» и решением областного Совета одобрил избранный 75 процентами населения путь — то есть путь воссоединения с Арменией. Армения в свою очередь поддержала это движение, которое вытекало из духа перестройки и противопоставлялось только власти сталинского типа, которая сама решала, какой народ кому должен подчиняться, где должен жить. Не понимая этого, власть защищала сталинскую Конституцию более чем что-либо, даже — свое собственное существование. В нашей стране нигде и никогда перестройка и ее лидер не имели таких защитников, как в Армении и в Карабахе.

Вспомните главный лозунг тех дней — «Горбачеву — да!» Но для нашего правительства характерен страх перед любым самородным движением народных масс.

Правительство испугалось, и именно это дало возможность неуправляемым силам разнуздать Сумгаит. Начался поток лжи. Стыдно даже вспомнить, как высокопоставленные руководители уверяли народ: «Мы опоздали только на три часа, это были дикие банды».

Как последствие неудачного сокрытия погромов в Карабахе и Сумгаите (будто бы виноваты местные армяне — помните летнюю сессию Верховного Совета 1988 года?) на нашу голову обрушился поток трагедий — ужасы Топханы, Кировабад, Тбилиси, Ферганы, Узеня, Абхазии, Осетии... Позже комиссии Конгресса и Верховного Совета долгое время будут стараться понять причины обоюдного насилия — правительства и народа, а также все новых потоков беженцев. Мы без войны смогли стать страной беженцев. Сколько их — армяне, азербайджанцы, татары, месхетинцы, евреи, поволжские немцы. Не знаешь, что и сказать «маленькому отцу народов».

И вот новое бедствие — погромы в Баку. Высокое, светлое небо, уходящий к горизонту волнорез. Девичья башня. Не видя сама, я уже любила этот город по рассказам отца. Он был из тех, кто устанавливал Советскую власть в Баку и Ереване. Для чего? На улицах завернутых в ковры людей обливали бензином, поджигали, а танки... Господи боже мой, что нам еще предстоит пережить! Каждый хочет получить ответ — нужно ли было вводить в город войска? Для чего — для спасения людей или власти? Например — Везирова. Опять его?

...В декабре 1988-го, когда с Сахаровым и одной московской группой мы были на Кавказе, имели встречу с первым секретарем Везириным. Он нам, как актер, прочел речь об армяно-азербайджанской дружбе. Андрею Сахарову с большим трудом удалось перебить опытного оратора. Объяснили, почему мы пришли. Никакого отклика. Продолжал говорить о дружбе: «Мы — народ-братья». Я вынуждена была сказать, что даже между братьями бывают споры, но во время несчастья все забывается. Неужели землетрясение не несчастье? Вы обижаетесь, что мир не замечает вашей доброй воли. Отдайте Карабах армянам, потому что в Армении не осталось ни пяди земли, пригодной для жизни, и весь мир коленопреклоненно выразит благодарность вашему народу. Нужно было видеть его лицо, когда он меня

перебивал: «Землю не отдают, ее завоевывают — кровью!» Самодовольно повторил: «Кровью». Вот так завершилась наша встреча с бакинскими руководителями. Везиринов обещал кровь. И сдержал свое обещание.

Теперь и Баку в прошлом. Что делать? Самый пространственный ответ — забыть последние два года, игнорировать события января 1990 года. Но теперь в нашей стране и месяца не проходит без трагедий. Мы ни к чему не приходим, если не вернемся к этим двум страшным годам.

Правительство обязано признать перед народом свои многочисленные ошибки, бездействие или неприемлемые действия. Правду надо сказать теперь, пока еще мы связываем хоть какие-то надежды с нашим парламентом. Сказать, не боясь ни мусульман, ни христиан, ни даже атеистов. Понять, наконец, что причина всех наших несчастий — страх властей. Страх потерять власть.

В течение бессонных ночей я то перед пишущей машинкой, то перед телеэкраном, где идет трансляция съезда российских коммунистов. Семьдесят лет звучат одни и те же слова. Опять, как и всегда, попытки поставить идеологию превыше всего, потуги создать военнопатриотическое общество, запугать Западом. Опять, как и всегда, пустословие под ширмой защиты интересов трудящихся. Опять, как и всегда... С одной целью — крепко, до конца удержать власть в своих руках, с надеждой — может, страна еще раз поверит. Но возможно ли, чтоб в одной стране было 300 миллионов дураков?

Когда работаю или смотрю столько, что глаза начинают смыкаться, ложусь без сна и рождается сумасшедшая мысль написать Горбачеву, будничными, простыми словами, объяснить, что было бы хорошо, если бы он не вошел в историю как ответственный за второй геноцид армян. Затем добавить, что все мы смертны, а зло остается в веках. Он должен понять, что лично может спасти Армению и армянский народ. Не слишком ли много крови пролилось в нашем веке на этой планете? Две мировые, гражданские войны, геноцид армян 1915 года, геноциды евреев, Камбоджи, наш ГУЛАГ. Не хватит? А все те молодые азербайджанцы, армяне, русские, которые собственной кровью окропили розовые камни Кавказа?

**Не слишком ли много крови пролилось
в нашем веке на этой планете?**

Неужели всего этого мало для Президента самой большой страны, занимающей одну шестую часть земли? Но услышит ли он? Нет! Так же, как на заседании Верховного Совета не услышал Андрея Сахарова, который говорил: «Для Азербайджана Карабах — вопрос престижа, для армян — жизни и смерти».

Может, не надо, чтобы я, полуармянка-полуеврейка, писала все это, может, будет лучше, если это сделает та азербайджанка, которая во время сумгаитских погромов спасла армянскую семью. В сумгаитской книге она говорит: «Посмотри, что делается. Мой ребенок тоже видит это, и завтра будет делать то же самое». Это для всех нас должно быть предостережением. Если мы не найдем способ, чтоб правительство существовало для народа, а не народ для правительства, наши дети и внуки станут бездушными дикарями.

ЕЛЕНА БОННЭР
«Фигаро», 20 июля 1990 г.

ЧЕРНЫЙ САД

В этой войне нет победителей, но сиротеем мы все...

На перевале прикорнула туча. Густой туман окутал зеленые кроны. И черную, без иголок, мертвую сосну.

В январе из-под ее веток поднимался высоко в небо жирный, клубящийся дым. Люди, нападавшие с оружием в руках на одно из сел, жгли тела своих жертв: солдаты на их пути появились случайно...

— Не верю! Докажите! — кричал русский человек, отец солдата. А невеста солдата, русская девушка Катя, и мать его, рано поседевшая Серафима Васильевна, обнявшись, рыдали в сторонке. На страшное пепелище легли цветы.

Капитан С. Осетров, ефрейтор А. Мороз, рядовые В. Федотов и А. Прижимкин для родных — все еще живые, лишь только пропавшие без вести. Следователи, которые завершают свою скорбную работу, говорят о

другом. Родители, в который раз прилетая в Карабах за правдой, не соглашаются с очередными версиями, спорят, плачут.

Карабах — «Черный сад» в переводе. Для многих людей воспоминания о нем еще долго будут изматывать душу в кошмарных снах.

Сегодня в селе Азат армян нет. И в соседнем Камо — нет. А в Чайкенде, затерянном в горах, и теперь еще с подозрительной осторожностью встречают каждую машину. Люди напуганы. Память января держит их в напряжении: мужчины часть собираются группами, обсуждают что-то. Есть ли у них оружие? Говорят, что есть и что в случае нападения оно будет стрелять.

А пока боевые заставы внутренних войск стерегут покой. Или — затишье? Войска выполняют роль сдерживания. Если завтра по каким-либо причинам они уйдут, опять прольется кровь?

На границе между двумя республиками есть свои «горячие» точки. Они — там, где в непосредственной близости друг от друга располагаются азербайджанские и армянские села. Местечко Бархударлы — из «горячих» точек.

Едва наш вертолет приземлился на открытой площадке, как несколько спецназовцев, взяв его в кольцо, изготовились вести огонь по окрестным сопкам. Оттуда исходила опасность.

Все время, пока мы разговаривали с начальником здешней заставы Виктором Вакульчуком, мощный ствол бронетранспортера выжидающе водил по сторонам. На всякий случай.

— Ведь мы здесь, как на передовой, — говорит офицер. — Что ни день, то стрельба. Позавчера, например, перестрелка длилась с половины двенадцатого ночи и почти до пяти утра. Пострадавших среди солдат нет. Среди нападавших — двое убитых...

Фронтовые сводки? Очень похоже. Но при всем при том страдают не только боевики, но и мирные жители. Армяне или азербайджанцы — не все ли равно? Если кто-то умирает, сиротами становимся мы все...

Пятилетняя Юля Осетрова, дочь пропавшего без вести капитана, расплакалась на руках у своей бабушки. Ее успокаивали, тянули конфетки — а она, содрогаясь всем телом, плакала еще горше. Еще невыноси-

мей. Мы отворачивались, ведь мы ничем уже не могли помочь...

Я долго не смогу забыть эту картину. Вспоминал беззащитную девочку, когда трясся в вертолете и смотрел на горы, где проходит ставшая опасной граница. Когда ранним утром в расположении одной из частей беседовал с ребятами-спецназовцами, крепко сложенными и уверенными в себе, но считающими неоправданным свое пребывание здесь. Когда в Степанакерте вглядывался в лица играющих на улице детей... рядом с боевой техникой, что охраняет площадь и здание обкома.

В этом здании, где расположились комендатура района чрезвычайного положения и республиканский оргкомитет по НКАО, я чувствовал себя в безопасности. Пожалуй, теперь отдаю себе отчет: это обманчивое впечатление. Но тогда, вечерами, когда над площадью рыскали прожекторы, когда солдаты в бронжилетах и с автоматами наизготовку, ожидая нападения, вглядывались в темноту, беспокойно было на сердце. Или мне передавалось беспокойство тех, с кем я делил кров? Ребята-азербайджанцы из пресс-центра оргкомитета считали дни до конца своей командировки.

— Дембелы! — радовался, как дитя, пожилой человек, потому что завтра ему прибывала смена и потому что завтра он снова окажется в относительно спокойном Баку.

Не хотел бы никого обидеть, но вынужден сказать: без охраны солдат внутренних войск республиканскому оргкомитету в Степанакерте не удержаться. Местное население игнорирует его. Лишь изредка на первый этаж обкомского здания, где находится приемная оргкомитета, заходят армяне-беженцы: получить справку, трудовую книжку, профсоюзный билет... — все то, что впопыхах было оставлено «там» и без чего трудно наладить жизнь здесь.

Вот уже полгода, как армянское население Нагорного Карабаха объявило представителям Азербайджана в Степанакерте об акции гражданского неповиновения.

Члены оргкомитета ни разу с тех пор не выходили из здания обкома без сопровождения солдат, ни разу не выезжали в районы, не встречались с трудовыми коллективами без такого «эскорта».

Почему?

— В постановлении Верховного Совета страны от 28 ноября прошлого года, — рассказывал народный депутат СССР З. Балаян, — говорится о создании союзной контрольно-наблюдательной комиссии. Ей была дана власть и приданы войска. Но поскольку комиссия не работает, инициативу перехватил оргкомитет во главе со 2-м секретарем ЦК КП Азербайджана В. Поляничко. Созданный не на паритетных началах, оргкомитет ведет линию Баку: обустроивает и расширяет лишь азербайджанские села, переселяет в НКАО турков-месхетинцев с целью изменить демографическую ситуацию, мешает проведению демократических выборов в Областной Совет...

Не менее решительна другая сторона.

— В соответствии с тем же постановлением Верховного Совета страны парламент Азербайджана образовал республиканский оргкомитет по НКАО и предусмотрел включение в его состав представителей от автономной области. И не наша вина, что вторая половина отказалась сотрудничать, — говорил член оргкомитета М. Радаев, заместитель Председателя Совета Министров Азербайджана.

Как бы там ни было, сегодняшняя ситуация взрывоопасна еще и потому, что никто не идет на компромиссы. Пример?

Народные депутаты во главе с З. Балаяном требуют, чтобы комендант района чрезвычайного положения Г. А. Малюшкин дважды в неделю встречался с ними, рассказывал о ходе дела.

— Этому не быть! — твердо заявил В. Поляничко на одном из последних совещаний в Степанакерте.

Не получается ли тогда, что пропасть неведения углубляется, а противостояние — растет? И не потому ли обстановка в регионе все больше осложняется?

Последние события. 11 июля — обстрел автоколонны на трассе Мир—Башир—Кельбаджар, трое погибших. 14 июля — взрыв жилого дома в Степанакерте, погибла женщина. 19 июля — нападение боевиков на одну из застав, к счастью, без жертв со стороны внутренних войск. 19 июля — по неполным данным, захват трех военнослужащих в качестве заложников...

Военные приписывают эти действия армянским боевикам. Конечно, негодуют. Но и в Армении, как я понял,

побивав в Ереване, отношение к ним неоднозначное. Некоторые называют боевиков бандитами, другие же — борцами за справедливость.

Никого не оправдываю. Насилие есть насилие. Однако, что руководит действиями людей с оружием в руках? Если кто-то еще надеется урегулировать положение в НКАО миром, то другие, разуверившиеся за прошедшие три года, предпочитают отныне иной путь. Войны.

Большой переполох в Степанакерте вызвал приезд группы народных депутатов РСФСР. Встретился с двумя из них, В. Мазаевым и Ф. Шеловым-Коведяевым. Рассказывали:

— Мы приехали по поручению нашего парламента, чтобы ознакомиться с условиями службы граждан РСФСР. Нас смущает, что присутствие русских солдат в регионах межнациональных конфликтов вызывает антирусские настроения. К тому же ряд парламентов республик уже поставил вопрос о недопустимости призыва своих земляков в «горячие» точки. Верховный Совет РСФСР оставляет за собой право заявить о необходимости равного участия республик в разрешении таких проблем. История знает примеры, когда функции поддержания мира выполняли интернациональные силы...

Депутаты посетили несколько воинских подразделений, мирные села, встречались с неформалами, представителями упраздненных обкома и облисполкома... Предварительные наблюдения?

В законах о чрезвычайном положении, о правах и обязанностях внутренних войск говорится о ситуации, когда на улицах городов и сел происходят массовые беспорядки. В НКАО и во всем особом районе — война! действия боевых организаций с равных сторон, убийства по политическим мотивам, пушки и минометы... В законах же не предусмотрена возможность такого развития событий. Отсюда — отсутствие достаточных прав у военных. Нет гарантий их защищенности — ни моральных, ни материальных.

Нет четкой регламентации взаимоотношений войск и населения. Потому возможны конфликты, непонимание одной стороной другой. Законодатель, таким образом, переложил ответственность с себя на солдат. И он прав?

Внутренние войска, по мнению депутатов, подчас занимают не своей работой. Вряд ли спецназ должен

использоваться, например, для патрульной службы. А курсанты высших школ МВД — участвовать в боевых операциях. Не хватает специалистов? Но за три года можно было их подготовить...

Еще одно наблюдение депутатов: армия, внутренние войска должны выполнять сугубо военные задачи и ни в коем случае не вмешиваться в политику. Мне рассказывали о случае, когда силой штыков была сорвана сессия депутатов НКАО.

...А между тем в Степанакерте распространились слухи, что парламентарии России хотят отозвать своих граждан из региона. Если таковое произойдет, узнал реакцию обитателей Большого дома, то Азербайджан вынужден будет создавать собственную армию.

Национальные вооруженные силы? Не абсурд, если припомнить последние решения ряда парламентов из республик. Но как оправдывают их создание в Ереване, к примеру?

— Сегодня разрозненные боевики действуют по своему усмотрению, — говорили мне. — А если все военизированные формирования подчинятся одному центру, скажем, Верховному Совету республики, будет четкая координация их действий, жесткий контроль. То же — и с азербайджанской стороны.

Значит, «санкционированная» кровь? Пожалуй, наоборот. Возникает более трезвая оценка ситуации у той и другой стороны, более ответственное регулирование войсками. Ведь не напали же друг на друга за все время «холодной войны» Советский Союз и США?

Пока же... Идет «странная война». Необъявленная, но война. И более других сегодня достается именно «третьей силе» — ребятам в краповых беретках. Они стали границей между двух огней и вынуждены, по-христиански, подставлять левую щеку, когда ударили по правой.

Установка солдатам — «первичная собственная безопасность» — увя, не срабатывает да и не может сработать. В войсках будут потери до тех самых пор, пока конфликт не разрешится политическими средствами.

Какими?! Разве решений, причем самых высоких, было еще недостаточно? Вспомнить только создание Комитета особого управления НКАО, а затем введение чрезвычайного положения в области и прилегающих к

ней районах Азербайджанской ССР. Однако ни одно из них все же не привело людей к национальному соглашению. Случайно?

Опять предлагается вариант: прямое президентское правление в автономной области. И опять другая сторона возражает: в нашей республике все дела должна решать сама республика. И опять мне напоминают о противоречии в Конституции СССР: статья 70-я признает за каждым народом право на самоопределение, а статья 78-я гарантирует суверенитет союзной республики, невыслесимость ее границ.

Государство для народа или народ для государства? Впрочем, определять приоритеты — политикам. А мне сегодня, после командировки в НКАО, становится понятней, что там пока — тупик. И нужно искать новые пути, чтобы, выбравшись из него, пойти дальше.

В. КОМАРОВ
(Наш спец. корр.).

Степанакерт—Ереван

«Комсомольская правда» 25 июля

КОГДА ПОЛИТИКА ВМЕШИВАЕТСЯ В ПРАВО

Более пятнадцати месяцев находится в заключении депутат Верховного Совета Армянской ССР Аркадий Манучаров. Восемнадцать месяцев длится его дело. Дело далеко не рядовое. Оно находится под контролем народных депутатов СССР, за его ходом следит общественность Запада и народы двух республик Армении и Азербайджана. Какой же это процесс — уголовный или политический? Политический, — считает адвокат Манучарова Юрий Шмидт. Почему? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо, наверное, вернуться к его истокам.

— Два года назад был Сумгаит, первые погромы убивали армян. Как проявление стихийного сопротив-

(Печатается с небольшими сокращениями).

ления армян был создан комитет «Крунк», который провозгласил целью своей деятельности защиту жизни армянского населения, воссоединение Армении и Нагорного Карабаха. Лидером комитета на многотысячном митинге был избран Аркадий Манучаров.

Фактически «Крунк» никакой деятельности развернуть не успел. Хотя он и был зарегистрирован как официальная организация в областном Совете НКАО, его регистрация была отменена Верховным Советом Азербайджана, так как деятельность комитета была не по вкусу властям республики. В программе «Крунка» никаких призывов к экстремистским действиям не было, он действовал исключительно мирными, конституционными методами.

Работе комитета всячески препятствовали, не желая допустить развития движения. Действовали разными путями. Пытались внести раскол, задобрить лидеров. Но это не привело к успеху. Тогда тактику изменили, решив нейтрализовать движение другим способом. Вспомнили о нашей старой традиции — политических лидеров, имеющих взгляды не соответствующие официальным, представлять уголовниками, наркоманами и так далее. Все это к Манучарову было отнести довольно трудно.

Но он был директором комбината строительных материалов. Его обвинили в хищениях и получении взяток. Эти обвинения добавили к обвинению в организации массовых беспорядков, и 28 ноября 1988 года Манучарова арестовали. С тех пор он находится под арестом.

— Насколько серьезны обвинения, предъявляемые Манучарову?

— С точки зрения уголовного кодекса, обвинения весьма серьезны, хотя, по моему убеждению, совершенно бездоказательны. Для того, чтобы оценить реальную общественную опасность предъявленного Манучарову обвинения в организации массовых беспорядков необходимо напомнить, что речь идет о сентябре 1988 года. Что такое настоящие «массовые беспорядки» мы узнали позднее, после событий в Фергане, Абхазии, Новом Узене, Душанбе, Ташкенте... Все, что происходило в Степанакерте, ограничивалось выкриками толпы, надписями на стенах, несколькими разбитыми стеклами. Стандарт оценки данного состава преступления за минувшие полтора года изменился настолько, что сейчас дело по

обвинению Манучарова в организации массовых беспорядков прокуратура «выделила в отдельное производство», и можно утверждать, что никакой судебной перспективы в этой части у дела нет. Это не говоря уже о том, что «подстрекательская роль Манучарова» — никакими доказательствами не подтверждена.

Не удалось прокуратуре собрать и доказательств, изобличающих Манучарова в хищении, несмотря на широковещательные заявления об этом в прессе и с разных трибун.

В итоге ему предъявили обвинение в получении взяток в сумме восемнадцати тысяч рублей, якобы за предоставление квартир работникам комбината строительных материалов. Изобличающие Манучарова показания были получены от четырех работников комбината после того, как они сами были заключены в следственный изолятор города Шуши (азербайджанский район Нагорного Карабаха).

Как только их освободили — все они от своих показаний отказались, причем отказ этот, с моей точки зрения, обоснован предельно убедительно.

— Но вернемся к истории этого дела.

— Итак, дело возбудила прокуратура Азербайджана. Затем оно было передано в Прокуратуру СССР, Верховный суд СССР в качестве нейтральной территории, на которой должно было состояться судебное разбирательство, выбрал Белоруссию. Верховный суд Белоруссии направил дело в Брестский областной суд, который, не найдя оснований для предания Манучарова суду, возвратил дело генеральному прокурору СССР для дополнительного расследования.

И тут, 27 августа прошлого года, Манучаров был избран депутатом Верховного Совета Армении. Поскольку депутат пользуется правом неприкосновенности, я, как только дело вернулось в прокуратуру, заявил о необходимости изменения меры пресечения и потребовал, чтобы Прокуратура СССР вошла в Верховный Совет Армении с представлением о даче согласия на содержание под стражей депутата. Тогда же в защиту Манучарова на имя генерального прокурора СССР поступили заявления от 155 народных депутатов СССР, а двадцать народных депутатов представили в прокуратуру личное поручительство.

На все эти обращения Прокуратура СССР не прореагировала. Манучаров продолжал оставаться под стражей.

По вопросу о статусе депутата прокуратура заняла такую позицию: раз Манучаров взят под стражу до избрания депутатом, значит, никакого согласия Верховного Совета Армении не требуется. Надо отметить, что в законе в этой части имеется определенный пробел, ибо в то время, когда он принимался, прерогативой выдвижения кандидатов обладали лишь партийные органы, и никто не думал, что может быть возможен такой случай.

По Конституции Армянской ССР избирательным правом обладают все граждане, кроме лиц, признанных умалишенными. В Конституции же СССР (в редакции 1987 года) говорилось, что в выборах не участвуют также лица, содержащиеся в местах лишения свободы. То есть между конституциями Армении и СССР существовало определенное расхождение, и в последующем это стало иметь значение, потому что возник вопрос, а мог ли вообще Манучаров быть избран депутатом?

Моя позиция основана на том, что в соответствии с Конституцией СССР уголовная ответственность наступает только по приговору суда. А значит, все остальное — в том числе привлечение в качестве обвиняемого и заключение под стражу — является лишь предварительными следственными действиями. Да так и стадия судопроизводства называется — предварительное следствие. В это время человек считается невиновным, ведь, повторяюсь, уголовная ответственность наступает только по приговору суда.

Я считал, что позиция прокуратуры неверна и что на Манучарова должен распространяться Закон о статусе депутата. Прокуратура в тот период не оспаривала того, что Манучаров является законно избранным депутатом, но заявляла, что никакого согласия Верховного Совета Армении не требуется.

Накануне открытия второго Съезда народных депутатов СССР дело было еще раз направлено в суд. Верховный суд СССР снова послал его в Белоруссию, и снова оно оказалось в Бресте.

На втором Съезде из-за формулировки статьи Конституции о том, кто не может участвовать в выборах, разгорелась целая баталия. Была предложена такая

редакция: в выборах не участвуют лица, «содержащиеся по решению суда или с санкции прокурора» в местах лишения свободы.

И есть большие основания предположить, что вот эта самая добавка — с санкции прокурора — была сделана специально в связи с делом Манучарова. Лишение свободы с юридической точки зрения — это вид уголовного наказания. Следственный изолятор к местам лишения свободы не относится. То есть, для текста закона формулировка: содержание в местах лишения свободы не по приговору суда, а с санкции прокурора — недопустима! Это нонсенс!

Принятие этой поправки означало бы, что высший орган власти дает свое толкование юридическому термину — «места лишения свободы». И если бы такую редакцию приняли, это означало бы, что спорить нам больше было бы не о чем — к местам лишения свободы могло бы относиться любое помещение с решетками на окнах. И сразу бы могло быть принято постановление Президиума Верховного Совета СССР о признании избрания Манучарова депутатом недействительным.

Но народные депутаты проявили твердость и блокировали принятие этой поправки, которую, кстати, прежний состав Верховного Совета РСФСР поспешил включить и в Конституцию, и в Закон о выборах РСФСР. И у прокуратуры уже не было возможности поставить перед Президиумом Верховного Совета вопрос о незаконности избрания Манучарова депутатом.

15 января этого года произошло своеобразное чудо. Брестский областной суд, проявив высокую принципиальность и подлинную независимость, во второй раз направил дело Манучарова на дополнительное расследование, сославшись, в частности, на то, что прокуратура не получила согласия Верховного Совета Армении. При этом суд определил немедленно освободить Манучарова из-под стражи под личное поручительство народных депутатов.

Но распорядительное заседание суда (как это обычно и бывает) проходило в отсутствие обвиняемого. Поэтому в зале суда он освобожден быть не мог (Манучаров в это время находился в Москве — в Бутырьках).

Председательствующий на судебном заседании исполнил свое определение и сдал его для срочной отпра-

ки спецпочтой в Москву. Но вслед за этим он сам был отправлен в неожиданную командировку в город Пинск. Председатель Брестского областного суда, не имеющий никакого права вмешиваться в процесс судопроизводства, включая стадию исполнения судебных решений, распорядился не отправлять определение об освобождении в следственный изолятор. То есть, он совершил прямое преступление против правосудия.

Одновременно помощник генерального прокурора СССР принес протест, в котором потребовал отменить определение областного суда. В необоснованно быстром, я бы сказал, пожарном, темпе, при грубом нарушении закона уже на 19 января дело было назначено к рассмотрению в кассационной инстанции.

Я уже успел поздравить Манучарова со скорым выходом на свободу, понимая, что по закону нет той силы, которая этому освобождению может препятствовать. Однако такая сила нашлась.

Выступая в Верховном суде Белоруссии, я потребовал возбудить уголовное дело против председателя Брестского суда, в ходе расследования которого установить лиц, оказавших давление на работников суда и фактически склонивших их к совершению преступления. Я уверен в том, что этими лицами могут быть только представители высшего политического руководства — и не республики, а страны.

Верховный суд Белоруссии вынес по этому поводу совершенно беспрецедентное решение. Имея только два возможных варианта — отклонить протест прокурора или удовлетворить его и вернуть дело на новое рассмотрение со стадии предания суду (но в обоих случаях Манучаров должен быть освобожден), — Верховный суд все-таки выбрал совершенно незаконный, третий. Коллегия Верховного суда Белоруссии, не дав оценки протесту, отменила определение суда и направила дело председателю Верховного суда СССР для направления в другую республику. В итоге человек не был освобожден из-под стражи, несмотря на имеющееся решение об этом. А Верховный суд республики уклонился от исполнения закона, огласив нечто, не имеющее с ним ничего общего.

На этом заседании прокуратура впервые заняла новую позицию, заявив, что Манучаров никаким депутатом вообще не является, что его избрание незаконно.

С 15 января преступление продолжается. Я обратился к председателю Верховного суда Белоруссии, прокурору Белоруссии, генеральному прокурору СССР с требованием опротестовать определение Верховного суда, и в каждом из своих обращений указывал на то, что именно на них ложится вся полнота ответственности за продолжающееся беззаконие. Но до настоящего момента никакого ответа я не получил.

Именно это развитие событий и дает мне право заявить, что дело Манучарова — дело политическое. Этого заявления я раньше не делал (хотя и раньше был убежден в этом), поскольку я адвокат, привык говорить только то, что могу доказать. Но описанные события являются неопровержимым свидетельством того, что именно политика вмешалась в право и превратила его из права в произвол.

— Что же так мешает освободить Манучарова?

— Я считаю, что, столкнувшись в 1988 году с совершенно новым для нашей страны явлением — национально-освободительным движением народа, руководители нашего государства с самого начала дали ему неверную оценку. Борьбу народа за свои национальные и политические права попытались объяснить, во-первых, недоброжелательством социально-экономическими условиями жизни, а во-вторых, найти конкретных виновников в лице неких «коррупцированных элементов». В действительности корень проблемы лежит гораздо глубже.

Манучарову же особенно не повезло, ибо еще в декабре 1988 года, то есть в самом начале расследования данного дела, то есть в самом начале расследования данного дела, один из высших руководителей нашей страны прямо назвал его фамилию как одного из лидеров мафии, той самой «коррупцированной верхушки», которая якобы разжигает пожар конфликта вокруг Нагорного Карабаха.

И хотя время давно опровергло это голословное утверждение, послушные исполнители в лице руководства Прокуратуры СССР упорно пытаются доказать недоказуемое.

К тому же высказываются опасения, что освобождение Манучарова — лидера движения армян Нагорного Карабаха — как бы подольет масла в огонь межнационального конфликта.

Но дело в том, что даже если бы Манучаров был экстремистом (а он экстремистом не был, он призывал к мирному решению карабахской проблемы, и его авторитет был настолько высок, что помогал удерживать народ от противоправных действий), то все равно беззаконие осталось бы беззаконием, и никакие благие намерения этого оправдать не могут.

Политика не должна вмешиваться в право. В противном случае кажущийся положительный эффект на деле обернется тяжким ущербом и для прав человека, и для интересов общества, и для авторитета нашего государства в глазах человечества.

— И последний вопрос: как получилось, что вы — ленинградец — стали адвокатом Манучарова?

— Во-первых, для профессионала это дело не только интересное, но и исключительно благородное по характеру защиты. Во-вторых, обратившиеся ко мне с предложением принять защиту Манучарова люди сослались на просьбу человека, которому никогда и ни при каких условиях отказать я бы не смог. Просьбу Андрея Дмитриевича Сахарова. И в дальнейшем, до последнего дня своей жизни, Андрей Дмитриевич выступал в защиту Манучарова, делал для него все, что мог сделать как гражданин и народный депутат.

Ленинград.

Записал
С. БАЛУЕВ
Смена № 69.

ПОЧЕМУ НЕ ДОСКАЗЫВАЕТЕ, ТОВАРИЩ ГЕНЕРАЛ?

Под рубрикой «Отвечаем на вопросы читателей» газета «Красная звезда» от 20 июня с. г. опубликовала материал «В огне конфликта». Поводом для этой публикации послужило письмо москвича Е. Сырцова, который просил редакцию рассказать, «сколько всего воинов нашей армии и флота было убито и ранено в связи с межнациональными распрями, действиями экстремистов в закавказских республиках?»

По просьбе редакции на вопрос читателя, который волнуется, надеемся, не только его, ответил начальник управления генерального штаба Вооруженных Сил СССР, генерал-лейтенант И. Матвеев. Вот что он пишет:

«В связи с межнациональным конфликтом в Закавказье с 19 января по 18 июня этого года погибли 37 воинов Советской Армии и Военно-Морского Флота, в том числе 8 офицеров, 3 прапорщика, 26 солдат и сержантов, а также жена прапорщика. Среди погибших 28 русских, 5 украинцев, 1 белорус, 1 казах, 2 азербайджанца, 1 эстонец. 26 человек убиты непосредственно экстремистами. 11 человек погибли в результате несчастных случаев, в том числе при нарушении мер безопасности.

Кроме того, 153 военнослужащих армии и флота были ранены и травмированы. 10 после ранений умерли». Вот так подробно ответил генерал на вопрос читателя газеты. Однако, как это уже не раз случалось, официальные лица в своих комментариях опять чего-то недоговаривают. И для того, чтобы внести ясность в это «что-то», мы позвонили в генеральный штаб Вооруженных Сил СССР. На звонок ответил сам начальник управления.

— Товарищ генерал, скажите, пожалуйста, почему за точку отсчета «межнациональных распрей», как выразился читатель «Красной звезды», вы приняли день 19 января?

— А когда они начались?—поинтересовался генерал.

— Два года назад...

— А я решил отметить период с 19 января...

— Ну, а почему именно с 19-го, а не с первого января?

— Я так решил.

— Не могли бы вы уточнить, сколько воинов Советской Армии погибло и было ранено в каждой из трех союзных республик в отдельности?

— У меня под рукой нет таких сведений.

— Мы позвоним попозже...

— А я не обязан давать вам по телефону такие сведения.

— Но ведь они не представляют военной тайны, тем более, что вы сами обнародовали обобщающие цифры?

— Я вам уже ответил.

Неинформированность начальника управления ген-

штаба о том, сколько и в какой республике погибло воинов, настораживала, особенно на фоне того, как педантично он перечислял национальный состав пострадавших. Мы сказали генералу, что, по нашим сведениям, например, за весь период межнационального конфликта на территории Армении погибло всего лишь два воина, причем именно в тот период, какой указал И. Матвеев— после 19 января.

— Я такими сведениями не располагаю,— отрезал он.

Видя, что наши вопросы не доставляют удовольствия генералу, мы задали ему последний вопрос — не считает ли он, что, «уравняв» мрачную статистику потерь, он тем самым вводит в заблуждение общественность страны, формирует у нее искаженное представление о действительных событиях в регионе? Прозвучавший ответ не оставлял сомнений в том, что наш абонент так не считает.

Полагая, что генерала, возможно, подвела его служебная неинформированность, мы сделали запрос начальнику политотдела Ереванского гарнизона генерал-майору М. Суркову. И получили ответ: за весь период межнационального обострения на территории Армении погибли два воина Советской Армии и 16 — ранены.

Из штаба округа в Тбилиси, куда мы обратились за разъяснениями, сообщили: в нынешнем году на территории Грузии три воина Советской Армии получили ранения.

Теперь надеемся, в свете этих уточнений читатель сумеет составить правильное представление, на чей счет нужно отнести тех погибших и раненых, о которых говорил генерал И. Матвеев.

Обратимся еще к одному свидетельству, которое должен был знать уважаемый генерал,— 4 февраля с. г. газета «Известия» сообщала: «По официальным данным на 3 февраля 1990 года число пострадавших военнослужащих и гражданских лиц в Азербайджанской ССР и Армении в период чрезвычайного положения составляет: погибшими — 148 человек, ранеными — 503».

А еще через день автор, которого мы процитировали, уточняет: «В предыдущем репортаже я сообщил о жертвах среди военнослужащих в период чрезвычайного положения, не уточнив цифры отдельно по республикам,

что сразу же вызвало реакцию одной из них. Уточняю: в Армении погибших нет».

С некоторых пор в отношении «армянского экстремизма» сформировалась официальная точка зрения, и поэтому некоторые центральные средства массовой информации усердно «отрабатывают» эту тему. Путем недомолвок в печати, языкового жонглирования наивный читатель подводится к мысли, что террористов и вообще антиперестроечные силы, посягнувшие на священные принципы обновления в стране, нужно искать в Армении.

Этим и только этим можно объяснить тенденциозное умолчание генерала И. Матвеева, не пожелавшего сказать всей привиды читателям газеты. Этим объясняется и специальная верстка материалов на той же полосе газеты, когда комментарий начальника управления генштаба Вооруженных Сил СССР предваряется корреспонденцией подполковника В. Каушанского о политической ситуации в Закавказье, в которой тема армянского экстремизма представлена в категоричной форме.

22 июня телезрители, наблюдающие за работой учредительного съезда Коммунистической партии РСФСР, услышали вопрос ко второму секретарю ЦК Компартии Армении О. И. Лобову относительно того, имеет ли он моральное право баллотироваться на пост первого секретаря Российской компартии после гибели «стольких российских парней в Армении» при прямом попустительстве республиканских властей? При этом спрашивающий делегат пояснил, что задать этот вопрос его заставили «кровь товарищей и слезы их матерей». Справедливый вопрос, но не по адресу. Насколько же деформировали пресса и другие средства массовой информации сознание своих читателей вольной интерпретацией событий в Армении, если даже здесь, на съезде Компартии России, могут прозвучать упреки в адрес республики, народ которой сам подвергся геноциду. И в том, что общество до сих пор не знает всей правды о том, что происходит в регионе, виноваты публикации, одну из которых мы привели в пример.

**Л. АЗРОЯН,
ДЖ. БАЛАГЕЗЯН**
корр. Арменпресс.
«Коммунист», 26 июня 1990 г.

БАКУ: НАЧАЛО ДЕВЯНОСТОГО...

Январские трагические события, происшедшие в Азербайджане и его столице в нынешнем году, начались с массовых хулиганских бесчинств в приграничных районах. В первых числах месяца экстремисты учинили разгром государственной границы на протяжении 169 км, нанеся ущерб в более чем 5 млн. рублей. На главных виновников возбуждено уголовное дело. Спустя две недели совершилось еще более страшное преступление: при попустительстве органов милиции были убиты и растерзаны 56 человек армянской национальности. Затем вспыхнули погромы и грабежи квартир тех, кто был вынужден покинуть Баку (всего 700). В других городах, например, в Ленкорани, Нефтечале, Джалилабаде, представители народного фронта Азербайджана (НФАЗ) фактически отстранили законную власть от руководства, чем еще больше усугубили взрывоопасную обстановку, что привело к новым беспорядкам и преступлениям. Все случаи противоправных действий тщательно расследуются. С этой целью привлечено более 200 работников союзных и республиканских органов прокуратуры, КГБ и МВД. Вместе с тем Верховным Советом Азербайджанской ССР, а также различными организациями создано (как бы в противовес официальному следствию) немало всевозможных комиссий из представителей различных движений и объединений, в том числе и лидеров НФАЗ. Каждая из них преследовала одну цель — подтасовка и фальсификация фактов, стремление переложить вину за случившееся в Баку кровопролитие исключительно на Вооруженные Силы. Последним, чтобы окончательно очернить их, приписывается преднамеренная слепая жестокость в действиях, связанных с объявлением чрезвычайного положения и вводом войск в столицу Азербайджана. Причем ввод войск фальсификаторы называют не иначе, как вторжением.

Автор этих строк знает о многих фактах, описываемых здесь, не понаслышке и не из последних уст. Начиная с 20 января, он более месяца находился в столице Азербайджана, организуя работу группы военных прокуроров и следователей (26 офицеров), а также координируя их взаимодействие с основной следственной бригадой, руководимой представителем следственного отде-

ла КГВ СССР. Пришлось попадать и под обстрел боевиков, которые вели прицельный огонь по военнослужащим.

Массовый опрос военнослужащих, проводившийся в ходе расследования, задокументированные показания непосредственных участников событий позволяют сделать вывод о том, что лидеры НФАз, его экстремистское крыло заблаговременно готовились к захвату политической власти в Баку и других населенных пунктах республики.

Осознавая значимость овладения ключевым административно-политическим центром, которым является столица Азербайджана, эти силы заблаговременно (практически сразу же после отмены особого положения в ноябре 1989 г.) приступили к совершенствованию тактики своих действий, созданию дополнительных структур вооруженных формирований — так называемой «освободительной армии».

Серьезная трансформация в этот же период произошла в руководящих органах НФАз, где интеллигенция, создавшая это неформальное республиканское объединение в помощь перестройке, была оттеснена на задний план, а главенство взял в свои руки «штаб национальной обороны».

Используя вывеску НФАз, «штаб» стал готовить свои «вооруженные силы» — так называемых боевиков, которые были сведены в отряды численностью 20—30 человек, жестко управлялись, имели инструкторский состав и нацеливались на действия в строго обозначенных районах, установленных зонах влияния. Последующие события показали, что вооруженные формирования были созданы в морском пароходстве, на Каспнефтегазфлоте, в таксопарках с привлечением транспорта медучреждений и маршрутных такси.

Заблаговременно отрабатывались системы связи и выискивались средства усиления вооруженных группировок в тех районах, где наличных сил могло не хватить для достижения конечных целей. Уже в первых числах января 1990 года велась разведка режима в повседневной деятельности войск, системы караульной и внутренней служб. Зафиксированы попытки знакомств представителей НФАз, боевиков с военнослужащими с целью приобретения у них оружия, например в артиллерийской

и ракетной частях, караулах, на складах вооружения, а также множественные контакты на дорогах Баку — Перикишкюль, Гюздек и др. Солдатам при этом предлагалась сумма от 500 рублей (в начале января) до 5 и даже 25 тысяч рублей — по мере нарастания напряженности. С такими предложениями обращались и к приписникам, прибывавшим в Баку для усиления воинского гарнизона накануне и в ходе введения чрезвычайного положения.

По сути, маскировка лидерами НФАз их подлинных целей и задач была сброшена после событий, происшедших в Баку 13 января. Теперь их основные усилия стали откровенно направляться на то, чтобы нейтрализовать действия МВД республики, проверить свои возможности организации массового террора, раздробления и торможения концентрированных действий правоохранительных органов многочисленными акциями населения в различных районах города. Следует отметить, что своего экстремисты добились. Части МВД республики оказались неспособными предотвратить случаи вандализма и разбоя, поскольку была парализована морально-психологическая готовность милиции и руководства республики оказать достойный отпор насилию.

Отчетливо сознавая, что войны армии, руководствуясь гуманными соображениями, не останутся безучастными к противоправным действиям экстремистов, лидеры НФАз, начиная с 16 января организовали блокирование воинских частей, военных училищ и городов, Краснознаменной Каспийской военной флотилии (ККФ), мест компактного проживания офицеров и прапорщиков, подъездных путей к аэродромам.

Спустя два дня народный фронт Азербайджана фактически ввел в Баку противозаконное чрезвычайное положение. Боевое ядро НФАз осуществляло на свой манер контроль за транспортной пропускной системой, телефонной, в том числе, междугородной связью, работой (срывало ее) государственных учреждений. С подачи лидеров «фронта» на митингах объявлялось о создании «освободительной армии» во главе с Э. Мамедовым. Сам же «командующий» хвастливо заявлял, что решением НФАз ему было присвоено звание «полковник».

Узнав, что в город стали прибывать части внутренних войск, лидеры народного фронта провели массовую акцию по вовлечению горожан в компанию граждан-

ского неповиновения, используя лживые лозунги о том, что военнослужащим поставлена задача — уничтожить азербайджанское население в отместку за армянские погромы.

Словесным, моральным и физическим оскорблениям подвергались офицеры Бакинского гарнизона: П. Е. Рытов, А. И. Берестов, В. И. Латышев, жены военнослужащих Н. Я. Бабушкина, В. И. Воробьева, С. П. Кузьмина, С. И. Сокольников и многие другие. Например, только с 22 по 28 января на квартиры офицеров различные хулиганствующие и экстремистские элементы звонили около 200 раз, требуя освободить жилплощадь и покинуть Баку. Семьи военнослужащих капитана медслужбы В. К. Быстрова и лейтенанта Р. И. Истокова захватывались в качестве заложников.

Об истинных целях НФАз, его «военного руководства» свидетельствует личная встреча генерал-майора В. Л. Соколова с «командующим» Э. Мамедовым. Последний выдвинул ультиматум о выводе войск, подчеркнув, что армия должна выполнять свои внешние функции, а не роль жандарма. «Мы требуем, — заявил он, — чтобы солдаты не стреляли в народ». На вопрос, кто сказал, что армия собирается стрелять в народ, «командующий» внятного ответа не дал. Генерал-майор Соколов потребовал от Мамедова дать команду на разблокирование военных городков, так как это нарушает повседневную жизнедеятельность частей: не позволяет подвозить продукты питания, воду и горячую пищу, организовывать гарнизонную службу, — унижает честь и достоинство Советской Армии. Но тот отказался пойти навстречу и выполнить справедливое и законное требование.

Кроме того, Мамедову были заданы вопросы: зачем ведется разведка военных городков и с какой целью были захвачены на станции выгрузки Зазалы 4 танка, а также два офицера — полковники Тяпков и Брославский? «Но я же дал команду, чтобы возвратили танки и освободили полковников», — с издевкой ответил «командующий». Объяснить же цели как этих, так и других не только провокационных, но напрямую враждебных действий экстремистов-боевиков не смог. Так, последние 19 января захватили радиостанцию, похитив при этом блоки и документы, а также оружие. В ходе отражения

налета получил ранение начальник связи танкового полка майор Корчагин. Мамедов же, сославшись на неинформированность, ушел от ответа при обсуждении и этого случая.

Уже с 19 января во многие военные городки практически невозможно было пройти. Все прилегающие улицы загрохотали грузовики, автобусы, наливные цистерны с горючим и сжиженным газом.

Также были блокированы участки магистралей города на пути к аэропорту и въездах в город. На баррикадах и крышах, окружающих военные городки домов, в том числе и административных зданий (Министерства автомобильного транспорта, Центра АСУ, ЦСУ и др.), в открытую стали появляться вооруженные автоматическим оружием, в том числе и пулеметами, боевики. А на балконах этих зданий устанавливались прожекторы и фонари. Они включались с наступлением темноты, и всю ночь их направленный свет освещал территорию городков, вокруг которых группы людей толпились круглосуточно. Многочисленные наблюдения за подобными акциями позволяют сделать вывод о том, что экстремисты проявили как ухищренную тактику, так и изуверскую сущность преступников. К примеру, на ближних подступах к блокам «баррикадам» размещались в автобусах женщины и дети, за ними — толпа возбужденных молодых людей, нередко пьяных и, как можно предполагать, употребивших наркотические средства. И вот за таким «живым щитом» укрывались вооруженные боевики, «командиры» и «инструкторы». Подобная схема построения «боевых порядков» наблюдалась практически повсеместно.

В этот же период был полностью блокирован фарватер для выхода кораблей ККФ судами Каспнефтегазпрома, действия которых управлялись с теплохода «Оруджев», где базировалось руководящее ядро НФАз, его «штаб». Последний, используя судовую радиостанцию, четко реагировал на все изменения в обстановке и отдавал соответствующие распоряжения.

Сосредоточенные силы боевиков блокировали гражданский аэропорт (его работа была полностью парализована). Даже прилетающие из отпуска военнослужащие в город не пропускались и высаживались насильно из любого вида транспорта. Задерживались сле-

вавшие в места несения службы машины с составом караулов, а во второй половине дня — любые, даже обеспечивающие жизнедеятельность и госпитализацию больных. Стали избиваться военнослужащие возле своих домов, обыскиваться при выходе за КПП частей.

В условиях, когда шло откровенное унижение армии, повсеместно предпринимались попытки обратиться к людям на блоках-«баррикадах» с призывом к разуму, с просьбой разойтись и не чинить препятствий войскам, которые будут разблокировать военные городки и подъездные пути к ним. К примеру, с такой речью в 11 часов 19 января выступил политработник генерал-майор Н. Ф. Зубков. Суть его обращения сводилась к тому, чтобы люди разошлись по домам, не подвергли свою жизнь опасности, увели женщин и детей, не применяли оружия в ответ на действия войск по разграждению подъездных путей к военным городкам. В это время появилась группа руководства НФАЗ, которая провела оперативный инструктаж «командиров» и «инструкторов» боевиков. После этого в толпе началась настоящая истерия. Открыто демонстрировались оружие, бутылки с зажигательной смесью, самодельные взрывчатые устройства. Боевики стали наращивать силы, занимая господствующие возвышения, места, удобные для обстрела военного городка, крыши и балконы прилегающих зданий.

С 15 часов развернулись мероприятия по окончательному блокированию КПП и подъездных дорог. Последние буквально «забивались» автомобилями, загруженными камнем, щебенкой, железобетонными плитами, нефте- и газоналивным транспортом. Практически военные городки оказались в полной осаде по всему периметру, к ним нельзя было пробиться даже в одиночку.

После принятого Министром обороны СССР решения на разблокирование военных городков, дорог и магистралей, ведущих к военным объектам, войска действовали грамотно и четко, проявляя гуманизм, мужество, самоотверженность. Так, выход бронегрупп одной из частей осуществлялся не со стороны КПП, где имелись небольшие скопления людей, а в другом месте, через пролом в заборе, который протаранили танками. При этом никаких жертв среди мирного населения допущено не было. Солдаты, в основном из приписного состава,

приступили к распределительным работам. В ответ боевики открыли массированный огонь по личному составу. Шквал огня обрушился на военный городок, где в палатках располагались люди. Не секрет, что местное население знало о расположении в военном городке частей и подразделений. Следует отметить особо, что по медбату велся наиболее интенсивный огонь. О каком милосердии в этом случае со стороны боевиков может идти речь? Подверглись обстрелу, о чем свидетельствуют многочисленные пробоины в зданиях именно со стороны города, и жилые дома офицерского состава. Солдаты же стали отвечать огнем только после того, как среди них появились убитые — старший сержант запаса В. П. Гамарцев, старший сержант С. Н. Пятаков и другие. Уже в первый день, а точнее в первые минуты после начала разграждения, погибло несколько военнослужащих СА и ВВ МВД, а также жена военнослужащего.

Огонь велся войсками не по толпам населения, как это хотят представить лидеры НФАЗ, а только в ответ на огонь боевиков и снайперов, расположившихся на крышах зданий и балконах. И все же, когда на балкон, откуда вел огонь снайпер, боевиками была вытолкнута женщина с ребенком, ни одна солдатская пуля в ту сторону не полетела.

Разумеется, при этом нельзя полностью исключать возможность гибели отдельных невооруженных граждан, так как шел настоящий бой и сохранить психологическую устойчивость, не допустить случайного выстрела было практически невозможно.

Оперативно оценив обстановку, командиры подразделений и частей с целью исключения гибели невинных людей изменили тактику борьбы с боевиками и снайперами. Были созданы мобильные группы по их захвату, которые, действуя расчетливо и профессионально, проникали на чердаки зданий и вели одиночный огонь только в ответ на стрельбу экстремистов. Боевики и после прорыва заграждений не отступили. Члены новых бандитских групп, мобильно перебрасываемых с различных концов города, стреляли уже в каждого военного, кто попадал в поле их зрения.

О вероломстве и подлости экстремистов свидетельствует и другой неопровержимый факт, подтвержденный

данными судмедэкспертизы: пять военнослужащих, погибших в эти дни, были убиты в спину, фактически в упор, когда они зачаливали технику за блоков-«баррикад» для ее растаскивания танками и тягачами.

О применении военнослужащими оружия, тем более массовом, против мирного населения не может быть и речи. Все это провокационные выдумки. В самых сложных ситуациях войны проявляли выдержку и самообладание, зачастую, оберегая граждан, подставляли себя под удар. Убедительным примером того могут служить действия воинов-десантников под командованием офицера Ю. А. Наумова. Встретив мощное заграждение при въезде в Баку с южного направления, они взяли его атакой в пешем строю. Притом без единого выстрела, захватив более 70 вооруженных боевиков, которые вели по личному составу массированный огонь. Другая же часть, выдвигавшаяся со стороны военного аэродрома, израсходовала при прорыве в город лишь 258 патронов, о чем имеется соответствующий акт, при стрельбе вверх, из открытых люков БМД (боевая машина десанта) для разгона организованных групп боевиков. Даже дилетанты в военном деле поймут, что, ведя огонь из открытых люков, поразить людей перед войсковой колонной невозможно, могли быть убиты лишь те, кто был на крышах высотных домов.

Экстремисты же использовали изуверские методы борьбы. Например, разогнав тяжелые груженные автомобили и направив их в колонны и цепи солдат, они выскакивали из набирающих скорость грузовиков. Разливали и поджигали нефтепродукты, а также завалы из предварительно облитых нефтью, бензином и мазутом автопокрышек, забрасывали людей и технику бутылками с зажигательной смесью, самодельными и боевыми взрывчатыми устройствами.

Потерпев поражение в столкновениях 20 января, экстремисты перешли к акциям террора практически по всему городу: обстреливали посты и передвигающиеся колонны, отдельные машины. Производился активный обстрел войсковых нарядов из машин, в том числе и с символикой медицинской скорой помощи.

И впоследствии экстремистские силы использовали все возможное для развязывания террора в отношении военнослужащих. Так, в Баку неоднократно осуществля-

лись наезды автомобилей на солдат и офицеров. Например, автомобилем ГАЗ-24 без номерных знаков преднамеренно сбит военнослужащий военных войск; двое солдат и сержант морской пехоты получили тяжелые увечья от наезда на них, совершенного умышленно водителем автомобиля ЗИЛ-130.

Не менее рьяно и жестоко препятствовали экстремисты возвращению к месту жительства воинов запаса, хотя сами же добивались принятия решения об их выводе из Баку и Азербайджана. Колонны автомашин, которыми те доставлялись на аэродромы, постоянно обстреливались, в результате чего вновь лилась человеческая кровь. Только 22 и 23 января погибли три человека из числа убывающих.

В этот же период имели место случаи гибели и ранений тех, кто обеспечивал эвакуацию семей военнослужащих, и пожелавших выехать граждан из числа русскоязычного населения. Причем в ходе обстрела мирных колонн ответный огонь не открывался, чтобы не усугублять обстановку и не подвергать излишней опасности женщин и детей. Более того, для уменьшения угрозы жизни последних их разместили в центре кузовов машин, а боковые места заняли воины, прикрыв эвакуируемых своими телами.

Бесчеловечная сущность антинародных сил проявилась и в их действиях на море. Как уже упоминалось, 19 января для заграждения фарватеров около 50 единиц судов Каспморнефтефлота сосредоточилось в Бакинской бухте. Тем самым были грубо попраны международные правила мореплавания, вследствие чего создалась реальная угроза судоходству в бухте и вблизи нее. Эти действия, которые международное морское право квалифицирует как преступные, совершались осознанно, злоумышленно. 21 января заместитель главкома ВМФ адмирал В. В. Сидоров, приняв делегацию капитанов гражданских судов, пытался разрешить конфликт мирным путем. В ответ на это «делегаты» заявили, что они не допустят выхода в море кораблей флотилии, в случае попытки экипажей последних освободить фарватеры подожгут нефтеналивные суда и резервуары с нефтепродуктами на берегу.

Членов делегации предупредили, что гидрографические суда (ГС) флотилии будут вывозить эвакуируемых

женщин и детей. Капитаны не возражали против этого. Но когда гидрографы вышли в бухту, суда Каспморнефтефлота напали на них. И это при том, что оперативный дежурный флотилии сообщил на теплоход «Оруджев» о выходе двух ГС из бухты. Это сообщение передало в 17 часов 21 января, и только спустя сутки получили ответ, причем отрицательный. Наконец после радиопереговоров «Оруджев» дал добро на выход ГС и спустя десять минут они отошли от пирса.

Но их спокойный ход был кратковременным. Вслед за ними снялся с якоря «Нефтегаз — 10» и полным ходом устремился к ГС. Дежурный успел оповестить командиров гидрографических судов, и те, увернувшись от тарана, вернулись на базу. Вторично они вышли в море уже под охраной артиллерийского катера.

Но распалившихся экстремистов уже трудно было остановить. Не помогло и то, что даже многие их «союзники» — капитаны судов, участвующие в блокаде фарватера, — пытались предотвратить преступную акцию. Увидев, что «Нефтегаз — 10» намерен таранить ГС, они возмущенно кричали по радио: «Это провокация!.. Нельзя идти на таран!..»

Между тем с «Оруджева» поступила команда: «Назначенным судам выйти на таран!». И экстремисты выполнили ее. Не остановило их ни предупреждение о том, что в случае опасного сближения по преступникам будет открыт огонь, ни предупредительные выстрелы в воздух. Только мастерство командира ГС спасло 167 человеческих жизней, хотя судно получило значительные повреждения. И все же провокация на море этим не закончилась. В 21 ч. 07 мин. того же дня было перехвачено радиосообщение судна «Баба-заде», в котором извещалось, что капитану этого судна поставлена задача «взять заложников», т. е. захватить два ГС и артиллерийский катер.

Безответственную акцию удалось предотвратить решительными действиями военных моряков.

Несмотря на провокации и жестокое отношение к себе, воины проявили образцы выдержки и великодушия. Убедительным примером того является освобождение вокзала и судна «Оруджев», где сосредоточивались активисты НФАз. При этом последние не имели потерь, в то время как от их автоматного-пулеметного огня (его вели

с судов «Водолей-4», «Нефтегаз-30», «Сухона») пострадали в разной мере многие воины-десантники.

Нет причины жаловаться на военнослужащих и основной массе местного населения. Более того, жители Баку и других населенных пунктов не однажды выражали благодарность личному составу воинских подразделений за содействие и помощь. Так, политработник лейтенант А. Н. Пугачев возглавил команду из 8 солдат и сумел обеспечить подвоз на двух машинах продовольствия и медикаментов в блокированное армянскими экстремистами азербайджанское село в районе Биюк-Кизи. Отсюда же воины эвакуировали нуждающихся в медицинской помощи 16 больных жителей.

Лидеры НФАз, свергнувшие народ в кровопролитие, не пострадали и в других местах, где велись боевые действия. Они предпочли укрыться от ответственности перед согражданами и законом кто в отдаленных районах республики, кто в других городах страны. Скрылся, к примеру, один из самых непримиримых и воинствующих лидеров экстремизма, — Н. Панахов, за которым тянется след преступной деятельности с 1988 года.

Выдвигая националистические лозунги, «республиканцы» типа Панахова лицемерили. Их главная цель — нагнетание страстей и захват власти, а не решение межнациональных вопросов. Например, блокируя и обстреливая территорию и здания Бакинского высшего общевойскового командного училища (БВОКУ), они даже не пожелали взять в расчет то, что значительное число курсантов — лица коренной национальности. Находясь в плену непомерной амбиции, ослепленные ненавистью, они вели массированный огонь по «объекту», не разбирая «своих» и «чужих». Такая же ситуация сложилась и в других местах, где от рук взбесившихся земляков получили ранения воины-азербайджанцы прапорщик Т. С. Саламов, рядовой М. А. Газиев и другие, а старший прапорщик О. С. Ахундов и рядовой М. С. Мамедов были убиты. Считалось: кто в военной форме, тот экстремистам враг, поскольку мешает осуществлению их властолюбивых и мафиозных планов.

После событий 20 января длительное время распространялись и поддерживались слухи о десятках тысяч погибших от рук «фашистской армии» (имелась в виду Советская Армия), о том, что трупы их затоплены в

море, в том числе и на судах, баржах, захоронены тайком на острове. Все это, разумеется, наглая ложь. Ну а ярлык «фашистов» больше подходит к тем, кто поднял руку на перестроечный процесс, на демократию.

Таким образом, анализ происходящих событий позволяет сделать следующие выводы:

1. Количество оружия, изъятого у экстремистов, а также организация его массового производства на ряде предприятий свидетельствуют широкомасштабной кампании лидеров НФАз, стремившихся достичь своих конечных целей (захвата власти и ликвидации социалистических завоеваний) вооруженным путем.

2. Доподлинно установлено, что в случае промедления действий войск планировался и готовился на 14 часов 20 января городской митинг, на котором было бы объявлено о низложении конституционной власти и приходе к руководству республикой экстремистов крайне правого крыла НФАз.

3. Выступления боевиков носили откровенно антиармейский агрессивный характер и имели целью сломить морально-психологическую готовность войск, помешать им в защите конституционных устоев в республике: проводилась активная работа по склонению на свою сторону военнослужащих из числа лиц коренной национальности. Ставка делалась именно на то, что удастся добиться выступления с оружием в руках солдат-азербайджанцев, подчинить своему влиянию прапорщиков местной национальности, ведающих складами с вооружением, и посеять сомнения и колебания в среде офицеров, представлявших Азербайджан в Вооруженных Силах. Антиармейская направленность в действиях экстремистских сил проявилась и в том, что в ходе событий осуществлялось самовольное заселение квартир военнослужащих. По далеко не полным данным, только в Баку таких фактов вскрыто 105; 7 офицерских квартир разграблено и 7 сожжено, полностью уничтожены огнем крыши двух домов офицерского состава.

4. Попытка противопоставить армию народу носила также явно дискредитирующий Вооруженные Силы характер. Бросив на блоки и завалы женщин и детей и открыв огонь по солдатам за их спиной, экстремисты стремились спровоцировать массовое применение оружия армией для расстрела мирного населения, чтобы пол-

ностью оправдать свои грязные цели, разбой и насилие. До сих пор местные жители подвергаются давлению и запугиванию со стороны экстремистов. Сорван учебный процесс в двух высших военных училищах Баку в результате выезда из города преподавателей из числа гражданских лиц. Возникла угроза планомерному комплектованию первого курса училищ.

О подлинном же авторитете армии, несмотря на усилия НФАз ее дискредитировать, свидетельствует иной пример. В Джалилабаде на собрании партийно-хозяйственного актива, уже после 20 января, секретарем райкома, председателем райисполкома и начальником РОВД был избран (один в трех лицах) командир десантного полка подполковник В. И. Орлов.

5. Группы военной организации НФАз, уйдя в подполье, видимо, готовят новые выступления против законной власти и армии.

6. Утверждения о массовом терроре, развязанном армией, несостоятельны. В дополнение к уже приводимым фактам следует добавить то, что за все это время как в результате прямого воздействия боевиков, так и при сопутствующих обстоятельствах, вызванных чрезвычайным положением, погибло 38 военнослужащих.

СПИСОК ВОЕННОСЛУЖАЩИХ, ПОГИБШИХ ОТ РУК ЭКСТРЕМИСТОВ В БАКУ В ЯНВАРЕ-ФЕВРАЛЕ 1990 ГОДА

19 января

1. Старший сержант **Сергей Николаевич ПЯТАКОВ**: погиб от ранения в голову.
2. Старший сержант запаса **Владимир Пантелеевич ГАМАРЦЕВ**: погиб от ранения в голову и грудь.
3. Рядовой **Александр Юрьевич КУЗИН**: погиб от ранения в голову.
4. Рядовой **Сергей Григорьевич РОГАЧЕВСКИЙ**: погиб от ранения в голову.

20 января

5. Капитан **Александр Владимирович МАЛЕЕВ**: погиб от ранения в голову.

6. Старший прапорщик **Олег Сулейманович АХУН-ДОВ**: погиб от ранения в живот.

7. Прапорщик **Петр Степанович ЦЕСОРУК**: погиб от ранения в живот.

8. Старший сержант запаса **Олег Сергеевич СОБОЛЕВ**: погиб от ранения в голову.

9. Младший сержант запаса **Александр Ермолаевич РУСЛАНОВ**: погиб от ранения в голову.

10. Рядовой **Василий Васильевич КОВАЛЕВ**: погиб от многочисленных ранений, в том числе в голову и шею.

11. Рядовой **Сергей Зиновьевич ОЛЕЙНИК**: погиб от ранения в грудь и живот.

12. Рядовой **Александр Владимирович ЛУКЪЯНОВ**: погиб от ранения в живот.

13. Рядовой запаса **Игорь Ефимович РЕДЬКО**: погиб от ранения в голову.

14. Рядовой **Андрей Михайлович ТАРАКАНОВ**: погиб от ранения в голову.

22 января

15. Рядовой запаса **Павел Акатолдиевич БОРИСОВ**: погиб от ранения в голову.

23 января

16. Рядовой **Ярослав Алексеевич ВАКУЛЕНКО**: погиб от ранения в голову.

17. Рядовой **Михман Сасибали оглы МАМЕДОВ**: погиб от ранения в голову.

24 января

18. Сержант **Евгений Геннадиевич ГОЮСАН**: погиб от ранения в грудь и живот.

25 января

19. Старший лейтенант **Александр Владимирович КОНОПЛЁВ**: погиб от ранения в голову.

20. Лейтенант **Александр Николаевич АКСЕНОВ**: погиб во время доставки в госпиталь от потери крови после тяжелого ранения в ногу.

21. Рядовой **Сергей Борисович ЛУКИН**: получил множество ран, скончался в госпитале.

27 января

22. Рядовой **Евгений Геннадьевич БОГДАНОВ**: погиб от ранения в грудь, найден в колодце.

29 января

23. Рядовой **Владимир Николаевич ГОРБОНОСОВ**: погиб от ранения в голову.

24. Рядовой **Григорий Григорьевич ПЛЮЩАЙ**: погиб от ранения в живот.

1 февраля

25. Курсант **Андрей Петрович КУЛЕШОВ**: смертельно ранен в грудь 22 января при эвакуации семей военнослужащих, скончался в госпитале.

4 февраля

26. Рядовой **Борис Ефимович КОЗЛОВ**: погиб от ранения в живот.

7 февраля

27. Рядовой **Александр Викторович СЕМИН**: погиб от ранения в голову.

9 февраля

28. Майор **Владимир Алексеевич ХАРИТОНОВ**: погиб от ранения в голову, скончался в госпитале.

11 февраля

29. Младший сержант **Озумбат Хасанович ДЖУМАЕВ**: погиб от ранения в голову, которое было получено во время патрулирования (стреляли из окон).

Кроме перечисленных жертв экстремизма погибло еще девять военнослужащих. Хотя в их смерти нет прямой вины экстремистов, но последние своими преступными действиями создали ситуацию, способствовавшую гибели и этих людей.

В заключении еще раз отвечаю, что участие войск в мероприятиях после установления чрезвычайного положения в Баку было вынужденным и необходимым, причем спровоцированным антигуманными и антидемократическими действиями экстремистов-отщепенцев. Только вмешательство воинских подразделений при бездействии правоохранительных сил Азербайджана сумело предотвратить более тяжелые последствия, гибель тысяч ни в чем не повинных людей.

Генерал-майор юстиции

В. Г. ПРОВоторов

«Военно-исторический журнал»

№ 7, 1990 г.

«ВО ВСЕМ ВИНОВАТ ГДЛЯН...»

(Полемические заметки по поводу воинствующего национализма)

Тысячелетия истории человечества... Появлялись и приходили в упадок государства, на их обломках создавались новые. Формировались нации со своим уровнем цивилизации, развития языка, письменности, неповторимыми обычаями. Осуществлялось взаимопроникновение культур, религий разных народов и одновременно шли войны, войны, войны — как единственный общепризнанный в то время способ обогащения государств, создания обширных империй, разрешения этнических, религиозных и иных противоречий и конфликтов. Разорительные, опустошительные завоевания привели к исчезновению одних народов, разбросали по всему свету другие, и потребовалось немало времени, чтобы сначала отдельные представители общества, а затем все большие слои населения в развитых странах усвоили, что «плохой» мир лучше «добрый» войны, что нет «плохих» и «хороших» народов, что люди равны между собой независимо от цвета кожи, расовой и национальной принадлежности, вероисповедания.

В международных отношениях в основном утвердился отказ от войны как «продолжения политики иными средствами», стали осуждаться проявления расизма, шовинизма и национализма в любых формах, а распад колониальных империй сопровождался расцветом национальных культур, самосознания народов, укреплением добрососедских отношений между государствами, разрешением имеющихся противоречий путем переговоров, а не силовыми методами. Наряду с этим как проклятое наследие прошлого и по сей день в различных регионах мира еще происходят конфликты, ожесточенные столкновения и даже войны на этнической и религиозной почве. Примечательно, что за редким исключением они характерны для слаборазвитых стран с невысоким уровнем культуры либо для государств недемократических. К их числу, к сожалению, относится и наша страна.

Закономерны процессы обострения межнациональных

отношений и распада Союза. Колониальная политика царизма после октябрьского переворота хоть и претерпела определенные изменения, но имперская сущность ее сохранилась. Жесткая централизация привела к тому, что федерация, союз существовали больше на словах, а фактически функционировало унитарное государство, подавлялась самостоятельность, унижалось национальное достоинство граждан. Вспомните, как уже после октября 1917 г. произвольно определялись границы создаваемых республик, других национальных образований, как захватывались независимые государства, высекались целые народы. От диктата центра, утвердившейся партийно-полицейской системы одинаково страдали и страдают народы России и Армении, Украины и Молдавии, Прибалтики и Узбекистана, других союзных республик и автономных образований.

Несмотря на противодействие партийно-государственной бюрократии совместными усилиями демократических движений, которые набирают все большую силу, сегодня уже возможно радикально преобразовать страну в добровольный союз политически и экономически самостоятельных республик, обеспечить выход из него тех государств, которым выгоднее существовать самостоятельно, путем референдумов, переговоров и другими способами разрешать накопившиеся межнациональные противоречия и спорные вопросы, в том числе и территориальные.

Немалый, а порой и решающий вклад в этот непростой, крайне болезненный процесс должна и просто обязана внести прогрессивная часть интеллигенции — носитель исторического опыта, традиций, передовых идей времени. К сожалению, следует отметить, что сознательно либо по недомыслию немало ее представителей, наряду с мафиозными группировками, занимают ныне позицию национализма и национал-шовинизма. С их легкой руки претензии, неприязнь, а то и ненависть распространяются не к исторически обреченной системе «развитого социализма», не к монополизировавшей власть и надругавшейся над народами коррумпированной партийной элите, не к ее конкретным представителям, не к хищникам-миллионерам, а к другому народу или группе народов в целом. Отравленные ядом национализма, люди отвлекаются от радикальных преобразо-

ваний в собственном доме от деятельности своих лицемерных и цванливых руководителей, от собственных кровососов-богатеев. Для них врагом становится армянин, турок, русский, узбек, киргиз, т. е. человек другой национальности, что бы он из себя ни представлял. «Разделяй и властвуй!» — этот древний принцип успешно внедряется в нашу жизнь, в том числе при активном содействии воинствующих националистов из числа лиц, которые считают себя интеллигентами. Приведу конкретный пример.

Передо мной лежит книга, изданная в текущем году в г. Баку в издательстве «Язычы» на русском языке тиражом 30 тыс. экземпляров. Прекрасно оформленный переплет, красочные, приковывающие внимание обложка и заголовки: «Белые пятна истории и перестройка». 220 страниц текста на хорошей бумаге, приемлемая цена 1 руб. Очевидно, что уже по этим параметрам книга не залежится, найдет своего читателя. Чему способствует и рекламная аннотация: «Член Союза журналистов СССР с 1965 года Ариф Мансуров имеет много научных трудов, выступал на страницах республиканской и центральной печати. В своей книге автор рассматривает вопросы исторической и современной действительности, обнажает истинное лицо противников перестройки, подтверждая свои выводы неопровержимыми фактами и документами».

Нет смысла подробно пересказывать содержание этого «произведения». Ссылки на различные публикации, «свидетельства», многочисленные восхваления в адрес «мудрой» политики нынешнего руководства страны во главе с Горбачевым, назойливо повторяемое слово «интернационализм» не в состоянии скрыть махрового националиста в лице автора. Примечательно, что многие «беспспорные факты» основаны лишь на его умозаключениях. Очевидно и другое. Появление подобного рода «творений» является отражением официальной политики партийно-государственными структурами власти. Только еще приступая к углубленному изучению межнациональных отношений в стране, на примере данной книги я впервые столкнулся со столь откровенной концепцией ненависти к другому народу, основанной на грязной стряпне явных фальсификаций, а это вызвало не только отвращение, негодование, но и стремление

дать решительный отпор, бороться с подобными (а их, видимо, немало) отщепенцами человеческой цивилизации. Однако судите сами о некоторых положениях и выводах этого «научного труда».

Как открытым текстом, так и в завуалированных формах автор пытается убедить читателя в том, что армянский народ и его интеллигенция («армянские оборотни») выполняют зловещую роль как в нашей стране, так и за ее пределами. Для воссоздания «Великой Армении» на землях, которые якобы ей никогда не принадлежали, армяне, по утверждению всезнающего Арифа Мансурова, искажали исторические факты, учиняли резню и погромы турков на современной территории Турции и Азербайджана, «выдумали» факт какого-то «геноцида» в конце прошлого века и в 1915 г. с целью опорочить миролюбивое правительство Турции, в годы сталинских репрессий «внедрились» в республиканские органы НКВД — МГБ Азербайджана для террора «над лучшими представителями народа», заняли «все ключевые позиции «теневой» экономики», составляя основу мафиозных структур в стране, спровоцировали несуществующую проблему НКАО и т. д., и т. п.

Автор делает и другое «открытие». Оказывается, раселившись как по нашей стране, так и по всему миру, армянский народ и его интеллигенция сформировали «московское лобби» или «пятую колонну» в СССР и мощное «лобби» за рубежом с целью «сеять смуту, беспорядки и антиправительственные выступления». В подтверждение своих «изысканий» он, в частности, приводит пример подобного вмешательства во внутренние дела США. «Чтобы добиться побольше голосов, он (Рейган) в год президентских выборов (15 апреля 1980 г.) и в первый период своего президентства (22 апреля 1981 г.) осуждающе говорил о «геноциде» 1915 г. Однако после своего утверждения Р. Рейган и государственный департамент США под нажимом широкой общественности взяли под сомнение факт геноцида, чем вызвали озлобление армянских кругов в США, после чего на него было совершено покушение!»

Остается лишь сожалеть, что мировая общественность не знакома с Арифом Мансуровым, его информацией о причастности армян к покушению на жизнь Рейгана, другими «разоблачениями». Наверное, стоило бы

приехать в Баку представительной делегации специалистов, чтобы в естественных условиях среды обитания изучить повадки, образ жизни, понять причины появления и процветания нового типа «учебных», которые свято убеждены, что бы негативного ни происходило в мире, повинны в этом могут быть только армяне.

Под этим углом зрения понятно откровенное негодование автора по поводу того, что армяне не заняли ключевые позиции в науке, экономике, партийно-государственных учреждениях, правоохранительных органах страны, где их деятельность «носит открыто циничный и безнаказанный характер». С гневом обрушивается Мансуров с бездоказательными обвинениями на всех видных деятелей армянской национальности, огульно объявляя их, а заодно и весь армянский народ «противниками перестройки». Естественно, что в число «армянских оборотней» автор включил и одного из самых популярных людей не только Армении, но и всей страны, известного представителя политической оппозиции ныне существующему режиму власти Т. Х. Гдьяна. Его фамилия склоняется с первых до последних страниц книги. Еще бы! Ведь сегодня общеизвестно, что Гдьян находится в опале у Горбачева и его «команды», а значит его деятельность можно безнаказанно (пока!) использовать под обоснование любых измышлений. Например, о том, что межнациональные конфликты в разных регионах страны разжигают опять же... армяне. Под этот вывод готов и очередной «бесспорный факт»: «Значительный вклад в обострение межнациональных отношений внес другой представитель «пятой колонны» в СССР — следователь по особо важным делам Прокуратуры СССР Тельман Хоренович Гдьян, который в течение 6 лет своей деятельности в Узбекистане «посадил» более 8 тысяч человек, и все они, по странному стечению обстоятельств, почему-то оказались лицами узбекской национальности».

Видимо, нет смысла вновь подробно возвращаться к истокам возникновения обстоятельств расследования и причинам разгрома нашумевшего дела о мафиозных группировках Узбекистана и Москвы, его перевоплощения из «дела о мафии» в «дело следователей». Сегодня в этом не сумели разобраться лишь слабоумные да те граждане, которые ритуально читают перед сном газету

«Правда» — как руководство к действию. Но на некоторых моментах вкратце все же следует остановиться.

В ходе следствия было бесспорно установлено, что партийно-государственная структура власти в Узбекистане совпадала со структурой мафии. Путем махинаций, например, на хлопковом поле, а оттуда через райкомы, обкомы, хозяйственные органы поступал неисчерпаемый поток денег в ЦК КП Узбекистана, Совет Министров и Президиум Верховного Совета республики, к их первым лицам. Оттуда широким веером взятки шли в Москву — в министерства, ведомства и, конечно, в ЦК КПСС. В безотказный преступный конвейер (от дехканина, бригадира до Ш. Рашидова) оказались вовлечены миллионы граждан, в основном простых людей, «стрелочников». Их вынуждали совершать преступления, с них безжалостно выколачивали «дань» вышестоящие «баи» и «курбаши» с партбилетами в кармане.

Когда в 1983—1984-гг. «нарыв лопнул» и вообще отрицать махинации и коррупцию стало уже невозможно, местные мафиози и их покровители из центра «перестроились» на ходу. В июне 1984 г. они провели XVI пленум ЦК КП Узбекистана с участием Е. К. Лигачева. На нем было признано, что в республике, дескать, имеются «отдельные негативные явления», но в целом в парторганизации «здоровый кадровый корпус» и ему по плечу самостоятельно устранить имеющиеся недостатки, искоренить факты взяточничества, хищений, злоупотреблений. С энтузиазмом приступили мафиози к выполнению этого решения. Усилия местных правоохранительных органов и следственных групп из центра они направляли на борьбу со «стрелочниками», с «пешками», которыми всегда жертвовали «на пути к коммунизму». В то же время, отдавая на закланье свой узбекский народ, «отцы» мафии контролировали, чтобы не были затронуты их личные и имущественные интересы. В начале им эта политика удавалась. В 1984—1987 гг. десятки тысяч восторженных и десятистепенных правонарушителей были осуждены, а почти все организаторы сохраняли свои посты и капиталы. На республиканских пленумах ЦК, активах, собраниях мафиози подводили итоги кампании репрессий против собственного народа, козыряя своими заслугами друг перед другом и перед Москвой в «бескомпромиссной» борьбе с «отдельными

негативными явлениями». Горе и страдания пришли в сотни тысяч узбекских семей. Вместе с ними росло и чувство социальной несправедливости, все более остро воспринимался этот произвол в общественном сознании.

И лишь следственная группа Прокуратуры СССР, возглавляемая Гдляном, действовала иначе. Мы были поражены увиденным в республике. Роскошь привилегированного класса власть имущих, сотни миллионеров и мультимиллионеров, а рядом нищета народа, нищета основной массы простых тружеников, их жестокая эксплуатация. Рабский детский труд на полях, эпидемии, высокая смертность (особенно детская), социальная неустроенность и незащищенность большинства населения, безработица. Спекулируя на традиционном уважении к старшим, к власти, используя другие рычаги воздействия, новоявленные богачи содержали свой трудолюбивый народ в состоянии редкостной покорности. И на этом фоне царили вопиющая бесконтрольность, безнаказанность, круговая порука во всех структурах власти, всеобъемлющая коррупция.

При таких обстоятельствах мы посчитали несправедливым, безнравственным, политически вредным идти по проторенному пути своих коллег (хотя и нас на это упорно наталкивали) и массово привлекать правонарушителей к уголовной ответственности, не затрагивая в то же время корней мафии. Всеми средствами отстаивая независимость, мы не только не стали орудием в чьих-то руках (ни местных «отцов» мафии, ни центра), но сумели избрать и все годы отстаивать свою линию следствия. Мы пошли по пути массового освобождения от уголовной ответственности второстепенных исполнителей, а это тысячи и тысячи граждан, в то же время выявляя и арестовывая организаторов мафиозных групп. В их числе пять секретарей ЦК КП Узбекистана, председатели Совмина и Президиума Верховного Совета республики, десять первых секретарей обкомов партии, министры и их заместители, генералы милиции и др. Впервые в практике крупных расследований наша следственная группа провела криминально-политическое исследование корневой системы мафии более чем за 20-летний период, организовала массовое изъятие у обвиняемых «черной партийной кассы» в золоте, деньгах, облигациях на десятки миллионов рублей. Утвер-

ждая новые принципы следствия, мы, естественно, вступали в противоречие с утвердившейся репрессивной направленностью уголовной политики, с устоявшимися канонами, а на фоне своих коллег выглядели «белыми воронами».

Было очень непросто в обстановке ожесточенного противодействия, провокаций выжить и отстоять свою позицию. Приходилось вести борьбу порой на три фронта; с местной мафией, ее покровителями из Москвы и собственным руководством Прокуратуры СССР. Как все же удалось продержаться в течение 6 лет — это тема для более обстоятельного разговора, возможно, будущих мемуаров. Лишь отмечу, что мы сумели в этот период разоблачить лживый тезис об «отдельных негативных явлениях» в регионе, доказать наличие массовой многоступенчатой коррупции, утвердить политико-правовую состоятельность избранной нами линии следствия. Это позволило решительно выступить с требованиями прекратить в Узбекистане произвол массовых репрессий. Не местные патриоты, а интернационалист Гдлян и его коллеги с конца 1985 г. и весь 1986 г. «бомбили» глухое к чужим страданиям руководство страны письменными обращениями. Например, в ЦК КПСС их скопилось столько, что гр-ну Мансурову хватило бы на новую книгу. Кстати, об одном из таких обращений — докладной записке на имя Горбачева, которая в конце 1986 г. была предметом обсуждения на Политбюро ЦК КПСС, сообщил, в частности, на заседании Верховного Совета СССР 17 апреля с. г. Борис Николаевич Ельцин, который уже в то время был нашим единомышленником. Во многом благодаря титаническим усилиям Гдляна и его группы в 1987 г. удалось остановить «маховик» массовых репрессий не только в Узбекистане, но и в других хлопкосеющих республиках, где события начинали разворачиваться по отработанному сценарию. И этим мы гордились и будем гордиться всю свою жизнь.

В связи с этим не только лживо, но и на редкость кощунственно звучит утверждение Арифа Мансурова об организации Гдляном уголовного преследования «лучших представителей» узбекского народа именно по национальному признаку. Ни созданные в 1989 г. по нашему «делу» и тенденциозно настроенные три комис-

сии (ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Съезда народных депутатов СССР), ни наши личные противники в лице генерального прокурора СССР А. Сухарева и председателя КГБ СССР В. Крючкова, ни руководители страны не осмелились предъявить нам подобных обвинений. А Мансуров решился.

«Ай, Моська, знать, она сильна, коль лает на слова...», — невольно вспоминаются слова из известной бани Крылова. Ведь автор книги имел возможность не раз слышать по радио и телевидению, неоднократно читать в прессе, что самая крупная в стране группа Гдьяна, в отдельные периоды состоявшая из 200 и более следователей, привлекла к уголовной ответственности за 6 лет своей работы... лишь 62 человека да еще около 100 соучастников обвиняемых временно содержались под стражей до выдачи ими многомиллионных богатств. Среди арестованных, помимо узбеков были и таджики (8 человек), и русские (6 человек), и лица других национальностей. В каком же кошмарном сне пригрезились Арифу Мансурову «более 8 тысяч «посаженных» — причем лишь узбеков? Впрочем зачем возмущаться? Объявлять белое черным, брать «с потолка» любые данные — излюбленный прием всех фальсификаторов. Главное для них, чтобы хоть немного смахивало на правду, да «фактов» побольше. А на это Мансуров мастер. Почему не был привлечен к уголовной ответственности начальник ОБХСС МВД Узбекской ССР, армянин, возмущенно вопрошает он? И невдомек читателям, что никогда армянин на этой должности не работал, а налицо очередная фальшивка.

«Любите книги — источник знаний», — часто повторял А. М. Горький. Что же мы можем почерпнуть из «источника», изданного в Баку? Немало. Например, узнать о «причинах» кровопролития в Фергане: «Дело в том, что трагические события в Фергане и других областях были спровоцированы молодчиками из комитета «Карабах», которые, сомкнувшись с местными бандами, устроили открытую резню турок-месхетинцев, большинство из которых официально значатся азербайджанцами».

А имеет ли Гдлян непосредственное отношение к геноциду в Сумгаите? Ни за что не догадаетесь! Раз он армянин, значит, имеет — уверяет Ариф Мансуров, со-

общая очередную «сенсацию»: «Подкупленные Гдляном и Каракозовым на «узбекские деньги», в Сумгаите орудовали более 60 уголовных элементов из Степанакерта, Еревана, блестяще владевших оружием насилия и говоривших на азербайджанском языке. Не случайно Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев на специальном заседании Президиума Верховного Совета от 18 июля 1988 г., отвечая на гнусную выходку В. Петросяна по поводу надуманного им «геноцида» в Сумгаите, говорил: «Но слушайте, это же были отбросы общества, уголовные элементы, зачем же вы приписываете все это азербайджанскому народу?»

И все. Точка. Одна выхваченная цитата Горбачева, и больше никаких ссылок на какие-либо документы или другие, подлежащие проверке данные. А зачем? Ведь вам об этом сообщает сам Ариф Мансуров! Конечно, пальма первенства по дискредитации комитета «Карабах», следственной группы Гдьяна, нежеланию признать факт геноцида в Сумгаите принадлежит центру. Автор многих «научных трудов» уже повторяется, зато демонстрирует богатую фантазию и даже чувство юмора. «Революционное чутье» и «коммунистическая убежденность» его не подводят, подсказывают настолько «беспорные факты», которые ввиду их явной абсурдности нет смысла и комментировать.

Одной из целей «московского лобби», комитета «Карабах» и других «армянских оборотней», по утверждению автора, является дискредитация руководства страны, Политбюро ЦК КПСС. Приводится ряд «примеров», в том числе и такой. Гдлян, дескать, стал «притеснять» Е. Лигачева в ответ на его твердую позицию по проблеме НКАО: «Конечно же политическая цель этих национал-экстремистов — подвести страну к пропасти обострения межнациональных отношений, а говоря прямо — развязать гражданскую войну в СССР», — подводит итог Ариф Мансуров.

Подведем его и мы. В каком государстве мы живем? Если верить автору книги, то в правовом, во всяком случае руководство страны и Азербайджана стремится к этому. Тогда закономерен вопрос: почему Ариф Мансуров продолжает издавать «научные труды» и до сих пор не привлечен к уголовной ответственности? Ибо содержание его книги предусматривает такую ответ-

венность за разжигание межнациональной розни, оскорбление и клевету, соединенную с обвинением в совершении тяжких преступлений. После появления в свет его пасквиля прокурор Азербайджана (по месту совершения преступлений) либо генеральный прокурор СССР, если они действительно следят за законностью в республике и страны, обязаны были возбудить уголовное дело в отношении Мансурова и провести расследование. В любой демократической стране до конца дней своих пришлось бы выплачивать этому «ученому» миллионы долларов штрафа. Но не в нашей. И далеко не случайно расхваливает автор книги так называемую перестройку и руководство страны. Он хорошо знает позицию центра и убежден, что ни один волос не упадет с его головы! Что уголовные дела сегодня возбуждаются против лидеров национально-освободительных движений (Аркадий Манучаров, комитет «Карабах» и др.), против находящихся в оппозиции народных депутатов (профессор Т. И. Корягина и др.), иных инакомыслящих (генерал КГБ Калугин О. Д. и др.). Что вместо тюрьмы и штрафов получит он гонорар за свой «научный труд», будет иметь почет и уважение в кругу единомышленников, продолжит аналогичное «творчество». Сегодня его время.

Но пусть знают Ариф Мансуров и ему подобные, что демократические силы в стране укрепляют позиции и уже не за горами их победа, утверждение не мнимых, а истинных основ правового государства. А что это значит для Мансурова и других национал-provокаторов, разжигающих животные инстинкты и толкающих народы во вчерашний день цивилизации, думаю, объяснять не надо.

И последнее. Рядом с Гдлянм в числе «противников перестройки», как правило, упоминается и Иванов. И лишь автор книги постарался «забыть» о моем существовании. Случайно ли? Отнюдь. Слишком фамилия неподходящая, не вписывается она в розыгрыш «армянской карты». Вот если бы соратником Гдльяна оказался Иванян или хотя бы Оганесян! Какой простор открылся бы для «творчества» Арифа Мансурова, сколько новых «беспорных фактов» сообщил бы он читателям!

Так во всем ли виноват Гдлян? Конечно. Даже и в том, что в результате политики пантюркизма и геноцида армянского народа миллионы его представителей,

как и сам Гдлян, оказались разбросанными по всему свету и говорят на множестве армянских диалектов.

Н. ИВАНОВ,
народный депутат
Армянской ССР.
«Коммунист» 18 августа 1990
года № 182 (17069)

НА СТУПЕНЯХ БЕДЫ

Когда Галина СТАРОВОЙТОВА вышла из самолета, у трапа ее уже ждали автоматчики. Представители военного руководства области заявили народному депутату СССР, что если она немедленно не покинет Нагорный Карабах, то будет отправлена в фильтрационный пункт, по сути, камеру предварительного заключения, где выясняется личность человека.

— Галина Васильевна, Карабах — ваша неутраченная боль. Но, насколько я знаю, в последний раз вам удалось побывать там в конце 1988 года еще с Андреем Дмитриевичем Сахаровым. Что привело сюда снова?

— Решение двух парламентов — российского и армянского, крайне обеспокоенным состоянием дел в автономной области, соблюдением там законности и прав человека. Об этом просили также мои избиратели в Ереване. А еще надо было передать для математической школы электронные калькуляторы. Потому что родина карабахских детей в блокаде, и они уже давно не видели никаких достижений цивилизации, кроме БТРов, танков, автоматов.

— Так почему все-таки вас задержали военные?

— Когда под конвоем меня привели к коменданту, а затем туда же явились еще несколько вооруженных офицеров, я тоже задала этот вопрос. Услышала в ответ: на основании Указа о чрезвычайном положении. Однако на депутата СССР ограничение права на перемещение по территории страны не распространяется. Тогда военные начали ссылаться на министра юстиции Азербайджана Оруджева, издавшего документ, который

явно противоречит закону о статусе депутата, ущемляет его права.

Как я потом узнала, на аэродроме начали собираться возмущенные моим задержанием люди. Для усмирения невольного несанкционированного митинга готовились части спецназа. В маленькой душной комнатке мы находились уже несколько часов. Все это время комендант аэропорта вел телефонные переговоры. Все более нервничал и наконец прямо спросил «Вот сейчас она направится в Степанакерт. Что же мне ее за руки хватать, за платье?!» Хотя куда я могла двинуться из кольца мужчин с пистолетами и автоматчиков снаружи? Нет, физическое насилие ко мне не применяли, но реальная возможность подобного была.

— Вы не называете ни одной фамилии. Потому что не знаете их?

— Знаю. Но не называю сознательно. Эти люди в очень трудных условиях пытаются исполнить свой долг. И не их вина, что после соответствующей односторонней идеологической обработки они живут, будто на чужой земле, постоянно ожидая нападения со стороны армян, что их плохо кормят, снабжают. Но все же, несмотря на мое сочувствие к ним, не могу не отметить непрофессионализм армии. Практически в одно время со мной Нагорный Карабах посетил зарубежный корреспондент, естественно, не афишируя свою поездку, и беспрепятственно получил необходимый ему материал.

— А вы так и не смогли выполнить намеченную программу?

— Я уже находилась у коменданта Степанакерта, когда позвонил Президент Азербайджана Муталибов — мол, обстановка в республике, — узнавший (откуда?) о моем визите в Карабах, — накаляется. И хотя я не рекламировала предстоящую рабочую поездку, пообещала, войдя в сложность положения Президента, ограничить ее сутками.

— Ваше впечатление после посещения Карабаха. Заметно ли хоть малейшее улучшение ситуации?

— Положение гораздо хуже, чем в начале конфликта. Невольно вспоминается история перехода Британ-

ской империи в Британское содружество. В 1948 году, после резолюции ООН об образовании государств израильского и палестинского, протекцию над этой территорией еще сохраняла Англия. Она ушла, не решив многолетней распри между противоборствующими сторонами. Но сами участники конфликта не могут его решить в принципе.

— Говоря об Англии, вы проводите параллели с нашей ситуацией?

— Конечно. Центр готов умыть руки, вывести войска; сказав: разбирайтесь сами. Как депутат российского парламента и как мать я понимаю эту позицию. Однако как же быть с федеральными обязательствами? Какие в таком случае преимущества по сравнению с национальной независимостью дает вхождение в состав СССР? И вообще у меня ощущение, что в центре постепенно складывается мнение: Арменией можно и «пожертвовать». Имею в виду ее выход из Союза. С ней слишком много проблем.

У нас замалчивается кровопролитие в Закавказье и в Средней Азии — это стало обычным делом. Можно сделать вывод, что цена человеческой жизни там и в европейской части страны становится различной. А это типичный колониальный менталитет. Имперское сознание и имперская политика продолжают. Да, наши солдаты не должны гибнуть под пулями за Кавказскими горами. Но многовековая империя обязана нести определенный груз ответственности за то, что происходит в ее пределах.

— Недавно я беседовал со вновь избранным Председателем Верховного Совета Армении Левом Тер-Петросяном, и он сказал, что армию из Карабаха необходимо вывести. Вы же, похоже, настаиваете, что она должна там остаться?

— Ни в коем случае. В НКАО необходимо восстановить Советскую власть. Пока же генерал Сафонов создал там такой же жестокий репрессивный режим, какой во время военного положения создал в Ереване генерал Макашов. Между тем законность в Карабахе грубо попирается. В частности, насильственно изменя-

ются демографические пропорции населения, из отдельных сел люди попросту депортируются.

Войска из Нагорного Карабаха надо убирать. Но на границы Армении и Азербайджана ставить заслоны между конфликтующими сторонами. И по периметру Карабаха. А также в отдельных взрывоопасных точках, где достаточно близко друг от друга живут армяне и азербайджанцы. Конечно, обеспечив армию всем необходимым.

— Согласен с вами в том, что подобными мерами в какой-то степени конфликт можно пригасить, но не потушить.

— Безусловно, силовое давление проблем не убавит. Поскольку нет политических решений, идет вялая, тихая, замалчиваемая гражданская война. На сегодня реальным, считаю, остается один общедемократический путь — отказ от четырехступенчатого деления народа на сорта, от разных форм национальной государственности. Необходимо раскрыть так называемую русскую матрешку, когда одни народы почему-то помещены внутри государственных образований других народов, зачастую далеких от них и по религии, и по традициям, и по культуре. Следует реализовать прямые связи всех этих образований на центр: минуя промежуточные инстанции.

Ливан, Афганистан, Карабах — увы, это надолго. Генетическая память о пролитой крови быстро не исчезает. Что касается Нагорного Карабаха, большие надежды возлагаю на предстоящие в конце сентября выборы нового парламента Азербайджана. Думаю, будет законодательно оформлен реальный политический плюрализм, существующий в республике. Там есть здоровые силы, с которыми можно сесть за стол переговоров.

Беседу вел

В. КИСЕЛЕВ

«Московские новости» № 34,
1990 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПОДПОЛКОВНИКА ИЩУКА АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА ПО АРМЯНСКОМУ ТЕЛЕВИДЕНИЮ

Зимой этого года я баллотировался кандидатом в народные депутаты России. Сильнейшим побудительным мотивом вступления в борьбу за мандат народного депутата РСФСР явилась та картина, я считаю, позорная картина, когда на первом Съезде народных депутатов СССР в мае 1989 года генерала Родионова призывали с трибуны к ответу за действия войск в г. Тбилиси. Я понял, что сегодня, когда решается вопрос о власти не только в стране, но и в республике, в РСФСР, очень важно, кто придет к власти, какая власть завтра отдаст команду применить силу против своего народа, какая власть, как в случае с Родионовым, послезавтра откажется от нас и какая власть послезавтра объявит врагами народа военных.

Вот этот сильнейший побудительный мотив и подвинул меня на борьбу за мандат народного депутата России. Я потерпел поражение. В предвыборной платформе одним из главных пунктов я определял разработку и принятие закона о внутренних войсках, в котором, по моему мнению, необходимо было бы запретить использование внутренних войск в разрешении межрегиональных конфликтов на межнациональной почве до тех пор, пока не использованы все меры политического характера. В случае с Нагорным Карабахом я считаю, что в 1988 году была упущена возможность решения проблемы политическими мерами.

Тогда говорили, что нет прецедента. Сегодня этот прецедент есть — образование союзной республики Татарстан. Значит, можно было и в 1988 году решить проблему образования автономии или республики, или союзной республики с подчиненным центром.

И тогда не затянулось бы решение этой проблемы на долгие 2,5 года. Мне на предвыборных встречах задавали вопрос: как я вижу решение проблемы Нагорного Карабаха? Я тогда отвечал, что именно так вижу решение этой проблемы.

Будущее нашей страны мне видится страшным, карта Родины в пятнах режимов чрезвычайного положения.

Офицеры внутренних войск за 2,5 года прошли в горячих точках страны хорошую подготовку в различных должностях.

Мне в Нагорном Карабахе в этом году выпала необходимость выполнять обязанности коменданта телерадиоцентра, а в последние дни офицеры политотдела комендатуры в НКАО по контролю за средствами массовой информации. Выполнение обязанности коменданта телерадиоцентра привело к необходимости изучить эту проблему. В каких условиях работает телерадиоцентр, в каких условиях находятся средства массовой информации? Сейчас я могу аргументированно рассказать об этом.

Я пытался склонить нескольких корреспондентов к тому, чтобы они подготовили материал. Я считаю, что это — взрывоопасный материал, и тема которого — «Средства массовой информации в условиях чрезвычайного положения». Как они живут, как им приходится жить в этих условиях? Не только средства массовой информации, но и людям, которые работают в этих средствах массовой информации.

Но вот для меня было непонятно: я комендант радиотелецентра, коллектив которого отстранен от работы. Кого контролировать? Оказалось, нужно контролировать работу группы сотрудников Гостелерадио республики, приезжающих из Баку в командировку и ведущих вещание на область. Почему так получилось? Потому что в январе с введением режима чрезвычайного положения в Нагорном Карабахе стало ясно, что средства массовой информации — это мощное оружие. Кто имеет или владеет ими, тот имеет возможность влиять на сознание людей. Видимо, исходя из этой предпосылки в январе этого года с введением режима чрезвычайного положения телевидение области прекратило свое существование. Ситуация такая, что здесь, в городе Степанакерте, находится телецентр, а ретранслятор находится в Шуше. Буквально выключением тумблера можно прекратить передачи степанакертского телевидения.

С телевидением понятно, а с радио? Ведь радио можно здесь организовывать в городе Степанакерте. И не нужно опасаться, что в Шуше отключат его. Но в начале февраля военная комендатура, по сути дела, отстранила коллектив телерадиоцентра от ведения пере-

дач. Я не смог найти документы в военной комендатуре, которые определяют законность или правомерность этой меры, когда коллектив отстранен, караул, который находится на 1-м этаже телерадиоцентра, обеспечивает вещание работникам Гостелерадио Азербайджанской ССР. Но, видимо, люди, которые ответственны за эти акции, понимали, что необходимо подготовить соответствующие документы. Так рождается 7-го марта с. г. приказ председателя Гостелерадио Азербайджанской ССР об освобождении от должности председателя Комитета телерадиовещания области Согомояна Г. С. в связи с тем, что он не выполнил ранее изданный приказ о том, что Комитет по телевидению и радиовещанию области является структурным подразделением Гостелерадио Азерб.ССР. Причины найдены, далее, естественно, коллектив не примет этот приказ и не согласится с освобождением от должности председателя Комитета по телевидению и радиовещанию тов. Согомояна, и можно будет объяснить, почему коллектив отстранен от теле- и радиовещания на область. В мае месяце появляется приказ Гостелерадио, который несколько смягчает формулировку об освобождении тов. Согомояна. Приказ гласит: освободить в связи с уходом на пенсию. Но тем не менее создается предпосылка и ряд объяснений к тому, что коллектив не работает, «якобы не работает». На самом деле, как стало мне известно в беседе с представителем Гостелерадио Азерб.ССР, все это формальные причины. Комитет по телевидению и радиовещанию, телецентр НКАО закрыли не для того, чтобы открыть для работы. Как в этих условиях выглядит действие комендатуры района чрезвычайного положения?

12-го февраля с. г. издается приказ коменданта района чрезвычайного положения, который определяет контроль, установление контроля за средствами массовой информации. Противоречит это закону? Нет. В указе о введении чрезвычайного положения в НКАО от 15-го января с. г., затем и в Законе «О правовом режиме чрезвычайного положения» есть такой пункт. Например, в Законе «О правовом режиме чрезвычайного положения» это пункт 14, ст. 4, который гласит: устанавливать контроль за средствами массовой информации. В чем заключается контроль? Согласно приказу комендантского района чрезвычайного положения № 27 от 12 февраля

контроль выглядит следующим образом. Устанавливается порядок радиопередач, для радио с 7 часов 15 минут до 8.00 и с 13.00 до 14.00, с 20 до 21.00 понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота, воскресенье, в воскресенье — 17.00 ч. 17.30—18.30. Прямой эфир исключается с тем, чтобы можно было контролировать, что записали на радио. Этим же приказом я был назначен на должность коменданта телерадиоцентра. Если вдуматься в смысл приказа, то приказ определен для работающего телецентра. Но как можно контролировать средства массовой информации, если коллектив отстранен от ведения радио- и телепередач? Словом, формальность. Учитывая, что коллектив не признал приказ председателя Гостелерадио Азерб.ССР об освобождении тов. Согомояна от обязанности председателя комитета, комендантом района чрезвычайного положения в мае месяца был издан приказ, который в общем-то перефразировал приказ Гостелерадио Азерб.ССР, и уже тов. Согомоян уволен по приказу коменданта.

Естественно, коллектив не принял и это. Для меня было важно установить, в компетенции ли комендатуры открыть телецентр, возобновить его функционирование. После двух месяцев напряженной работы (июль, август) я решил, что это не входит в компетенцию комендатуры. Тогда кто может решить этот вопрос? Ясно, что Гостелерадио Азерб.ССР откажется от его решения. Может быть, Гостелерадио СССР может решить этот вопрос? За подписью тов. Ненашева мы получили телеграмму о том, что Комитет по телевидению и радиовещанию НКАО является структурным подразделением Азерб.ССР, т. е. тов. Ненашев дал понять, что этот вопрос должны решать здесь, в республике. Тогда вместе с комендантом по газете «Советский Карабах» И. М. Железко мы обратились к командующему внутренними войсками МВД СССР генерал-полковнику Шаталину с вопросом: как быть, если комендатура сегодня через контроль средств массовой информации — телевидения, радио и газеты настолько «вошла» в область политики, что необходимо положить этому предел. Выслушав наши доводы, командующий внутренними войсками МВД СССР генерал-полковник Шаталин высказался по проблеме так: коллектив телерадиоцентра должен приступить к работе, население области должно слушать мест-

ные радиопередачи и смотреть местные телепередачи. Контрольные функции комендатуры должны заключаться в том, чтобы не допустить нарушения Закона о печати, в частности, ст. 5-й, а также ст. 9 Закона «О правовом режиме чрезвычайного положения», где говорится, что за распространение провокационных слухов, за действия, побуждающие к нарушениям правопорядка; действия, направленные на разжигание межнациональной розни, применяются штрафные санкции в виде штрафа до 1000 руб. или административного ареста до 30-ти суток и не более. Вот чем должна заниматься комендатура, вот в чем должны состоять контрольные функции по отношению к телевидению и радио области. Казалось бы, разъяснения получены и должны вступить в силу. На сегодняшний день, а эта запись производится 5 сентября с. г., первые шаги в изменении контрольной функции комендатурой сделаны по отношению к газете. Если раньше, будем говорить до 29 августа, комендант газеты как цензор просматривал все материалы, которые готовились к публикации, и своей рукой вычеркивал и изымал материалы, которые, по его мнению, разжигали межнациональную рознь, провоцировали население на нарушение правопорядка или же распространяли слухи, то теперь, в соответствии с Законом о печати, цензура не допускается. Поэтому военная комендатура осуществляет контрольные функции следующим образом. Ведется контроль за опубликованными материалами в газете «Советский Карабах», и если в данных материалах усматриваются нарушения ст. 5 Закона о печати, а также ст. 9 Закона «О правовом режиме чрезвычайного положения», тогда составляется протокол и направляется в суд, начальнику УВД или его заместителям, или коменданту. Принимается решение по составлению протокола и применению штрафных санкций к средствам массовой информации. Я думаю, недалек тот день, когда и телецентр будет работать по такому же принципу. Мы уже говорили об информационной блокаде по отношению к населению НКАО со стороны официального руководства Азербайджана. Я довольно-таки подробно изложил, в чем это проявляется: местное население не может смотреть свои телевизионные передачи, передачи из Еревана привимаются не всеми радиоприемниками, радиовещание ведется работниками радиотелецентра г. Баку. А

разве это не информационная блокада, когда информация из НКАО ограничивается в другие республики и в центральные средства массовой информации? Возьмем хотя бы следующий пример: произошла авиакатастрофа 1-го августа с. г., погибли люди, на место авиакатастрофы смогли добраться только лишь корреспонденты Азеринформа. Ни корреспонденты ТАСС, ни корреспонденты других средств массовой информации не смогли там побывать. А ведь нужно было дать людям правдивую информацию, дабы пресечь слухи.

Сегодня завершается моя командировка в НКАО. Как мне видится развитие ситуации в данный момент? Я считаю, что ситуация в Нагорном Карабахе на сегодня взрывоопасная, сложная, она чревата непредсказуемым развитием событий. И это предопределено той предвыборной борьбой, которая развернута в Азерб. ССР между двумя основными силами — Народным фронтом Азербайджана и официальными структурами власти. НФА, обвиняя официальные органы власти Азербайджана в том, что они не способны решить проблему Нагорного Карабаха, всячески стремятся взорвать обстановку в Нагорном Карабахе. Как это делается? Проводятся специальные операции с привлечением сил отрядов милиции особого назначения. Я не могу утверждать, что отряды милиции особого назначения Азербайджана в основном укомплектованы из бывших боевиков, но тем не менее действия, которые были предприняты в Фарухе Аскеранского района, очень напоминают действия азербайджанских боевиков в январе этого года. В частности, обозленные тем, что не удалось изъять оружие, омоновцы избили нескольких армян и таким образом отомстили за свою неудачу. На границе между Агдамским и Аскеранским районами была попытка выставить КПП из гражданских вооруженных лиц. Кто это такие? Кто их вооружил, кто дал право? Только внутренним войскам дано право выставлять КПП. Это — Народный фронт. С другой стороны, официальные органы власти Азербайджана, заигрывая с Народным фронтом, пытаются убедить и их, и народ, и всю общественность в том, что они способны решить проблему Нагорного Карабаха. И делают для этого определенные шаги. Ну, например, расформирование районных комитетов партии. Если в Гадрутском районе

это прошло относительно мирно — орган компартии был расформирован в районе и образовано оргбюро из представителей, направленных из Баку, которых не принимает местное население, то в Шаумянском районе эта акция расформирования райкома партии была, к сожалению, проведена с помощью внутренних войск МВД СССР. Другие шаги, которые предпринимают официальные органы власти Азербайджана по отношению к НКАО — это и изменение демографической ситуации в пользу азербайджанского населения. Как это делается? Путем строительства жилья, предприятий. Предпринимаются попытки изменить процентное отношение армян и азербайджанцев в НКАО.

Армянский народ НКАО с возмущением воспринимает действия и НФА, и официальных органов власти. Горячие головы (они, не будем скрывать, есть в НКАО) зовут к оружию, ибо считают, что в конечном итоге Азербайджан выйдет из состава СССР и тогда все равно придется вести вооруженную борьбу, так лучше ее начать сегодня. Я должен сказать, что есть в НКАО и здравомыслящие силы, которые считают, что вооруженный путь — это не путь решения проблемы, и задачу перед собой ставят другую — проведение выборов в органы власти и через законно избранные народные органы власти решение проблемы НКАО. Как в этих условиях внутренние войска себя чувствуют? Я должен сказать следующее: для того, чтобы остановить действия НФА, у внутренних войск, дислоцированных в Нагорном Карабахе, видимо, сил на сегодняшний день недостаточно. Сил тем более недостаточно, чтобы остановить действия официального руководства Азербайджана. Тогда возникает вопрос: что же делать? Я глубоко убежден, что отменять режим чрезвычайного положения, выводить внутренние войска в сегодняшней ситуации — это безрассудство. Почему? Отмена режима чрезвычайного положения, вывод внутренних войск из НКАО взорвет ситуацию, которая сегодня складывается в Армении. А мы знаем, там избрана законная власть, она набирает силу, она принимает меры для расформирования АНА, других вооруженных организаций, а значит, снимается угроза для Азербайджана, а значит, нужно прекратить все те возгласы, крики об агрессии Армении по отношению к Азербайджану. Далее. Сня-

тие режима чрезвычайного положения, вывод внутренних войск из НКАО, я считаю, взорвет и ситуацию, которая складывается сегодня в НКАО, ибо проникновение вооруженных азербайджанских формирований на территорию НКАО и действия против армянского населения вызовут противодействие. Это будет гражданская война, это будет страшное кровопролитие.

И наконец. Снятие режима чрезвычайного положения, вывод внутренних войск из НКАО взорвет обстановку и в самом Азербайджане. Я думаю, это взорвет обстановку и в Союзе в целом.

«Советский Карабах», 14 сентября 1990 г. № 192 (2623).

НАДЕЖДА? БЕЗНАДЕЖНОСТЬ? БЕЗ ПРАВА НА ЗАЩИТУ?

«Я гляжу на фотокарточку...»

БУЛАТ ОКУДЖАВА.

Два с половиной года пылает и исходит кровью Закавказье. 6 миллионов азербайджанцев, живущих на территории 86 тысяч квадратных километров и 3 миллиона армян — на территории — 30 тысяч квадратных километров забыли о мире. Из-за чего? 157 тысяч армян Нагорного Карабаха с территорией 4 тысяч квадратных километров проявили свою волю — решением сессии Областного Совета 20 февраля 1988 года потребовали права воссоединения со своим народом. С тех пор мы войну называем конфликтом, действиями экстремистов, бандитов, но только не войной. Сильного против слабого. Права с насилием, Карабах начал с права, Азербайджан — с насилия.

Ровно через неделю, после окрика из Москвы на Областной Совет Карабаха, начался погром в Сумгаите и шел три дня — 26, 27, 28 февраля. Армяне надеялись на правосудие и гласность. Получили кровь в Звартноце, где, говорят, командовал, ставший теперь известным, генерал Макашов, и поток неправды по телевидению и в прессе. Под ее шум родилось миллионное движение в Азербайджане в защиту «священной рощи» в Топхане.

Мы с Андреем Дмитриевичем были там и убедились, что рощи никогда не было, но неподалеку от ущелья, за городом Шуша стоят дачи азербайджанского истеблишмента. За бакинскими митингами последовали погромы армян в Кировабаде и других районах Азербайджана. И поток беженцев-армян. В конце ноября 1988 года армяне не выдержали и стали выгонять азербайджанцев из Армении. Установилось равновесие новой беды — 230 тысяч беженцев-армян и почти столько же беженцев-азербайджанцев.

Землетрясение. Стресс у всех армян. И еще полмиллиона бездомных. Войска, введенные в Армению, в Ереван, где сроду не было насилия. Азербайджанцы разрушают азербайджано-иранскую границу, идет поток оружия в Азербайджан. Потом азербайджанская блокада Карабаха и Армении. Разворованная международная помощь ей. Кровавый январь 1990 года в Баку. Армия, которая упорно не желает разделить враждующих, но начинает насильственную депортацию армян из Карабаха под предлогом того, что не сможет их защитить. И формирование армянских отрядов самообороны. В ответ на сотни изнасилованных, на трупы женщин и девочек, во влагилице которым загнаны водопроводные трубы, на то, что людей заворачивали в ковры, обливали бензином и жгли. Потеряв надежду на чью-либо помощь и защиту, армяне теперь надеются только на себя. На честный бой, в котором будут убитые, но не безропотные жертвы. Вы можете предложить им что-либо другое?

Что сделало правительство за эти годы? Объявило недействительным решение февральской сессии областного Совета Карабаха. Это означало защиту сталинской Конституции и пренебрежение правом народа на самоопределение. Растащив по разным областным судам арестованных за Сумгаит, скрыло от страны их чудовищные преступления. Пренебрегло всеми аргументами армян на Президиуме Верховного Совета СССР летом 1988 года. Ввело режим особого правления, но фактически оставило Карабах в подчинении Азербайджану. Арестовало членов комитета Карабах, единственных людей, которым доверяла потрясенная землетрясением Армения. В Карабахе разогнало комитет Крунк и одного из его лидеров полтора года продержало в тюрьме. Оказалось бессильно вместе со всей армейской нашей

мощью противостоять разрушению границы и блокаде. Правда, извлекло урок и блокаду сумело позже применить против Литвы. Куда как правовое государство! В Сумганте опоздало с войсками на три дня, а в Баку уже на шесть, да еще армия действовала так, что добавила к сотням убитых в дни погромов сотни погибших азербайджанцев. Обещало восстановить за два года разрушенное землетрясением (до срока осталось четыре месяца), восстановлено всего — ничего. Не сумев или не захотев разрешить азербайджано-армянские противоречия парламентским путем, испугавшись их, правительство само открыло путь насилия не только в этом регионе, но везде — все поняли, что оно озабочено только властью, а не судьбами людей и народов.

Почему я пишу об Армении? Ведь кровь и в Средней Азии — тоже кровь, а не вода? Не потому, что речь идет о судьбе целого народа. И не потому (пусть меня кто-то не простит), что речь идет о христианском народе. Но потому что нигде так не проявлялась тенденция центра не защищать слабого, что является главнейшей обязанностью всякого правительства, а помогать сильному. Как только насилие в отношении Азербайджан — Армения стало двусторонним, вся политика центральной власти приобрела откровенно антиармянский характер. Уравнивание жертвы и палача поражало. И все еще хотелось думать — это ошибка, неумение, страх. Но только не сознательная политика. Последние недели перечеркнули слабо тлевшую надежду. Не успел закрыться XXVIII съезд, как на экране нашего телевизора появился до того мало кому известный человек по фамилии Ревенко. Оказалось — новый член президентского совета. Для первого знакомства он сообщил, что президентский совет (сиречь он лично!) поступил к созданию нового союзного договора. А как же республики? Разве не они будут решать, какие функции им отдать наверх? Как с Конституционной комиссией Съезда народных депутатов СССР? О ней забыли? И впопыхах не подумали, что такой способ создания союзного договора только оскорбит все «великая и малая и белая» и прочие народы нашего уже, хочешь не хочешь, бывшего Союза, лишит надежды на самостоятельное решение судьбы все автономии от Тувы до Коми, от Бурятии до Карабаха. Сегодня 3 августа одумались — сообщили, что

Верховные Советы республик начали принимать участие в консультациях. Об автономиях пока не было сказано ни слова.

За «явлением» Ревенко — подошли 25 июля и Указ Президента Союза Советских Социалистических Республик «О запрещении вооруженных формирований, не предусмотренных законодательством СССР, и изъятии оружия в случаях его незаконного хранения». Против кого этот Указ? Против Прибалтики, идущей своим путем? Против Белоруссии, отменившей действие ст. 73 Конституции СССР, на основании которой указ издан, на своей территории? Против Молдавии, Украины, Средней Азии? Или, может, против Азербайджана, чей Верховный Совет уже одобрил его, да так быстро, что создалось впечатление — не сговорились ли они — Президент и азербайджанский Верховный Совет? Для изъятия оружия у мафии и бандитов указ не нужен. Вооруженные формирования, которые сами себя так называют, есть только у армян. Указ этот против них. Но оружия армянские фиданьи не сдадут. И уже открыто заявили об этом. Не сдадут, потому что их предали, а у преданных народов рано или поздно приходит чувство, что «лучше умереть стоя, чем жить на коленях». А если не приходит, то значит, это — не народ.

Ну вот! Написали об армянах, у которых почти миллион бездомных, камни вместо земли и надежда только на самих себя. Об Азербайджане, погибающем в нищете, как все мусульманские республики, и в озлоблении, культивируемом его правителями — алиевыми, везировыми, сегодняшними. О центральной власти. А мы? «Москва моя, ты самая любимая», «Петербург, Петроград, Ленинград», «Россия, нищая Россия»? Мы? В первое время потрепыхались в «Московской трибуне». Были какие-то статьи, слова, потом хором замолчали. Межрегионалка ни разу не заикнулась. Вольнолюбивая Прибалтика сочла, что от нее это далеко. Наша хваленая гласность? Я напоминая только Андрея Дмитриевича. В марте 1988 года — отдал в «Московские новости» открытое письмо М. С. Горбачеву о Карабахе и крымских татарах — до сих пор полностью не напечатано. В мае интервью «Пятому колесу» — сказанное о Карабахе в эфир не попало. Вы все слышали на Верховном Совете за две недели до его смерти слова Сахарова: «Для Азербайджана Кара-

бах — вопрос престижа, для Армении — это вопрос жизни! Слышал их, но не услышал и Председатель Верховного Совета — ныне Президент.

У меня сотни писем и тысяч телеграмм. Самые частые слова, обращенные к Андрею Дмитриевичу: «стыдно» и «прости нас». Стыдно, что не защитили, не поддержали. Прости за это. Не будет ли нам всем стыдно? Не будем ли мы, когда свершится трагедия, говорить полууничтоженному или вновь рассеянному по миру армянскому народу «прости нас», а себе «стыдно»? Ведь до чего мы — молчаливники-соучастники дошли, когда лучшие из нас, наши депутаты могут сказать об армянах-беженцах — пусть едут в Армению, Россия для русских. Дошли до того, что за годы молчанием и неправдой довели свою Россию до ненависти к армянам — это мы демократы-либералы так подыграли правительству в его неправой политике. Вторую неделю после указа я смотрю на эту фотографию. Это тоже армянские фидайны. Год 1916-й. Но царскому правительству не пришло в голову их разоружать. А может, даже давали оружие, чтобы им не пришлось, добывая его, убивать русских солдат. Слева стоит мой отец. Сидит Микоян. Они защищали свой народ, бедных и богатых, женщин, стариков, детей. Потом устанавливали Советскую власть — в Баку, Грузии, России, Армении. Потом ее защищали. Мой отец лютой зимой где-то в горах на Семеновском перевале. А стоило ли ее устанавливать и защищать, если она отняла у народа последнее право — право на защиту? У меня спрашивают, какое мне до всего этого дело? Но как быть, если я не могу снять с себя ответственность за то, что делал мой отец и его соратники. За власть, которую вольно или невольно они установили.

Со мной как в дурном романе. Еще не кончила писать эту статью, как Ирак оккупировал Кувейт. Какое мое дело? Опять сильный бьет слабого. А я соучастница. Господи, да не в переносном, а в прямом смысле. Тридцать лет назад я — врач — участвовала в осповивальной кампании в Ираке. Да не где-нибудь, а в Иракском Курдистане. Курды требовали автономии. Багдад ответил им приказом о разоружении. И наши советские танки — родные Т-тридцатьчетверочки — давили курдское сопротивление. А чтоб впредь было неповадно, потом еще добавили ОВ. Ладно — газ был не наш, кажет-

ся, французский. Только курдам от этого легче не стало. А после Курдистана, уже в Багдадском госпитале я выхаживала арабских ребятишек — сегодняшних солдат этой безумной страны, у которой нашего оружия хватит не то что на весь Ближний, но и на Дальний Восток. Боль за Кувейт. И страх, что под шум этой всемирной трагедии (смотрите и слушайте сегодняшние двадцатилетние — все было по такому же сценарию в 1968 году, когда наши танки оказались в Праге и в канун 1980 года, когда Советская Армия вторглась в Афганистан) наши активисты по разоружению — не ядерному и общемировому, а местного, домашнего значения — зальют кровью Армению.

Каждый день в газетах натываюсь на ставшее уже штампом словосочетание «архитектор перестройки». И каждый раз вздрагиваю, вспоминая новостройки зоны землетрясения, которые погребли под своими обломками тысячи людей. Не строим ли мы что-то столь же халтурное и столь опасное? И увидит ли когда-нибудь снова наш архитектор и наш Президент миллионный митинг, подобный февральским 1988 года в Ереване, с транспарантами «Горбачев — Да»?

5 августа 1990 года.

ЕЛЕНА БОННЭР

Постскриптум. Статья была написана месяц назад. Никто ее не взял. Вежливо сказали — чересчур эмоциональна. А можно писать о несправедливости без эмоций? И зачем?

За месяц произошло многое. В Армении новый Верховный Совет, новый его Председатель, новое правительство. Что-то понял и Президент СССР, продлив действие своего указа на два месяца. Часть фидайнов присягнула Верховному Совету Армении, часть их была разоружена самими армянами. Говорят, что по Еревану снова можно ходить спокойно, не боясь случайной или неслучайной пули. Но в Карабахе власть армии. Недавно туда с трудом пустили народного депутата. А независимых корреспондентов давно и прочно не пускают. Нарушается, а временами полностью прекращается азербайджанской стороной авиационная связь Армении и Карабаха, при том, что железнодорожная связь давно

стала фикцией, а по шоссе проехать — почти то же, что добровольно поставить себя к стенке. И по горным дорогам ездят армейские бронетранспортеры, с которых на русском языке раздается призыв-предупреждение армянам покинуть Карабах. И последние известия: под эгидой газеты «Московские новости» представители Верховных Советов Азербайджана и Армении садятся за стол переговоров. Надежда? Безнадежность? Поиск справедливости?

10 сентября 1990 г.

ЕЛЕНА БОННЭР
«Голос Армении», 21 сентября
1990 года.

НАГОРНЫЙ КАРАБАХ: МЕДЛЕННЫЙ ВЗРЫВ

Из всего узла проблем, затянувшегося вокруг Нагорного Карабаха, мы представляем сегодня одну — чрезвычайное положение и права человека. О ситуации в Степанакерте рассказывают члены общества «Мемориал».

«Июньским вечером мы, соседи, сидели в беседке у себя во дворе. Время было 21.55, оставалось еще 5 минут до комендантского часа. Нас вдруг окружили автоматчики. Подталкивая автоматами, повели к машине... Привезли нас на площадь под памятник Шаумяну... Там уже было человек 35—40. В это время пошел сильный дождь. Всех заставили сидеть на корточках с руками, заложенными на затылок. А мне солдат приказал лечь на землю. Я думал, он шутит. Говорю, мол, паспорт и другие документы намочнут. Но солдат подтолкнул меня автоматом. Мне, пожилому человеку, пришлось из страха за свою жизнь лечь прямо в лужу. В таком состоянии меня и еще двоих держали полчаса...»

Рассказывает житель Степанакерта Б. Р. Балаян. Его однофамилец А. А. Балаян, бывший там же на площади, добавляет такую деталь: молодой парень, отшучиваясь от унижения и намекая на дождь, сказал: «Сауна». Его потащили за БТР, избили дубинками, приволокли назад и заставили лечь в лужу лицом вниз (там уже лежали двое)...

Получив возможность реально влиять на дела в своих регионах, мы постепенно перестаем реагировать даже на трагедии в соседнем доме. Это относится и к Нагорному Карабаху. Между тем НКАО, где насилие стало фоном жизни, где действует новый закон о чрезвычайном положении, должна интересоваться нас не только из сочувствия. Мы можем увидеть здесь, что такое порядок, установленный силой.

Этим летом мы, наблюдатели от общества «Мемориал», отправились в Нагорно-Карабахскую автономную область. Из «дорожных впечатлений» главное то, что из Армении в Нагорный Карабах проехать нельзя: шоссе Горис—Лачин заблокировано внутренними войсками. Аэропорт Еревана, забитый невольными многосуточными его обитателями, за день отправляет в Степанакерт не более семи пассажирских самолетов. Таково распоряжение коменданта района чрезвычайного положения генерал-майора В. Н. Сафонова. Со стороны Азербайджана путь в Нагорный Карабах свободен.

Первые впечатления в самом Степанакерте: солдаты с автоматами проверяют багаж, вооруженные патрули на улицах. БТР с расчехленными пулеметами разъезжают по городу; здание распущенного обкома превращено в военную комендатуру; тихий, удивительно уютный южный городок, запах цветов, разлитый в воздухе, неторопливость и приветливость жителей; абсолютная пустота в продовольственных магазинах. Жители как будто не замечают военных, но вот подвыпивший гражданин начинает кричать что-то патрулю, и вскоре его увозит военная машина. «Получит скорее всего 30 суток», — объясняют нам.

За внешним спокойствием — страшная напряженность, нервы на пределе и у гражданских, и у военных. Уже больше полугода все живут в условиях чрезвычайного положения, а это значит: комендантский час, запрещение массовых мероприятий (театр, кино, футбол, не говоря уже о митингах или демонстрациях), запрет находиться вне дома без удостоверения личности, проверка паспортного режима на квартирах, контроль над средствами массовой информации, ограничение въезда и выезда, досмотр транспортных средств и многое другое. Как ведут себя в этих условиях военные? Соблюдаются ли при чрезвычайном положении гражданские права?

СУД ВЕРШАТ ПОЛКОВНИКИ

Военные — внутренние войска, курсанты высших школ милиции, оперативно-следственная группа, приданные им воинские части — оказались едва ли не главной властью в регионе, где существуют два органа, претендующие на роль законной гражданской власти: Совет народных депутатов НКАО и Республиканский оргкомитет по НКАО. Они возникли после принятия 28 ноября 1989 года ВС СССР постановления, упраздняющего Комитет особого управления, которое гласило: «Создать на паритетных началах с НКАО республиканский оргкомитет и восстановить деятельность Совета народных депутатов НКАО 20-го созыва и его исполнительного комитета...» Президиум ВС Азербайджана выполнил первую часть постановления (правда, от НКАО в оргкомитет никто не вошел), а вторую выполнить отказался. Сессия Совета народных депутатов НКАО выполнила как раз вторую часть постановления. Но ни облсовет, ни странный оргкомитет, сочетающий функции партийной и государственной власти (он руководствуется в своей деятельности Уставом КПСС!), не осуществляют реально властных функций. 15 января в НКАО было объявлено чрезвычайное положение. Закон в этом случае предоставляет чрезвычайные полномочия органам государственной власти и управления, но не указывает, каким именно.

В день нашего приезда в Степанакерт стало известно, что в районе чрезвычайного положения (включающего кроме НКАО прилегающие к области районы Азербайджанской ССР) новый комендант — генерал-майор Г. А. Малюшкин (с 1 августа этот пост вновь занял В. Н. Сафонов). Мы попросили его о встрече и спросили прежде всего о том, какой орган на данный момент является органом государственной власти в НКАО. Вот его ответ:

«Государственной властью является правительство Азербайджана. Организационный комитет по НКАО представляет правительство Азербайджана, деятельность которого направлена на стабилизацию обстановки в НКАО. Ведется конкретная работа по обеспечению нормальной жизнедеятельности населения, а комендатура обеспечивает общественный порядок... Облисполком расформирован... Главная задача — не допустить крово-

пролития, обеспечить жизнь и безопасность людей... Мы сторонники концепции — максимум законности и минимум насилия...»

Многочисленные встречи и знакомство с документами показали нам, что это, к сожалению, только слова.

Начнем с самого заурядного в НКАО — с административных наказаний. Решением генерал-майора В. Н. Сафонова людей штрафовали на 500—1000 рублей только за то, что они отправили телеграммы в Верховные Советы СССР и Армянской ССР о творящихся беззакониях. Ежедневно задерживаются десятки людей, арест за малейшее нарушение, как правило, не менее 15 суток, штрафы гигантские, тысячные. Единственное дело об административном аресте, к которому был допущен адвокат, обнаружило картину вопиющего безразличия к закону.

25 мая Юрий Бахшиевич Нерсесян, генеральный директор Нагорно-Карабахского редакционно-производственного объединения, был освобожден от занимаемой должности приказом начальника штаба комендатуры особого района НКАО полковника Овчинникова. Сам такой приказ противоправен, так как подобное увольнение — прерогатива органа государственного управления. Нерсесяна вызвали в комендатуру для ознакомления с приказом. Он отказался поставить на приказе свою подпись и был тут же арестован, 30 суток. Из рапортов, на основании которых Нерсесян был задержан, следует, что виновен он только в несогласии с приказом. В деле отсутствует письменное объяснение Нерсесяна и — что всего удивительнее — постановление об административном аресте. Основания ареста остались загадкой для адвоката, которому, кстати сказать, не дали вопреки закону ознакомиться со всеми материалами дела.

Юрий Бахшиевич серьезно болен. После двух дней содержания под стражей он был госпитализирован в областную больницу, где пробыл целый месяц. Диагноз: ишемическая болезнь сердца, постинфарктный кардиосклероз, стенокардия. Врачебная комиссия направила его для продолжения лечения в НИИ кардиологии Армянской ССР. Но стоило Нерсесяну обратиться в комендатуру за паспортом для выезда на лечение, как он был снова арестован и помещен в следственный изолятор.

Четверо суток изолятора, приступ и снова больница. Выхать за пределы района чрезвычайного положения он сможет только после отбытия 30 суток, причем время, проведенное в больнице, не идет в счет...

«ПОДЧИНИТЬ РЕДКОЛЛЕГИЮ КОМЕНДАНТУ»

Записывая показания многих других арестованных, мы пришли к выводу, что следует говорить не просто о систематическом грубом нарушении закона военными властями, но и о творимом ими беззаконии. Не соблюдаются даже упрощенные формальности, предусмотренные законом о правовом режиме чрезвычайного положения. Так, в нарушение статьи 9 известные нам дела не рассматривались ни в суде, ни руководством местного органа внутренних дел, ни комендантом, постановления об административном аресте не предъявлялись. Комендатура сплошь и рядом превышает свои полномочия. Так, жители Степанакерта подвергаются домашнему аресту по предписанию коменданта, хотя подобные меры в компетенции органов государственной власти и управления. А приказ В. Н. Сафонова отключить у некоторых жителей Степанакерта домашние и даже служебные телефоны с передачей номеров «для нужд МВД»? (Верховный суд СССР дал разъяснение о незаконности подобных распоряжений). Иногда доходит до гоголевского абсурда. 20 января, задержав Аветиса Саркисовича Григоряна, вооруженные люди в штатском доставляют его в аэропорт, а затем в тюрьму Новочеркасска. На третьи сутки Аветису Саркисовичу показали протокол задержания, из которого следовало, что задержан был Григорян Аветик Арменакович за отказ предъявить документы сотрудникам милиции. Аветис Саркисович пытался объяснить, что его приняли за другого, и получил ответ: «Под каким именем вас привезли, под таким и будете сидеть». 30 суток...

18 января заместителя редактора «Советского Карабаха» Гукасяна А. А. арестовали за статью, напечатанную в тот день в газете, и отправили в тбилисскую тюрьму. Здесь обнаружилось, что в деле Гукасяна нет ни протокола задержания, ни постановления об аресте — вообще ничего, кроме газеты с его статьей. Даже много

повидавшие офицеры МВД не могли скрыть изумления. Гукасян отсидел 17 суток...

Взаимоотношения комендатуры со средствами массовой информации в НКАО достойны отдельного обсуждения. Достаточно сказать, что областное телевидение, по сути дела, запрещено, а передачи из Еревана вопреки постановлению Совмина СССР фактически не транслируются. 31 января В. И. Сафонов издал приказ № 19, первый пункт которого гласил: «Редактора газеты «Советский Карабах» и редколлегию... подчинить коменданту района чрезвычайного положения и начальнику политотдела комендатуры...» В газету был назначен военный комендант, без визы которого не может быть напечатан ни один материал.

Областное отделение Союза журналистов обратилось в Верховный Совет СССР. Отвечая на обращение, генерал-майор Нечаев (зам. начальника политуправления внутренних войск МВД СССР) признал неправомочность приказа. Но на деле все осталось по-прежнему.

«ПРАВДА, НО БЫЛО ЕЩЕ ХУЖЕ...»

28 июня ереванская газета «Комсомолец» напечатала статью Левона Мирзояна «Акция на рассвете». В ней рассказывалось, как осуществлялась операция по проверке паспортного режима и изъятию оружия в горных селах, проведенная внутренними войсками и оперативно-следственной группой МВД СССР 21 июня.

Мы попросили генерал-майора А. Г. Малюшкина прокомментировать эту статью. Он сказал:

«Поскольку боевики продолжают проникать в НКАО, мы вынуждены проверять паспортный режим и изымать незаконно хранящееся оружие, боеприпасы и взрывчатку. При этом войска, так же как и милиция, действуют в рамках закона. То, что написано в статье, — фальсификация и искажение фактов. Никакой грубости по отношению к мирному населению не допускается, к бандитам проявляется твердость и решительность».

1 июля мы узнали, что в тех же селах утром еще раз была проведена подобная акция, и срочно отправились туда. Села Сарнахпюр и Даграз Аскеранского района Нагорного Карабаха — дальние горные села близ грани-

цы НКАО и Агдамского района Азербайджанской ССР; большая часть жителей — люди пожилого возраста.

Стелла Габриелян, зоотехник, зав. фермой в Сарнахпуре, подтвердила все, что с ее слов было написано в статье «Акция на рассвете»:

«21 июня я проснулась рано утром от шума. Все село было окружено военными грузовиками и боевыми машинами. В наши ворота стали громко стучать чем-то тяжелым, грохот стоял страшный. Во двор вошли человек 10 военных, документы свои не предъявили. Они стали обыскивать дом, сорвали ковер со стены, выбросили из шкафа всю одежду, ходили по ней, перевернули и сломали диван. Нам сказали: «Всех вас отправим в Сибирь».

Мой сын Севак, 12 лет, с утра ушел за скотиной. Когда он вернулся, солдаты схватили его и затащили в машину. Я не знала об этом. Когда солдаты ушли из дома, я вышла на улицу. По всей деревне стоял шум и крик. В центре села стояла машина, в которой сидели задержанные сельчане. Среди них я увидела своего сына. Он был напуган и округлившимися глазами смотрел на меня. Я очень испугалась за своего ребенка и тут же на улице упала в обморок. Мне потом рассказали, что соседней, которые бросились мне помочь, солдаты отогнали. Мужа тоже не подпустили. Плакала и рвалась к Севаку моя мать. Она держала на руках мою двухлетнюю дочку. Солдат направил на нее автомат. Мать стала кричать: «Стреляй, фашист!»

Мать Стеллы Габриелян, находившаяся с нами, заплакала и ушла в другую комнату, а рассказчица продолжала:

«Сегодня утром снова приехали военные. Их было столько же, как и в прошлый раз. Обращались вежливо, культурно, представились и показали свои документы. Капитан расспрашивал нас, что тут случилось 21 июня. Они сказали: «Мы пришли к вам обсудить статью и выяснить, насколько верно там все описано. И еще мы хотим показать вам, как должна проводиться настоящая проверка». В этот раз тоже были обыски у наших соседей, но все делали культурно — что взяли, положили на место. А в тот день был ужас. С тех пор ребенок боится всех говорящих по-русски».

В Сарнахпуре, в правлении колхоза, мы встретились с председателем колхоза Славой Мирзояном и с домохозяйкой, матерью четырех детей Зиной Аванесян. Председатель колхоза сказал:

«Между тем, как сегодня вели себя военные и как в прошлый раз, есть разница. Сегодня они обращались вежливо. С ними был военный корреспондент. Нам показали статью и спросили, правда ли там написана. Я ответил: правда, но было еще хуже. Кстати, в прошлый раз они забрали без всякого объяснения колхозную машину, и назад мы ее не получили».

Зина Аванесян рассказала, что после сокрушительного и безрезультатного обыска мужа почему-то увели, а когда она, заперев дом, пошла следом, солдаты выбили окно и взяли хранившиеся в доме 2.300 рублей и золотые вещи. Второй «обыск», без хозяев, видели соседи. В военной прокуратуре Зине Аванесян сказали: «А где у вас доказательства, что вещи взяли военные?» Ее мужа продержали несколько дней в КПЗ, и у него стало плохо с сердцем. «Сейчас он в больнице. Мне не объяснили, за что его арестовали», — закончила женщина.

Так было и в селе Даграз. Грубость, угрозы, порча имущества. В церкви, в клубе вместо того чтобы попросить ключи, взломали замки. Часто обыски проводились без гражданских понятых.

Не обсуждая целесообразность подобных акций, не можем не сказать, что при таких методах и «манерах» результаты — а по утверждению комендатуры, 21 июня было обнаружено огнестрельное оружие, бикфордов шнур и тому подобное — будут вызывать естественное сомнение. И главное: ставка на запугивание, на коллективную ответственность деревни за действия отдельных ее жителей ведет к формированию у сельского населения образа карателя, оккупанта.

МЕСТЬ

Но самое страшное из того, что мы узнали, произошло 24 мая в Степанакерте. В этом городе войска не раз применяли оружие. Так было 10 октября прошлого года, 2 и 9 января, 26 апреля — нынешнего. Но до 24 мая гибли только гражданские лица.

Чтобы собрать информацию о трагическом инциденте 24 мая, мы говорили с комендантом района чрезвычайного положения, с председателем горисполкома, с депутатами облсовета, с журналистами областной газеты, с начальником политотдела комендатуры, опрашивали свидетелей и пострадавших, собрали документы и сфотографировали еще сохранившиеся следы от пуль.

В тот день в Степанакерте был убит один военнослужащий и несколько получили ранения. Кто стрелял в военный патруль, как погиб при этом солдат, неясно. Ни один из нападавших не был ни задержан, ни убит. Показания свидетелей, опрошенных нами и официальная версия довольно сильно отличаются. Следствие еще не закончено. Безусловно, организаторы и исполнители этого преступления должны понести наказание. Однако то, что произошло после убийства солдата, тоже преступление. Военные вышли на улицы города, и началась настоящая карательная акция против мирного населения, обстрел жилых домов.

Давыденко Ирина Владимировна, врач «скорой помощи», рассказала нам, что она выехала на вызов в район автовокзала около 23 часов. Там в окружении солдат и офицеров лежал убитый солдат, рядом — раненый. Их доставили в больницу. Когда бригада возвращалась в пункт «скорой помощи», в городе уже шла стрельба. Солдаты хватали прохожих и избивали дубинками. В течение часа с лишним военные не давали машинам «скорой помощи» выезжать на многочисленные вызовы местных жителей. На жалобу врачей заместитель коменданта города ответил, что жалеть жителей Степанакерта нечего. Выехав наконец в город, бригада обнаружила на улице адмирала Исакова УАЗ с водителем, у которого рука практически была оторвана пулей. По мнению врача, он пролежал в машине более часа. В этот момент проезжающий БТР открыл огонь из пулемета по окнам жилого дома, едва не задев врачей. В больнице водитель УАЗа скончался. Другие бригады «скорой помощи» также доставляли в больницу избитых, с пулевыми ранениями, с переломами, с сотрясением мозга жителей Степанакерта. Ирина Владимировна говорит, что офицеры на улицах кричали: «Всех поубиваем, всех стрелять надо!» Потом старшие офицеры уже пытались остановить солдат, но не могли.

Апресян Борис Шагенович был дома вместе с женой и двумя детьми, когда на улице началась стрельба. Примерно в 23.45 в дверь квартиры начали стучать. Вошли 9 военных с автоматами в руках. Спросили хозяев, есть ли у них балкон, выходящий на улицу, — откуда в солдат бросили бутылку. В квартире Апресянов балкон выходит во двор. Тем не менее хозяина решили забрать, а на его попытки объясниться ответили дубинками и прикладами. Апресяну рассекли лоб (остался шрам) и сломали три ребра. На жену, пытавшуюся заступиться, направили автомат. Самого Апресяна, босого, в крови, вывели на улицу и погрузили в машину, предварительно пустив в лицо струю слезоточивого газа. Несчастный человек сумел как-то объяснить со слухом попавшимся на пути майором. Майор приказал его отпустить, но по дороге к дому солдаты продолжали его избивать, напоследок во дворе сапогами. Борис Шагенович пробыл в больнице 29 дней.

Бывший фронтовик Гурген Аршавирович Агасарян видел из своей квартиры, как обстреляли случайно подвернувшийся УАЗ, как стреляли по домам, избивали прохожих. Он позвонил в областное управление милиции, и дежурный сказал, что такое творится по всему городу.

Через день после этих событий группа следователей Прокуратуры СССР приступила к сбору показаний свидетелей. Но настраивает на пессимистический лад оценка событий 24 мая генерал-майором А. Г. Малюшкиным:

«Бронетранспортеры не стреляли на улицах города. Стрельбу из автоматов вели только военнослужащие, находившиеся в составе наряда, подвергавшегося нападению. Стреляли только по боевикам, отражая нападение».

Ни один нападающий не пострадал — но ранили людей, находившихся далеко от места происшествия.

Чрезвычайное положение не должно означать право войск на насилие и беззаконие. В соблюдении законности надо видеть не препятствие для скорейшего наведения порядка, а защиту самой жизни — и солдат, и гражданского населения. Если не будут наказаны истинные виновники как гибели солдата, так и «карательной акции», внутренние войска превратятся во внешние для населения, на первый план выступит их роль притеснителей, а не защитников. А ведь население НКАО, по-ви-

димому, не может обойтись без войск, разделяющих армянские и азербайджанские населенные пункты.

Между тем внутренние войска постепенно превратились в еще одну сторону конфликта. И теперь нужны уже посредники между войсками и населением. Эту функцию для азербайджанского населения выполняет Республиканский оргкомитет, для армянского населения симметричную роль играют местная милиция и отдельные энтузиасты-политработники. Но этого недостаточно. Армянская сторона к военным взаимно блокируют обмен информацией через газету и радио и в каждом действии другой стороны усматривают прежде всего провокацию.

Одна из необходимых мер: вместо крайнего ограничения допуска журналистов создать наиболее благоприятные условия для их деятельности, для отражения в прессе позиций всех сторон конфликта, различных точек зрения. И, разумеется, необходимо систематическое независимое наблюдение прав человека. Такие наблюдатели могли бы стать посредниками между всеми сторонами конфликта.

ОЛЕГ ОРЛОВ
— сопредседатель
московского «Мемориала»,
ДМИТРИЙ ЛЕОНОВ
— председатель правозащитной
комиссии Всесоюзного общества
«Мемориал»
«Новое время» № 38 1990 г.

НЕ ПОБРЕЗГОВАЛИ

«Военно-исторический журнал» не побрезговал использовать справку департамента полиции для объяснения сегодняшней ситуации в республике.

Оказывается, «Военно-исторический журнал», специальный орган Министерства обороны СССР, нынче читают не одни лишь генералы и офицеры. Читают и представительницы слабого пола. Кто знает, может быть, потому, что в последнее время журнал вопреки своему названию печатает все больше огнедышаще современных

материалов, следуя на всех парах в кильватере с такими флагманами этого воинственного направления, как «Молодая гвардия» и «Наш современник». Читательница — В. Михайлова — обращается в августовском номере в редакцию с недоуменными, но лукавыми вопросами: «Опять в Армении раздаются выстрелы, опять льется кровь, опять гибнут люди, — пишет она. — Чего хотят эти вооруженные люди, кто и что ими руководит? Неужели это все началось вдруг? Было ли что-либо подобное в прошлом?» Чтобы подтвердить предположение читательницы, что все началось не вдруг, редакция печатает в двух номерах обширный материал — справку департамента полиции о деятельности партии «Дашнакцутюн»...

Редакция не сумела разыскать в Армении или России специалистов-историков? Иначе с чего бы она устремилась в архивы департамента полиции?

Правда, курс этот прокладывают опять же флагманы. В «Молодой гвардии» я недавно прочитал: «Кого же беспощадно истребляли революционеры?»

Это в основном были выдающиеся люди России: градоначальники, генералы русской армии, специалисты, руководители (жандармерии)». Полагаю, не потому публикатор В. М. Копылов просился в архив, что редакция получила письмо читательницы, нет, просто документ оказался созвучен взглядам и представлениям редколлегии журнала.

Я не буду касаться конкретных фактов и оценок справки, которая составлена на основе донесений филеров, доносов и инсинуаций полицейских провокаторов (редакция стыдливо называет их «поступившими из различных источников документами»). Справка подчинена сугубо прагматическим и специфическим служебным целям охраны.

Но деятельный жандармский подполковник предвзывает справку кратким «Историческим очерком», в котором предлагает оригинальное истолкование истории армянского народа и армянского национального характера, подводя под практические полицейские акции, так сказать, теоретический фундамент. «Туземцы-армяне волей-неволей должны были входить в сношения с переселявшимися и преклоняться перед их силой, — пишет историк от жандармерии. — Тогда же вырабатывались

в силу инстинкта самосохранения, как и у оставших свою родину евреев, свои специфические национальные черты, кстати, весьма схожие с европейскими. К евреям же они подходят (более других народов) и в чисто физическом отношении. Отличительные черты их психики — национальная замкнутость и отсюда вытекающие презрение и ненависть к другим народам, черствый эгоизм и себялюбие. Наряду с этими качествами вследствие векового рабства выработалась и двуличность: преклонение и лесть перед сильным и в то же время старание принести ему чем-либо вред. Постоянные сношения все с новыми народами развили в армянах любовь к торговле, а вместе с тем к обману и стяжанию богатств, тем более что в силу тех же исторических причин, развив в себе наблюдательность, они поняли, какой огромной силой является капитал в повседневной жизни не только человека, но и государства».

Жандармский подполковник всячески внушает тем, для кого предназначалась справка: армяне дьявольски коварны и вероломны. Даже приняв христианство, «армяне отчасти уподобились притаившейся и свернувшейся в кольцо змее, выжидающей случая ужалить кого-либо из окружающих... Гнусно скрыв свою принадлежность к опаснейшей ереси и заручившись дружелюбием России, армяне стали ползти в нее из Турции, обогреться и богатеть». И т. д. и т. п. Впрочем, автор справки пишет ненавистью не только к армянам и евреям, турок он тоже терпеть не может (слава богу, другие народы оказались вне его поля зрения): «Объясняется это отличительными чертами, присущими туркам: воинственностью, ленью и вместе с тем любовью к роскоши, отсюда, естественно, у турок всегда являлась бедность, а вместе с тем неудовлетворенность желаний в связи с неспособностью к труду. Не удивительно, что индифферентизм иногда исчезал сам собой и победители обращались к карманам побежденных. Больше всего, конечно, приходилось армянам, ставившим главной целью в жизни капитал. Сопrotивление будило боевые инстинкты турок, и поэтому нередко начинались армянские погромы».

Справка эта предназначалась, как мы нынче говорим, для внутреннего пользования, такое историческое «исследование», наверное, не просто было бы напечатать в

открытой печати в России той поры. Пожалуй, застыдили бы. Однако махровое черносотенство, зоологическая ненависть к инородцам жандармского подполковника удивления не вызывают. Все помыслы и деятельность его были направлены на то, чтобы держать в узде, усмирять и карать народы. Не на этих ли принципах строилась сталинская национальная политика, не тогда ли были посеяны зерна тех явлений, которые мы пожинаем сегодня?

Не ясно, что привлекло в этом полицейском издании «Военно-исторический журнал»? В редакционном предисловии к этой сенсационной публикации после сухой информации о том, что в департаменте полиции «регулярно по каждой организации (революционной. — Л. Л.) составлялись отчеты», говорится: «Несмотря на некоторую субъективность в оценках, которую мы не разделяем, публикуемый один из таких отчетов, составленный подполковником департамента, фамилия которого, к сожалению, в архивах не сохранилась (кажется, редакции жаль, что она не может воздать должное этому пронизательному историку. — Л. Л.), нам думается, представит интерес для читателей». Все-таки хотелось бы знать, что именно в черносотенно-жандармском документе, по мнению «Военно-исторического журнала», представляет интерес для нашего читателя, какие оценки жандармского подполковника кажутся редакции уязвимыми, сомнительными из-за «некоторой субъективности», а какие они считают бесспорными и проливающими свет на то, что происходит сейчас в Армении? И вот еще какой вопрос у меня возник: не объясняют ли испытываемые журналом Министерства обороны столь странные симпатии к идеологии охранного отделения некоторые неполадки в этом министерстве, о которых в последнее время все громче говорит общественность?

И последнее. У Наума Коржавина есть давнее стихотворение о старом генерале, который «был столпом самодержавья», долгие годы на поле брани верой и правдой служил отечеству и государю. Бывший однополчанин, сделавший большую карьеру, решил облагодетельствовать старого служаку, выхлопотал ему теплое место.

Генерала пригласили
В Петербург от марша армий.

Генералу предложили
Службу в корпусе жандармов.

— Хватит, вас трепали войны,
Будет с вас судьбы солдатской.
Все же здесь куда спокойней,
Чем под солнцем азиатским.

И ответил строгий старец,
Не выказывая радость:
— Мне доверье государя —
Величайшая награда.

А служить — пусть служба длится
Старой должностью моею...
Я могу еще рубиться,
Ну, а это — не умею.

Брезгливое презрение к жандармам, к охране — написанная, но нерушимая традиция русского офицера. Какими же соображениями руководствовался журнал, преступая через эту традицию?

Л. ЛАЗАРЕВ
«Литературная газета» 26.09.90
№ 39 (5313)

ГОЛОДОВКА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР

Горько: страна уже привыкает к политическим голодовкам. Люди все чаще решаются на отчаянные поступки. 9 сентября объявил голодовку народный депутат СССР от Нагорно-Карабахской автономной области, писатель Зорий Балаян. Позже к нему присоединились еще трое народных депутатов СССР: всемирно известный ученый академик Виктор Амбарцумян, один из известнейших артистов страны Сос Саркисян, Вачаган Григорян, а также председатель исполкома упраздненного Нагорно-Карабахского областного Совета народных депутатов Семен Бабян. К столь жесткой форме протеста, как голодовка, прибегли народные депутаты

СССР — почему? Куда же дальше? Прибегли наши собратья по творческому труду: ученый, писатель, артист. Зорий Балаян недавно перенес тяжелейшую операцию на сердце. Виктору Амбарцумяну во время голодовки исполнилось 82 года. Страшно...

Отнюдь не одобряя голодовку, как форму политической борьбы, давайте все же разберемся: что на сей раз явилось ее причиной? Чего хочет народный депутат Зорий Балаян? Выдвигает ли он невыполнимые экстремистские требования? Нет. Он хочет одного: чтобы было выполнено постановление Верховного Совета СССР, принятое еще 10 месяцев назад.

В начале 1989 года, 12 января Президиум Верховного Совета СССР, учреждая Комитет особого управления НКАО, приостановил одновременно деятельность областного Совета и его исполкома — словно бы забыв, что в Конституции нет статьи, дающей право упразднить выборные органы.

28 ноября 1989 г. Верховный Совет СССР, принимая постановление «О мерах по нормализации обстановки в Нагорно-Карабахской автономной области», упразднил теперь уже в свою очередь Комитет особого управления, предписав создать на паритетных началах с НКАО республиканский оргкомитет и восстановить деятельность Совета народных депутатов и исполкома. Однако выборная конституционная власть так и не была восстановлена. Как известно, после трагических событий в Баку положение в регионе резко обострилось. В Нагорном Карабахе было объявлено чрезвычайное положение, которое при отсутствии областного Совета фактически переросло в положение военное. Конкретно видно, к чему на деле привело невыполнение постановления Верховного Совета СССР: к тому, что ситуация в Нагорном Карабахе не только не улучшилась — еще более осложнилась. К тому, что продолжает проливаться кровь. К тому, наконец, что люди — известные, талантливые люди — жертвуют собой, рискуют жизнью, объявив политическую голодовку. Мы не требуем ничего более того, что уже узаконено законом.

Мы призываем к гуманности. Слишком много трагедий. Погибает человеческая культура. Погибаем мы.

Мы призываем наших армянских сограждан прекратить голодовку. Мы призываем Верховный Совет СССР

содействовать выполнению собственного решения о восстановлении в Нагорном Карабахе конституционной власти.

Ф. БУРЛАЦКИЙ, А. ГЕЛЬМАН, А. ГОНЧАРОВ, Д. ГРАНИН, А. ЖИГУЛИН, М. ЗАХАРОВ, В. КАРПОВ, Д. КУГУЛЬТИНОВ, В. КУДРЯВЦЕВ, Л. ЛАВЛИНСКИЙ, Ал. МИХАЙЛОВ, В. РАСПУТИН, В. СОЛОУХИН, М. ШАТРОВ, И. ШКЛЯРЕВСКИЙ

«Литературная газета», 26 сентября 1990 г.

О Б Р А Щ Е Н И Е ВСЕСОЮЗНОГО КОМИТЕТА СОЛДАТСКИХ МАТЕРЕЙ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ФОНДА МАТЕРИНСТВА НКАО

Дорогие матери и сестры!

Тревогой и волнением переполнены сердца каждой из нас. Глубоко осознавая свою политическую и материнскую ответственность за судьбы своих народов, за будущее наших детей, мы воссоединили наши голоса. Наши русских и армянских, украинских и узбекских женщин, матерей всех национальностей сплавивает единое желание — добротой и любовью спасти наши народы от угрозы всеобщей трагедии — погибели безвинных людей, наших братьев и сестер, наших сыновей.

Чтобы предотвратить малейшую возможность кровопролития в Закавказье, прежде всего необходимо урегулировать создавшуюся сегодня крайне тяжелую ситуацию в Армении и НКАО, политическими методами защитить конституционные права мирных граждан, солдат и офицеров. Только радикальные шаги по снятию политической, экономической и духовной блокады со стороны правительств СССР и Азербайджана могут способствовать стабилизации обстановки, обеспечению безопасности наших детей.

Беззакония, творимые на территории НКАО подразделениями Советской Армии, внутренних войск МВД, руками наших солдат, позором ложатся на нашу материнскую честь! Мы не допустим, чтобы наши сыновья

росли убийцами и мародерами, озлобленными людьми. Мы не допустим, чтобы рука солдата поднялась на мирных людей, на народ, поднявшийся на национально-освободительную борьбу за свою независимость и самоопределение.

Мы больше не верим в помощь Президента. Мы больше не верим военному руководству страны, на совести которого гибель десятков тысяч наших детей не только в Афганистане, но и в нашей стране.

Мы, матери и сестры, члены Всесоюзного Комитета солдатских матерей и Благотворительного фонда материнства НКАО обращаемся ко всем женщинам нашей страны, ко всем правозащитным организациям Советского Союза, ко всем депутатам Верховного Совета СССР, Совета Национальностей с призывом остановить все беззакония, нарушения прав человека, дать политическую оценку всем противозаконным и антиконституционным действиям, продолжающимся вот уже почти три года в отношении населения Арцаха.

Мы обращаемся ко всем международным правозащитным организациям с призывом поддержать Резолюцию II Международной Конференции по правам человека (г. Ленинград, 4 сентября 1990 г.), в которой говорится о необходимости создания компетентной международной комиссии, составленной из юристов, политологов, правоведов, журналистов для выявления нарушений прав человека в НКАО, для широкого информирования мировой общественности и восстановления гуманистических ценностей в регионе. Мы будем добиваться выполнения своих требований всеми силами нашей души, силой материнского сердца, материнской любви.

«Советский Карабах», 28 сентября 1990 г. № 203 (2634)

В А З Г Е Н И :

«Я ЕДУ ТОЛЬКО С НИМ»

Закончилась продолжавшаяся двадцать один день голодовка народных депутатов СССР **З. БАЛАЯНА, В. АМБАРЦУМЯНА, С. САРКИСЯНА, В. ГРИГОРЯНА,**

а также председателя исполкома упраздненного Нагорно-Карабахского областного Совета народных депутатов **С. БАБАЯНА**.

На девятнадцатый день, когда под угрозой оказалось уже не только их здоровье, но и жизнь (З. Балаян недавно перенес тяжелейшую операцию на сердце, В. Амбарцумяну во время голодовки исполнилось 82 года), в Москву прилетел авторитетнейший в Армении человек — глава армянской церкви католикос Вазген I.

В гостинице «Москва», где находились голодающие, из уст в уста передавались его слова: «Я еду только вместе с ними».

После пресс-конференции армянского католикоса в пресс-центре МИД, где он сделал заявление, удалось с ним встретиться отдельно.

— На этот раз у меня грустная миссия, — сказал Вазген I. — Голодовка народных депутатов — акт не только протеста, но и безнадежности. Они сыны нашей церкви, и я не мог оставаться равнодушным к их судьбе. Кроме тех телеграмм, которые я послал им, я считал долгом лично приехать и принести свое благословение, свое уважение к ним и, главное, надежду на то, что тяжелая карабахская проблема найдет разрешение в ближайшее время. Я приехал призвать их считать достаточным то, что они сделали до сегодняшнего дня. О голодовке узнала вся Армения, весь народ оценил мужество и стойкость духа. В святой Эчмиадзин со словами сочувствия и восхищения приходят также письма и телеграммы со всего мира.

Внимание общества заново привлечено к Нагорному Карабаху, к необходимости возобновления там деятельности органов самоуправления со всеми их функциями. Но теперь нужно искать иные формы борьбы за то, чтобы все в Карабахе снова получили право собственной волей вершить свою судьбу.

Я не верю, что нынешняя ситуация в интересах армянского или азербайджанского народов. Оба народа находятся в тревоге — жаль и тех, и других. Продолжение конфронтации никому не принесет пользы. Однако недостаточно только словесно выразить эти чувства. Нужны решительные действия — и мы ожидаем их со

стороны центра, — чтобы путь к примирению и взаимопониманию был открыт.

Е. КУЗЬМИН
«Литературная газета» 3. 10.90.
№ 40 (5314)

НАГОРНОМУ КАРАБАХУ — ВЫБОРНЫЕ ОРГАНЫ ВЛАСТИ

Да, положение в Нагорном Карабахе чрезвычайно сложное. Струна напряжения натягивается все больше и больше.

Да, по периметру границ области происходят стычки боевиков и льется кровь невинных людей.

Да, экстремисты действуют вопреки законам страны и всего цивилизованного общества, хотя всем ясно: силой оружия межнациональные споры решить нельзя — его можно только усугубить положение.

Да, солдаты и офицеры внутренних войск несут тяжелую службу, делая в соответствии с воинским долгом все для того, чтобы не допускать трагических столкновений сторон, способствуют поддержанию мира.

Но все это отнюдь не является основанием, чтобы население автономной области на протяжении длительного времени существовало в политическом вакууме. Совершенно очевидно, что для налаживания нормальной жизни в регионе нужна нормальная власть. Не военная, которая может выполнять лишь сугубо охранные функции, а гражданская. Но парадокс в том, что в Нагорном Карабахе советской власти в лице Советов народных депутатов не существует.

Будем говорить прямо. Во время пика напряженности в этом регионе в начале 1989 года при создании Комитета особого управления НКАО Президиум Верховного Совета СССР пошел на нарушение Основного Закона страны, ликвидировав в области выборные органы. Тогда казалось, что другого выхода не было. Но с тех пор прошло 19 месяцев. Распущен и Комитет особого управления. Однако власть Советов так и не восстановлена.

КАРАБАХСКАЯ ДРАМА

серия репортажей «Радио Свобода» из Нагорно-Карабаха, программа «В стране и мире» 7, 8, 9, 12, 13, 14 ноября 1990 г.

7 ноября

Ведущий программы Савик Шустер: «В Нагорном Карабахе в любой день может вспыхнуть пламя гражданской войны — так считает Андрей Мальгин, народный депутат Моссовета и главный редактор журнала «Столица», который сегодня утром вернулся из поездки по дорогам карабахского конфликта. В поездке Андрея Мальгина сопровождал его помощник по работе в журнале, также депутат Моссовета, ветеран войны в Афганистане Александр Поляков.

Что показалось самым тревожным в НКАО? Андрей Мальгин рассказывает.

Андрей Мальгин: «Самое тревожное, и нас это, по правде сказать, удивило, дестабилизирующим фактором является армия. Степанакерт наводнен техникой, военнослужащими, хотя это компактная зона проживания армян, и нет нужды выполнять разделительные функции там. А функции выполняются совсем другие — карательные функции.

Очень многие жители Степанакерта задерживаются, причем днем или вечером до наступления комендантского часа, избиваются. Мы разговаривали в больницах с жертвами этих избиений. Случаи мародерства, разбоя, воровства со стороны вооруженных сил, со стороны солдат практически ежедневны. Местное население терроризируется солдатами. Под предлогом поисков оружия совершаются набеги карательных отрядов на мирные села.

Я был в селе Каджаван Мардакертского района. Это разоренное село, его покинули жители. Две недели назад ночью силами Рижского и Вильнюсского ОМОН, отрядов милиции особого назначения, подкрепленного внутренними войсками, эти деревни были расстреляны. Есть жертвы, есть раненые. Все мужское население, это порядка 23—25 человек, угнано в тюрьму в город Шу-

Логично задаться вопросами:

Как это можно совместить с понятием правового государства?

Как можно население целой области оставлять без выборных органов власти, да еще во время, требующее принятия решений, от которых зависят судьбы целых народов?

Как можно готовить новый союзный договор, который строится на расширении и неуклонном уважении прав народов, и пренебрегать конституционными правами населения НКАО?

Верховный Совет СССР еще в ноябре прошлого года принял постановление, предписывающее восстановление деятельности Совета народных депутатов и его исполнительного органа. Казалось бы, вопрос решен. Однако эта деятельность так и не восстановлена, что, безусловно, добавляет масла в огонь напряженности. И вот результат: группа народных депутатов от Нагорного Карабаха объявила голодную забастовку в поддержку требования о восстановлении власти Советов у них на родине. Прибегнуть к крайней форме политической борьбы их толкнуло отчаяние из-за неспособности решить вопрос в рамках нормального демократического процесса. Требование их полностью соответствует Конституции, а потому законно.

Движимые чувством справедливости, мы обращаемся к Верховному Совету СССР с призывом добиться выполнения своего решения от 28 ноября 1989 года и восстановить в Нагорно-Карабахской автономной области власть Советов. Справедливость должна восторжествовать.

Председатель президиума Советского комитета защиты мира, народный депутат СССР

Г. БОРОВИК

члены бюро президиума СКЗМ народный депутат СССР
**А. АНАНЬЕВ, А. АЛЕКСИН,
Г. АРБАТОВ, В. ЗОРИН,
В. КОВАНОВ, Г. КУЗНЕЦОВ,
А. МАСЕВИЧ**

«Литературная газета» 3. 10. 90
№ 40 (5314)

ша, где проживают азербайджанцы, а население этой деревни армянское. Содержатся они там незаконно, подвергаются насилию.

В этой деревне творились страшные вещи. Никогда не думал, что Советская Армия способна повторить то, чем занимались американские солдаты в деревне Сонгми. У нас записаны свидетельства очевидцев, кстати, и свидетельства солдат тоже, и я очень хочу, чтобы эти свидетельства прозвучали по радиостанции «Свобода».

Это не единственная акция. Позавчера, буквально на наших глазах, омовцы разгромили областной комитет ДОСААФ. Оружия, естественно, там не нашли, зато погром учинен полнейший: сорваны двери, разбиты стекла, лозунги разорваны, кстати, лозунги о нерушимом единстве народов Союза. Такая довольно символическая акция.

К чему все это приводит? Армянское население кто-то умышленно настраивает против армии, и тем самым разжигаются антирусские настроения. Армяне НКАО сейчас на грани взрыва, и то, что этот взрыв еще не происходит, во многом заслуга местных армянских властей, тех самых, которые распущены. И районные, и городской степанакертский Совет, комитеты партии распущены, руководители исключены из партии решением ЦК Компартии Азербайджана, но все-таки продолжают находиться на своих местах, руководят хозяйственно-политической жизнью области.

Нужно сказать, что есть еще один важный фактор, по которому не начинаются открытые действия против русских солдат. Это вопрос традиций. Многие мне говорили: как я могу поднять руку на русского солдата? Мы с русскими всегда жили в мире. Старейшины Нагорного Карабаха, все они ветераны Великой Отечественной войны, там 7 героев Советского Союза, с этими солдатами воевали. Они не могут перейти черту и поднять руку на этих солдат. Но скоро чаша терпения переполнится, я думаю действительно скоро. Если ничего не изменится.

Каким же может быть развитие событий? Я думаю, существуют два возможных пути развития.

Первый и наименее реальный это такой путь: армия переходит от карательных к миротворческим функциям, войска выводятся из Степанакерта и других районов компактного размещения лиц одной националь-

ности и размещаются в местах возможных столкновений. Сейчас их туда не дозовешься, если они приезжают, то постфактум, когда взаимные стычки уже произошли, когда кровь уже пролилась. Следующий шаг — воссоздание местных органов власти, без этого не может существовать область. И, что самое главное, выведение Нагорного Карабаха из административного подчинения Азербайджана. Это должна быть зона какого-то особого управления, не относящаяся ни к Армении, ни к Азербайджану. Либо она должна войти в ведение России, как последнее столетие до восемнадцатого года она была под протекторатом России.

Армянское и азербайджанское — все должно быть паритетным. Если сейчас азербайджанские милиционеры разгуливают с автоматами по всей территории области, я это видел, в том числе и разговаривал с ними в аэропорту, находящемся, кстати, на армянской территории, то армянские милиционеры разоружены. Поэтому и в этом должен быть паритет.

Второй путь, наиболее реальный и, к сожалению, чреватый серьезными последствиями, если ничего не произойдет из того, что я перечислил выше — в ближайшие месяц-два, до конца года точно, армянское население области перейдет в открытое вооруженное сопротивление Советской Армии. Для этого есть все возможности, все предпосылки. Люди хорошо вооружены, мы видели это вооружение, они знают местность, они готовы к войне в условиях партизанской борьбы, причем, готовы все от мала до велика. С кем бы я не говорил — все готовы защищать свою землю. Начнутся военные действия, по всей видимости, по всей территории Карабаха. Боюсь, что именно этого добиваются сейчас войска. Но армия в этом случае застрянет в Карабахе, как застряла уже однажды в Афганистане, как американцы застряли во Вьетнаме. В условиях горного, покрытого лесами Карабаха сражаться с этими людьми будет очень трудно. Вот такие две перспективы.

Что же в этом случае останется делать нам, представителям демократического лагеря? Я думаю, что есть смысл повторить то, что уже делалось в тридцать седьмом году, то есть участвовать в том, что будет в Карабахе силами интернациональной бригады. Я знаю, что если будет известна правда о том, что происходит в Ка-

рабах, очень многие молодые люди, русские молодые люди, особенно из числа воевавших в Афганистане, я говорил с ними, захотят принять участие за независимость коренного населения этой земли. Конечно, это будет очень серьезное решение, тут надо посоветоваться, подумать, и не втянет ли такое событие в гражданскую войну всю страну. Это тоже возможно. Но сейчас в эту гражданскую войну втягивает нас Советская армия, размещенная на территории Карабаха. Я в этом убежден.

Савик Шустер: «Вы слушали впечатления от поездки по Нагорному Карабаху народного депутата Моссовета, главного редактора журнала «Столица» Андрея Мальгина.

Начиная с завтрашнего выпуска программы «В стране и мире» мы предлагаем Вашему вниманию серию репортажей Андрея Мальгина «По дорогам карабахского конфликта».

8 ноября

Андрей Мальгин: «Во вчерашнем репортаже я вскользь упомянул о случае, происшедшем в селе Каджаван Мардакертского района.

Карательный отряд советских войск совершил нападение на это село. На языке карателей это называлось «акцией». Село было уничтожено. Сегодня я хочу рассказать об этом подробнее.

В Каджаване я был. Кстати, дорога туда и обратно заняла почти весь день, хотя можно было преодолеть это расстояние за 40—50 минут. Но армия перекрыла сейчас дороги, и нам во время всей нашей поездки приходилось пользоваться кружными путями, проселочными, горными очень плохими дорогами.

Село Каджаван из числа новых сел. Туда приехало жить десятка два молодых семей—выпускников степанакертского пединститута. Ребята приехали весной, отстроились, обзавелись скотом, распахали окрестные земли, открыли школу, детский сад, небольшой магазинчик, клуб—обжились. На беду, через поле, на расстоянии примерно километра находится село азербайджанское, и оттуда частенько постреливали. Я и сам слышал ве-

чером автоматные очереди, хотя Каджаван сейчас пустует. Стены испещрены следами от пуль, стекла выбиты, на земле валяются разорванные детские книжки, внутри в домах поломанная мебель, снаружи бродят ставшие бездомными исхудавшие собаки. Что же здесь произошло?

Рассказывает Сара Мангасарян: «Двадцать четвертого октября, без десяти пять утра мы были разбужены стрельбой из автоматов. Мы выскочили из дома и увидели, что обстрел ведется со всех сторон, и что приехало очень много солдат. Все было освещено ракетами, свет был очень яркий. В наш дом ворвалось сразу сорок или пятьдесят солдат. Они стреляли в стены. Женщины и дети кричали, просили о пощаде. Мы слышали такие же крики из других домов. Моего сына бросили на пол и стали без объяснений бить сапогами. Потом направили дуло автомата ему в шею и закричали: «говори правду, сволочь, сейчас мы тебя расстреляем. Мы спрашиваем: за что, что мы сделали? Такой мы получили приказ, отвечают солдаты. Они перевернули весь дом. Они искали не оружие, а деньги и украшения. С меня сорвали серьги, кольцо, крестик, все деньги наши рассовали по карманам. Бросили мне три рубля—возьми старуха, купишь завтра хлеба. Все, что было заготовлено на зиму в банках было разбито, всю нашу одежду изорвали, пулями изрешетили весь потолок. А потом всех парней собрали вместе и увезли. Детей они избивали дубинками.

У одного десятилетнего мальчика весь живот и вся шея—это сплошной синяк». Кстати, добавлю от себя, я этого мальчика видел.

Рассказывает Наира Багманян, домохозяйка, мать четверых детей: «Солдаты в красных беретах ворвались в дом не через дверь, а выбив окно. Мужа связали. С такой силой ударили 15-летнего сына Аркадия, что он покатился по полу. Связанного мужа били сапогами, прикладами по бокам. Разбили холодильник, детское пианино. Лейтенант показал на нашу 13-летнюю дочь и сказал рядовому: нравится она тебе—бери ее. Это многие слышали. Забрали тысячу пятьсот рублей. Уходя, из автомата открыли огонь по нашей машине стоявшей у двери».

Еще одно свидетельство. Мариэтта Минаян, завмаг, мать троих детей: «Моего сына Мгера избивали во дво-

ре. Другие солдаты в это время переворачивали весь мой магазин, забрали шестьсот рублей выручки, забрали три тысячи рублей, сбереженных для строительства дома».

Еще одно свидетельство. Гаянэ Петросян, учительница школы: «Мой муж Армен Бабаян тоже учитель. Нашу месячную зарплату 380 рублей солдаты забрали себе. Пропали и 10 тысяч сбережений, на которые мы собирались строить дом. Не знаю, что они сделали с Юриком, но его ужасный крик до сих пор стоит у меня в ушах. 30-летний Алиш Бекчарян был убит из автомата. Камо Багдасаряна не сумели добить, он в больнице, в реанимации».

Еще одно, последнее свидетельство. Рассказывает Гагик Габриелян, водитель: «Сначала, в нападении участвовали милиционеры, говорившие по-азербайджански, потом к ним на помощь пришли солдаты в красных и черных беретах. Рому бросили на пол. Его молодая жена Анна, которая беременна, попыталась дать ему одежду, потому что он был голый, но ее грубо оттолкнули. Забрали 2700 рублей, разбили магнитофон. Если бы вы видели, как они вырывали друг у друга двадцать магнитофонных кассет... Чуть было не перестреляли друг друга».

Довольно показаний очевидцев. Осталось назвать тех, кто провел в селе Каджаван эту доблестную акцию, хотя визитных карточек они не оставили. Как удалось выяснить, это солдаты Вильнюсского и Рижского ОМОН, милиционеры азербайджанского МВД и солдаты внутренних войск, приписанные к комендатуре района чрезвычайного положения. Всего в акции участвовало более двухсот военнослужащих. Каджаванцы сумели записать номера двух БТРов — 511 и 537, ОМОНовцев привезли в красном автобусе с номером 65-15 АГФ, который обычно находится в Степанакерте. Во время акции, а закончилась она только в половине девятого утра, к селу не подпускали ни сотрудников местной милиции, ни руководителей района, ни машину скорой помощи. Дорогу просто перегораживали БТРы. Кстати, любопытно, как удалось установить соединения, участвовавшие в карательной акции. Я упомянул номер автобуса, он находится всегда во дворе пединститута в Степанакерте, и когда на страницах местной газеты «Советский Карабах» был опубликован рассказ об этой акции и был

сообщен номер автобуса, испуганные офицеры сообщили армянам, что это не их соединение и по секрету назвал Рижский и Вильнюсский ОМОН, которые просто арендовали автобус для этой акции.

По свидетельству Сары Маигасарян, ее сын в числе других мужчин села находится сейчас в Шуше, в азербайджанской тюрьме. Мы говорили с ней в понедельник при свечах, поскольку электростанция, находящаяся в азербайджанском районе, по вечерам отключает в армянских районах свет.

Мы не сразу нашли Сару. Оставшиеся в Каджаване женщины и дети покинули село. Накануне, 4-го ноября у ее сына должна была быть свадьба. Тут же сидел старик, отец невесты. Скажите, спросил я, вот ваш сын вернется, вернутся другие мужчины, где вы будете жить? Неужели в Каджаване? Обязательно! — воскликнули все за столом, в том числе отец девушки, которой придется ехать с молодым мужем под пули. Это наша земля, — сказали люди, — мы будем жить на ней.

Для программы «В стране и мире», Андрей Мальгин, Нагорный Карабах!

Корреспондент «Радио Свобода» уточнил, что в описанных событиях действовали солдаты Рижского ОМОН, в то время как солдат Вильнюсского ОМОН в Карабахе не было.

9 ноября

«Начну с того, чем кончил вчера. Рассказывая о карательных акциях, которые армия проводит в Карабахе против армянского населения, я вдруг задумался — не получается ли так, что я встал на сторону одной из противоборствующих сторон, потерял объективность. Я говорил в Карабахе и с армянами, и с азербайджанцами. В общем, и те и другие жаловались, что устали от противостояния, что хотят вернуться к нормальной мирной жизни. Я понимаю и тех и других. Но прочитав сводку МВД СССР, в которой перечислены все происшествия в районе чрезвычайного положения за минувший месяц, за октябрь. Вот какую статистику дает эта сводка.

Убито: армян — пятеро, азербайджанцев — один.

Ранено: армян — шесть, азербайджанцев — ноль.

Совершено разбоев и краж скота всего — 15.

Угнано голов крупного рогатого скота:

у армян — 825, у азербайджанцев — 0.

Угнано мелкого рогатого скота:

у армян — 1224, у азербайджанцев — 0.

Обстрелы населенных пунктов:

армянских — 6, азербайджанских — 1.

Обстрелы и забрасывания автомашин камнями совершено:

армянами — 2, азербайджанцами — 7.

Поджоги объектов:

армянских — 1, азербайджанских — 0.

Прямые свидетельства угона скота в азербайджанские населенные пункты — 5.

Итак, судя по этим данным, армянские населенные пункты чаще подвергались нападению, именно у армян угоняли скот, именно их дома сжигали, а на их машины чаще всего нападали. Казалось бы, что должны делать в этой ситуации войска, которыми наспигован Нагорный Карабах? Они должны были бы разоружить азербайджанскую сторону и обеспечить охрану армянской стороны. Но читаем сводку дальше.

За указанный период войсками комендатуры РЧП, т. е. района чрезвычайного положения, проведено четыре операции по изъятию оружия у населения, все — в армянских населенных пунктах. В трех случаях найдены складирования оружия и другого военного снаряжения. В азербайджанских населенных пунктах таких операций не проводилось как в НКАО, так и в районах, примыкающих к НКАО и входящих в район чрезвычайного положения.

То есть, карательные акции проводятся только в армянских селах, разоружена только армянская милиция. У азербайджанской в руках автоматы. Скот азербайджанцы увозят, по сути под прикрытием войск.

По разному объясняют такое пристрастие расквартированных в НКАО войск армяне. Одни говорят, что все войска в Карабахе находятся на довольствии Азербайджана, который тратит на их содержание около 18 миллионов рублей в год, и армия просто служит тому, кто ее кормит.

Другие ссылаются на то, что Комиссия Верховного Совета СССР, созданная год назад и призванная действовать войск контролировать, на самом деле существует лишь на бумаге. Распоряжается же в Карабахе до сих пор так называемый Оргкомитет, куда представители армянского населения не входят. Именно эту власть военные в Карабахе считают законной.

Действительно, председатель Комиссии Верховного Совета Фотиев за минувший год лишь дважды удосужился побывать в Нагорном Карабахе, да и приезжал лишь на несколько часов и время проводил исключительно в комендатуре.

Я слышал и другие объяснения, вплоть до того, что офицеры получают большие деньги от азербайджанской мафии и что Раиса Максимовна, мол, мусульманка, и потому Горбачев старается отдать Карабах азербайджанцам, или, как их все здесь называют, туркам.

Я думаю, что Раиса Максимовна здесь ни при чем, хотя надо признать, Горбачева сейчас в Нагорном Карабахе ненавидят все. Дети лепят глиняные фигурки Горбачева и расстреливают его камнями. Считается, и не без причин, что Горбачев обманул карабахцев.

Что касается больших денег, якобы полученных офицерами, то тут, я думаю, все проще. Хотя мне и показали список офицеров, отправляющих со степанакертской почты баснословные суммы себе на родину, это, скорее всего, просто награбленное, а не полученное в качестве мзды. Во всех пострадавших селах я слышал о повальном мародорстве солдат и офицеров...

Откуда же пришел этот приказ — развернуть против армянского населения террор? Разумеется, из Москвы. Судите сами, ведь с чего все началось? С того, что Нагорный Карабах объявил о своей самостоятельности, об отделении от Азербайджана. А в Карабахе решение об отделении принял и областной Совет, и областная партийная организация. Такое решение поддерживает большинство населения, ведь более 80% его — армяне, и любой референдум ясно какой дал бы результат.

За день до Сумгаита Горбачев предупредил о непредсказуемых последствиях их шага. Намек был понят, наутро началась резня. Но надежды на террор со стороны азербайджанцев не оправдались. Армяне быстро оправались от шока, организовались и сумели дать от-

пор. Тут-то и пришлось прибегнуть к помощи армии, которая на словах разделяет две враждующие стороны, а на деле борется с народом, попытавшимся самоопределиться.

Паралельно осуществляется широкомасштабная азербайджанизация области. Строительство такого масштаба я давно не видел. Скажем, рядом с аэропортом строится новый населенный пункт, так вот, насколько хватает глаз, от горизонта до горизонта сплошная строительная площадка. Материалы и мощная строительная техника поступают бесперебойно, а переселенцы из Азербайджана обеспечиваются кредитом и другими формами поддержки.

Одновременно Карабах силами армии оказался полностью отрезанным от Армении. Единственное средство сообщения — небольшой самолетик ЯК-40, всего несколько рейсов в день, каждый из которых забирает не больше сорока пассажиров. О грузовых перевозках нет речи. Второй аэропорт, куда на грунтовую полосу садятся кукурузники, в Мардакерте время от времени уничтожается войсками, его поле распахивается тракторами с плугом. Грузы, прибывающие на степанакертскую железнодорожную станцию, разграбляются.

Между Карабахом и Арменией всего лишь 6-километровая полоска, но она надежно перекрыта войсками. Как утверждает генерал-майор Сафонов, комендант района чрезвычайного положения, он готов открыть путь в Армению в любой момент, для этого ему нужен лишь приказ сверху.

Уже вылетая из Степанакерта в Ереван, в аэропорту я разговорился с молодыми ребятами, как оказалось, москвичами, из орехово-борисовского милицейского полка. В разговоре выяснилось, что на политзанятиях им внушают, что войска прибыли в Карабах, чтобы защитить азербайджанское национальное меньшинство, что все преступления, совершаемые в области, на совести армянских экстремистов. Я без труда убедился, что солдат вводят в заблуждение, как, впрочем, и всех нас. В сообщениях ТАСС, в информационной программе «Время» нас пичкают точно такой же дезинформацией.

Как такие фальшивки создаются, я расскажу в своем следующем репортаже из Мартунинского района Нагорного Карабаха».

12 ноября

Савик Шустер: «10 сентября ТАСС выступил с сообщением, в котором говорилось: армянские боевики совершили нападение на село Верин Диманлар Физулинского района и потребовали от жителей покинуть село. По просьбе диманларцев из Физули подоспело подкрепление. Нападение было отражено. 19 боевиков взяты в плен. Чтобы выяснить, что же произошло на самом деле, Андрей Мальгин выехал на место происшествия, и первое, что он выяснил, произошло эти события, хотя и недалеко от Физули, райцентра с азербайджанским населением, но все-же на территории «Мартунинского района, где большинство населения составляют армяне».

Андрей Мальгин: «Первый визит я совершил к лицу официальному — первому секретарю Мартунинского райкома партии Олегу Есаевичу Есаяну. Привожу его рассказ, записанный мной на пленку:

На границе с Физулинским районом находятся армянские села Сос и Мачкалашен. 8-го сентября жители этих сел торжественно открыли храм — Амарасскую церковь. На следующий день около восьми часов вечера в храм ворвались военнослужащие, учинили в нем разгром, осквернили его, угрожали священнику. Я связался с военным комендантом нашего района Фоменко с просьбой немедленно обеспечить охрану храма. Он отказался это сделать, порекомендовал охранять храм своими силами, с утра поставить около храма пост. Но, увы, события развернулись в ту же ночь. Около часа ночи в райком позвонила Ахшун Ованесян, председатель колхоза, и сообщила, что на ее колхоз напали — приехали БТРы и открыли стрельбу.

Мы тут же выехали на место происшествия. Впереди была машина, в которой находились начальник райотдела милиции, его зам. и два участковых милиционера, по дороге к ним подседа председатель колхоза. По дороге мы слышали звуки интенсивной стрельбы. Мы приблизились к месту событий, это примерно метрах в 200 от храма. Милицейская машина с включенной мигалкой прорвалась вперед, на нее обрушился шквальный огонь. Выбравшие из близлежащей фермы люди сообщили

мне, что приехали солдаты на БТРах, стреляют во всех, кто проезжает мимо, задерживают, есть много раненых. Я связался по радию с начальником милиции, но он не отвечал. Минут 40-50 шла беспорядочная стрельба, затем наступило затишье, после чего солдаты двинулись цепью в нашу сторону, прочесывая автоматами местность. Мы спрятались на ферме, которую буквально изрешетили пули. Мы попытались вернуться по той же дороге, но из того азербайджанского села, которое мы видели раньше и которое показалось нам пустым, по нашей машине открыл стрельбу замаскированный там БТР. Пришлось дожидаться рассвета и возвращаться через горы.

А вот что поведал мне начальник райотдела милиции Валерий Габриэлян:

«Подъезжая к тому месту, из которого велась стрельба, я включил мигалку и через микрофон повторял: прошу не стрелять, я начальник райотдела милиции, готов вступить в переговоры. Ответом мне была стрельба прямой наводкой по нашей машине. Вылетело лобовое стекло, заггло двигатель. Мы выскочили из машины. Прямо перед собой я увидел коменданта Физулинской комендатуры, майора Нестерова, окруженного группой солдат. Он потребовал бросить оружие и подойти. Первым поднял руки и двинулся в его направлении инспектор Аганбегян, тут же в него выстрелили, попали в плечо, он с криком упал. Нам ничего не оставалось делать, как броситься врассыпную. Я прыгнул в кусты, по которым сразу же был открыт огонь. Нестеров крикнул мне: выходи, а не то я тебя сейчас убью. Я вышел, он несколько раз ударил меня автоматом. Примерно час всех нас заставили лежать лицом вниз, затем связали, сложили штабелями, как дрова, и погрузили в автобус. Нас было в этом штабеле 26 человек, в том числе женщина, председатель колхоза.

Нас привезли сначала в Физулинскую комендатуру, потом в райотдел милиции. Начальник этого отдела, увидев меня, сделал вид, что удивился: ой, среди вас оказывается, работники милиции, надо же, такую операцию возглавили работники милиции. Я в ответ говорю: что вы делали в Мартунинском районе?

Больше суток нас продержали под арестом. Работников милиции не били, но мы слышали крики наших

ребят — их жестоко избивали. Одного из наших — Вячка Карапетяна — убили.

Узнали мы о сообщении Азеринформ, мол комендатура Физулинского района совместно с районным управлением внутренних дел задержали группу вооруженных армянских бандитов, в числе которых начальник милиции Мартунинского района, пять сотрудников райотдела милиции и боевики. Но кто же эти боевики? Двое учителей, председатель колхоза, главный агроном района, сторож фермы, животноводы, короче все, кто имел несчастье проехать мимо карателей, обосновавшихся возле храма. В конце концов, большинство их нас освободили, но девять человек до сих пор в плену. Они находятся в Бакинской тюрьме, и непонятное следствие по их делу ведет прокуратура Азербайджана. Мы требуем перевести их хотя бы в Степанакерт, потому что они могут не выдержать издевательств, которым их подвергают в тюрьме.

Взявшие нас быстро разобрались, что мы не боевики, но, оказывается, уже доложили прокурору республики, уже сообщили в программе «Время», уже написали в газетах и просто не знали, что с нами делать».

Что ж, на этом можно было бы поставить точку, но я хочу сослаться на публикацию газеты «Советский Карабах» от 2-го ноября. Вышедшие на свободу «боевики» Сергей Арутюнян, Андраник Саакян и другие, рассказывая об издевательствах, которым их подвергали в тюрьме солдаты внутренних войск, поведали любопытную историю. Оказывается, после особенно жестоких побоев их пытались заставить позировать при любопытной съемке. 70-летнему Саркису Саруханяну дали в руки гранату, а он, кстати, ветеран Отечественной войны, старый заслуженный человек, учитель, рядом с ним поставили остальных, и они должны были изображать атаку, в качестве тех самых боевиков, о которых сообщило ТАСС. Когда участники этой инсценировки наотрез отказались принимать в ней участие, их бросили наземь и долго избивали ногами».

13 ноября

Андрей Мальгин: «То, что происходит сейчас в Нагорном Карабахе, можно назвать одним словом — произвол.

По идее жизнь в области должна была бы проходить под знаком постановления Верховного Совета СССР от 28 ноября 1989 года. Это постановление отменило статус особого управления, название постановления было успокаивающим «О мерах по нормализации в НКАО». Что ж, минул год и можно подвести некоторые итоги.

В первом пункте постановления обещано: «Будут приняты решительные и безотлагательные меры по снятию блокады с железных и автомобильных дорог на территории Азербайджанской ССР». На самом деле блокада области значительно ужесточилась. Со стороны Баку ее осуществляют азербайджанцы, со стороны Армении — армия. Я видел, как посредине автомобильной магистрали прямо на асфальте строят дома. Армяне хотели удлинить взлетно-посадочную полосу степанакертского аэродрома, чтобы туда из Армении могли летать более вместительные самолеты, так азербайджанцы тут же застроили эту полосу со всех сторон домами. Они пустуют, так как из-за шума в них невозможно жить, но они под охраной внутренних войск.

Пункт 3 постановления гласил: «Создать на паритетных началах с НКАО республиканский оргкомитет и постановить деятельность советов народных депутатов НКАО». Что же в действительности? Оргкомитет создан, но в нем нет ни одного армянина. Более того, ни одного представителя Карабаха. Чьи же интересы он защищает? Деятельность же областного Совета никто не собирается восстанавливать так же, как и областной комитет партии. ЦК Компартии Азербайджана отдельным постановлением запретил деятельность райкомов и, что самое удивительное, райисполкомов. Как может ЦК партии запрещать советы народных депутатов? Об этом никто не задумался: ни в Москве, ни в местных военных властях. Более того, руководители Мартунинского района рассказывали мне, как в сентябре солдаты внутренних войск МВД СССР, выполняя распоряжения азербайджанского партийного руководства, оккупировали здание Мартунинского райкома и райсовета, запретив появляться в нем не только работникам райкома и райсовета, но и районной организации ДОСААФ и комсомола. Здание в течение нескольких суток осаждали толпы местных жителей, военные вертолеты и БТРы оказывали на них психологическое воздействие, но пока руководи-

тели района не получили возможность войти в здание, толпы не разошлись. Пожалуй, Карабах — это единственное место в Советском Союзе, где народ отстаивает райкомы.

В постановлении Верховного Совета от 28 ноября прошлого года далее сказано: «В двухмесячный срок разработать и принять новый закон о статусе НКАО, гарантирующий самоуправление, самофинансирование, территориальный хозрасчет, свободу экономических и культурных связей». Прошло не два, а значительно больше месяцев, а обстановка в Нагорном Карабахе становится все более напряженной, и никаких новых законов не принято. О каких культурных связях может идти речь, если в области закрыт театр, свирепствует военная цензура, происходит глушение передач армянского радио, сокращены ретрансляции передач республиканского армянского телевидения. О каких экономических связях мы можем говорить, если выращив в этом году небывалый урожай зерна, карабахцы не знают, где его перемолоть в муку. Азербайджанские мукомольные заводы отказываются это делать. Армения же от Карабаха отрезана.

В постановлении читаем: «Принять меры с целью недопущения изменения демографической ситуации в области, нарушающего сложившийся национальный состав». Тут делается все наоборот. В спешном порядке возводятся новые азербайджанские населенные пункты, в том числе, в сугубо армянских районах. Если посмотреть на географическую карту, то новое строительство выглядит весьма своеобразно: оно клиньями входит с разных сторон в мононациональную армянскую территорию. Тем самым перерезаются дороги, отсекаются друг от друга армянские населенные пункты со сложившимися хозяйственными связями. Одновременно азербайджанцы создают на этих территориях промышленные предприятия, колхозы, обеспечивая занятость десяткам тысяч переселенцев.

Постановление предусматривало создание при союзном парламенте контрольно-наблюдательной комиссии, но как она может наблюдать за развитием событий, если ее члены не бывают в Карабахе? Никаких решений, обязательных для военных властей, установивших здесь жесткую диктатуру, комиссия не принимает. Она суще-

ствуется только на бумаге. Зато комитет, присланный из Баку, расположился на центральной площади Степанакерта под охраной войск. Во главе его второй секретарь ЦК Компартии Азербайджана Поляничко. Внутренние войска, разоружая, в соответствии с указом президента, армянское население Карабаха, включая милицию, почему-то забывают это делать в отношении азербайджанцев. Мало того, что население там вооружено, так еще азербайджанское МВД, непомерно увеличив свои штаты, в каждом населенном пункте держит сотрудников. Ладно бы они охраняли жителей села. Нет, нередко случаи карательных акций против соседних армянских сел. Получается, что внутренние войска, призванные обеспечить в Карабахе мир, способствуют эскалации насилия.

17 сентября в упоминавшееся мной Мартуни приехал генерал-полковник Шаталин, командующий внутренними войсками МВД СССР. А в этом районе прошла сеть провокаций: занятие райкома войсками, акция по взятию заложников у Амарасской церкви и так далее. На все вопросы о странной роли вооруженных до зубов азербайджанских милиционеров Шаталин отвечал так: это дело министерства внутренних дел Азербайджана, Москва не вмешивается. Но почему, хочется спросить генерал-полковника, Москва не вмешивается, если существует постановление Верховного Совета, если приняты даже президентские указы.

Первый секретарь Степанакертского горкома партии Грант Мелкумян, с которым мне довелось беседовать, не без оснований полагает, что многочисленные азербайджанские милицейские отряды, отличающиеся крайней жестокостью, это просто оформившиеся вооруженные формирования азербайджанского Нагорного фронта. Я бы на месте генерала Шаталина обратил бы внимание на это обстоятельство, а не отмахивался от вопросов.

И вот результат. Шаталин уехал, а почувствовавшие свою безнаказанность азербайджанские милиционеры и ОМОНовцы продолжали бесчинствовать.

Так, 29 октября солдаты внутренних войск при участии азербайджанской милиции разгромили села Авдур и Мерушен. Второй секретарь райкома партии Валерий Айрапетян, оказавшийся свидетелем событий, рассказал мне, как это происходило. Как солдаты выбили окна и

двери в четырех домах, избили их жителей. В числе пострадавших оказался председатель колхоза, которого избили, отправили на фильтрационный пункт — страшное место, откуда никто не возвращается здоровым. Причина — найденные возле его дома две старые гильзы от охотничьего ружья.

Когда солдаты закончили разорять дома, они сели в два БТРа, двинулись в центр села, сломали ограду памятника павшим воинам, в 9.00 остановили БТР на площади села и, включив музыку, принялись танцевать. После этой разрядки, подвергшей жителей села в ужас, они отправились разорять соседний Мерушен.

В больнице Степанакерта я разговаривал с тяжело раненым жителем Авдура Юрием Гаспаряном и узнал от него подробности, от которых стынет кровь. Но об этой встрече и о беседах с другими пострадавшими, а ими переполнена степанакертская больница, я расскажу в следующий раз».

14 ноября

Андрей Мальгин: «Одно из самых тягостных впечатлений от этой поездки — посещение степанакертской городской больницы. Она в эти дни похожа на прифронтовой госпиталь, хотя военные действия в полном смысле слова в Нагорном Карабахе пока не ведутся. Больница переполнена ранеными.

Я разговариваю с 46-летним Робиком Мирзояном. Он жестоко избит, лицо его страшного желто-синего цвета, сплошной синяк, на лбу и на глазу повязка. Врачи сказали, что Робик останется без глаза.

«В половине десятого вечера, — рассказывает он, — я шел домой, чтобы успеть до начала комендантского часа. Со мной было трое друзей и мальчик. Неожиданно к нам приблизился патруль — пять солдат в бронежилетах. Они были как-то странно взвинчены, глаза их блестели. Я сразу же подумал, что они либо пьяны, либо находятся под действием наркотиков. Они потребовали паспорта. Мы достали их, а мальчишка, испугавшись их, почему-то побежал от нас. Один из солдат вскинул автомат, чтобы стрелять в мальчика. Я не дал

ему этого сделать. Тогда нас загнали в машину и продержали часа два или три. Потом подъехала другая машина, в которой были еще арестованные. Всех нас отправили в фильтрационный пункт, там приказали стать лицом к стене, расставить ноги шире плеч. Тут же меня ударили прикладом автомата по голове, я упал, потерял сознание. Потом мне рассказали, что, когда друзья попытались меня поднять, их тоже избили».

«Скажите,— спросил я Робика Мирзояна,— с вами первый раз такое происходит?»

«Нет. Однажды я сделал замечание офицеру, который матом обругал пожилую женщину. Тогда он приказал солдатам побить меня дубинками. Многие мои знакомые избиты в Степанакерте среди бела дня».

Робик прав, таких случаев много. Даже на квартире народного депутата СССР Зория Балаяна, за несколько дней до моего приезда в Степанакерт, неизвестные в военной форме совершили нападение. В городе получило широкий резонанс убийство архитектора Армена Акоюяна патрулем. Он был убит тремя пулями у порога своего дома. Кстати, как свидетельствует хирург, производивший вскрытие, это были не обычные пули, а пули со смещенным центром тяжести. Попадая в тело человека, они несколько раз меняют направление, буквально разрывая его изнутри.

В 1986 году Советский Союз под нажимом мировой общественности вынужден был отказаться от применения этих пуль в Афганистане, но они, как видим, продолжают использоваться внутри страны. Именно этими пулями были в прошлом году убиты солдатами шестеро человек на ереванском вокзале.

За несколько дней до моего приезда в Нагорный Карабах там побывала группа независимых военных экспертов Союза «ЩИТ», они обнаружили, что пули со смещенным центром тяжести использовались при проведении акции в селе Авдур в октябре этого года...

Еще одна беседа с поступившим накануне Нельсоном Баласаняном из села Дудукчи Гадрутского района:

«Ночью примерно в три часа, услышав шум возле дома, я поднялся, разбудил семью. В дом ворвались солдаты в красных беретах, но некоторые были в обычной милицейской форме. Дети, а у меня их четверо, запла-

кали. Я сказал им: не плачьте, дети, это же русские солдаты, они не сделают вам ничего плохого. В этот момент меня ударили по лицу, сломали нос. Стали кричать: давай оружие. Я ответил, что оружия нет. Тогда меня связали, бросили возле лестницы, перевернули весь дом, убили собак. Когда выяснили, что оружия нет, меня избили так, что я потерял сознание. Сейчас приходила жена, сказала, что солдаты унесли все наши деньги, 800 рублей, и все золотые вещи. Мешки с зерном, мукой, кормами порезали и высыпали на землю».

Я шел из степанакертской больницы и думал не об этих людях, залечивающих здесь свои раны. Я думал об их детях. С каким чувством к русским солдатам и вообще к русским вырастут они? Не раз в Карабахе я слышал, что растет первое поколение, у которого ненависть к русским будет заложена в крови. Их отцы и деды не знали этого чувства. Никогда за всю историю Нагорного Карабаха русские не причиняли вреда его населению. Более того, без малого триста лет тому назад Карабах добровольно вошел в состав Российской империи, стал форпостом нашего государства на южных границах. Все взрослое население Карабаха ушло в 41 году на войну. Оттуда вернулось семь героев Советского Союза.

Что расскажет своему ребенку Феликс Бархударян, заведующий степанакертским магазином № 1? Его вытащили из машины на бензозаправочной станции. Он предъявил по требованию солдат документы. Избиение началось в тот же миг. Избитого Феликса привели в кафе на железнодорожном вокзале. Там вдоль стен уже стояли десятки задержанных, широко расставив ноги лицом к стене. Так простояли пять часов. Если кто-то пытался переменить позу, его били по бокам прикладами. К одному из стоявших подошел солдат и участливо спросил: где у тебя больше болит? Тот показал на колено, тут же солдат с силой ударил по колену прикладом автомата. «Самым удивительным,— говорит Феликс,— было то, что никто из нас не сопротивлялся, но они все равно били по головам, ногам, бокам, рукам. Мне казалось, что это мне снится или снимают какой-то военный фильм».

Таких свидетельств я привез из Карабаха много, очень много. Интересно, знает ли министр внутренних дел СССР тов. Бакатин, чем занимаются в Нагорном Карабахе подчиненные ему внутренние войска.

Для программы «В стране и мире», Андрей Мальгин, Нагорный Карабах»,

ОГЛАВЛЕНИЕ

От составителей

1988 год

Нагорный Карабах	7
Р. Медведев. Национальный конфликт в Закавказье и кризис политики гласности	25
А. Д. Сахаров. За спокойствие и мудрость	30
С. Горячев (Письмо в «Огонек»)	33
Мих. Лотман. Нагорный Карабах—Сумгаит	34
А. Д. Сахаров. Неизбежность перестройки (отрывок) Карабах	55
А. Василевский. Туча в горах	58
В. Шейнис. Уроки карабахского кризиса	74
Р. Гамзатов. Открытое письмо моему другу Наби Хаари	89
	99

Сумгаитские процессы

В. Лошак. Сумгаит. Эпизод трагедии	114
Настал ли час расплаты?	118
А. Оганесян. Водораздел	128
С. Желтов. Направить на следствие	144
И. Буркова. Сумгаитский процесс	149
А. Пральников. Факты и боль	160
Н. Кремнева. Давайте думать, давайте действовать	163

Баку — Кировабад

Н. Краминова. За что погиб Борис Гусев?	169
А. Пральников. Особое положение	173
В. Лошак. Граница.	176
М. А. Теперь я знаю, что чувствовали евреи Германии в 1938 году (Бакинский дневник)	178

1989 год

К. Михайлов. Нам вместе жить	186
После землетрясения	199
Вопросы к кандидату (Интервью с академиком Сахаровым)	204
А. Пределе. Первый вопрос — Ну, как там?	207
А. Пределе. Милосердие и защита	212
И. Калниньш. Карабах: в ожидании решения	215
Ю. Афанасьев. Кто мы такие?	218
А. Д. Сахаров. Степень свободы	221
А. Петрушов. Драма на шоссе	222
	565

Убийи — к статье (Письмо в редакцию)	230
Арцах: весточка с севера	233
На грани большой трагедии (Интервью с ответственным работником ЦК КП В. А. Сидоровым)	234
А. Пральников. НКАО: будни особого управления	243

Блокада

А. Демуриан, А. Пральников. Армения в эти дни	246
М. Поздняев. Блокада	252
Л. Милославский. Конец блокады?	254
Блокада прекращена — считаем потери	260
Е. Пеструхина. Проблемы остаются	261

НКАС: События и размышления

Открытое письмо в Верховный Совет СССР (сотрудников ВСЕГЕИ)	262
Депутатам Верховного Совета СССР (Второе письмо сотрудников ВСЕГЕИ)	264
Интервью с Андреем Сахаровым (отрывок)	267
М. Дудин. «В Армении меня волнует все»	268
Ф. Шелов-Коведяев. За бортом истины	276
В. Петровский. «Почему Сумгаит?»	281
Г. Павловский. Три дня в феврале	286
К. Воеводский. Кто есть кто в карабахском конфликте	299
Чужая беда — моя	308
В. Моев. Анонимное возмущение	313

1990 год

«Мы пришли защищать»	314
А. Пральников. Закавказье: раскаленный январь	318
Т. Асатиани. Кто истинный виновник?	322
Д. Демидов. Рассказывают беженцы	325
Г. Алимов. Беженцы прибывают в Москву	328
Н. Микеладзе. Рельсовая война?	330
И. Афанасьев. Заложники неизвестности	331
М. Шакина. Пожар на границе	334
Г. Сидорова. Чрезвычайное положение	337
А. Панченко. Свидетельствуют очевидцы бакинских событий	341
Провокации НФО Азербайджана. Не вышло	343
В. Пругер. Разоблачение фальшивки	344
Э. Володин. Комментарий ученого (к беседе с Г. Хериши	

Откровения «жесточкого человека»	348
Л. Жукова. Беда... «Вам будет плохо»	350
А. Пральников. Затишье в Карабахе	355
Р. Давидов. Нагорный Карабах: связь времен	358
И. Беляев. Азербайджанцы — «разделенный народ»?	362
А. Головкин. Проникающее ранение	364
М. Виленский. Тихая трагедия	368
М. Шакина. Войска введены. Погромы остановлены. Что дальше?	375
Г. Сидорова. Уроки на сегодня	379
В. Чаликова. Люди с содранной кожей	382
«Черный ящик» на минном поле	402
А. Воробьев. «Время лозунгов уходит» (отрывок)	411
«К сожалению, это реальность...»	414
К. Уокер. Армения в 90-х годах: перспективы и опасности	421
Людмила из Смоленска. Я открыла свою Армению	436
Е. Боннэр. Нужна правда	440
Ш. Мгоян. Газета «Армандж» о положении курдов	445
К. Воеводский. О статье В. Рамма и вокруг нее	447
Е. Боннэр. «Предотвратить второй геноцид армян»	458
В. Комаров. Черный сад	464
С. Балувев. Когда политика вмешивается в право	470
Л. Азроян, Дж. Балагезян. Почему не досказываете, товарищ генерал?	477
В. Провоторов. Баку: начало девяностого	481
И. Иванов. «Во всем виноват Гдлян...»	496
На ступенях беды (Беседа с народным депутатом Г. Старовойтовой)	507
Выступление подполковника Ищука Александра Сергеевича по армянскому телевидению	511
Е. Боннэр. Надежда? Безнадежность? Без права на защиту?	518
О. Орлов, Д. Леонов. Нагорный Карабах: медленный взрыв	524
Л. Лазарев. Не побрезговали	534
Голодовка народных депутатов продолжается	538
Обращение всесоюзного комитета солдатских матерей и благотворительного фонда материнства НКАО	540
Е. Кузьмин, Вагген Г: «Я еду только с ним»	541
Нагорному Карабаху — выборные органы власти	543
А. Мальгин. «Карабахская драма»	545
Оглавление	647

Составители:

Сурен Тигранович Золян
Грачик Казарович Мирзоян

НАГОРНЫЙ КАРАБАХ И ВОКРУГ НЕГО...
ГЛАЗАМИ НЕЗАВИСИМЫХ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ
(сборник статей)

Редактор Э. К. Кацахян
Худ. редактор С. В. Погосян
Техн. редактор А. К. Тоноян
Корректор А. В. Мандакуни

ИБ № 3273

Сдано в набор 20. 05. 1991 г. Подписано к печати 28. 08. 1991 г.
Формат 84×108^{1/2}. Бум. тип. № 2, Гарнитура «Латинская». Печать
высокая. Усл. печ. 29,82 л., печ. 29,82 кр. от., изд. 33,74 л. Ти-
раж 20000. Заказ 632. Цена 6 руб.

Издательство «Луйс», Ереван-9, ул. Корюна 19а.

Главное предприятие полиграфического производственного объеди-
нения имени Акопа Мегапарта комитета по печати при Совете Ми-
нистров Республики Армения, Ереван-9, ул. Теряна, 91.